

Российская Академия наук
Институт философии

В.И. Спиридонова

**БЮРОКРАТИЯ
И
РЕФОРМА**
(анализ концепции М.Крозье)

Москва
1997

ББК 66.01

С 72

В авторской редакции

Рецензенты:

доктор филос. наук *Г.К.Ашин*

доктор филос. наук *М.Н.Грецкий*

С 72

**СПИРИДОНОВА В.И. Бюрократия и реформа
(анализ концепции М.Крозье). – М., 1997. – 202 с.**

В монографии рассматриваются проблемы логики реформирования современного государства в условиях кризиса традиционных отношений власти и технократической модели социального контроля, а также в рамках бюрократического кризиса общества. Исследуются возможности аналитической аналогии кризиса общества во Франции и в России на основе концепции известного политического ученого М.Крозье.

ISBN 5-201-01939-0

©В.И.Спиридонова, 1997

©ИФРАН, 1997

Введение

Анализ феномена бюрократии в современной политической науке далеко вышел за рамки ее понимания как административного явления, предполагающего описание ряда недостатков функционального характера. Бюрократия — это не только способ осуществления работы в учреждениях и не только специфически организованный, по определенным критериям отобранный слой служащих. Бюрократия — это тип государственной организации и стиль жизни в обществе. Это определенный тип динамики развития и приспособления к процессам модернизации общества.

В отечественной литературе до недавнего времени исследование бюрократизации общества ограничивалось критикой дисфункциональной стороны ее деятельности, свойственных ей рутины, формализма, косности взглядов, медлительности исполнительской функции (1). В течение длительного периода даже слабые намеки на возможность существования бюрократии как профессиональной группы, а тем более как социального слоя или типа государственного устройства считались недопустимыми. В соответствие с этим ее анализ в лучшем случае осуществлялся в форме критики западных концепций и прежде всего таких представителей буржуазной научной мысли как М.Вебер или, в меньшем объеме, Д.Марч, Г.Саймон, П.Селзник (2).

В 90-е годы, однако, в связи с изменением социальных процессов спектр размышлений о бюрократии существенно расширился. Появились работы, анализирующие феномены бюрократического сознания, связь явления бюрократии с организационно-управленческими понятиями и явлениями культуры (3). В связи с началом развития этого направления российской научной мысли для нас не могут не представлять интереса попытки западных теоретиков концептуализировать явление бюрократии, создать более или менее целостное видение этого феномена как результа-

та жизнедеятельности самого социального механизма, его организационно-культурных составляющих. Именно такого рода попыткой является теория бюрократии, бюрократического общества, кризиса этого общества, принадлежащая перу французского исследователя Мишеля Крозье.

В современной политической науке широко используются такие категории научного исследования, как “бюрократическое общество”, “бюрократический кризис”, “бюрократический ритм развития”. Многие из них стали популярными и даже получили право на жизнь благодаря этому ученому, широко известному на Западе, но мало знакомому российскому читателю. Ученик известного французского социолога Ж.Фридмана, М.Крозье в 70-80-х годах считался наряду с А.Турэном одним из двух крупнейших социологов Франции (4). Начальный период творчества Крозье приходится на 1950-1960-е годы. Многие молодые французские исследователи начинают в эти годы свою карьеру в научно-исследовательских центрах США. М.Крозье оказывается в их числе (5). Его научные изыскания в этот период носят характер прикладных эмпирических исследований, близких по направленности к работам в области “человеческих отношений” (6).

С возвращением во Францию в середине 50-х годов М.Крозье на основе анализа и теоретического обобщения огромного эмпирического материала, посвященного “клиническому исследованию” деятельности двух крупнейших французских организаций, предлагает новую концепцию бюрократии, изложенную в его докторской диссертации, которая сохраняет в себе черты организационного и культурологического подходов.

Собственно, имя М.Крозье на Западе ассоциируется прежде всего с названием его основополагающего труда — “Бюрократический феномен”, благодаря которому он стал с 1963 года широко известен в Европе, а с 1964 г. с переводом его работы на английский язык и на американском континенте. В последующие годы, продолжая и углубляя ана-

лиз современного общества, его кризисного состояния, автор монографии о французской бюрократии с неизбежностью пришел к рассмотрению современного общества в целом как “бюрократического”, анализ бюрократии поднял до высоты политического анализа.

Исследованию бюрократической динамики общества у него логически предшествует анализ кризисного состояния современных демократий на Западе и французского общества в частности.

Пережив острый социально-политический кризис 1968 года, который М.Крозье рассматривает как реакцию интеллектуальных кругов на крайнюю степень бюрократизации французского общества, Франция, наряду с другими развитыми государствами мира, прошла через кризисы 1974–1975 годов и начала 80-х, которые по единодушному признанию тогдашней правящей элиты были сравнимы разве что с “великой депрессией” 30-х годов. Кризис 1974–1975 годов хозяйство Франции перенесло тяжелее, чем экономика других государств. Резко ухудшились общие условия воспроизводства: сократились темпы роста промышленного производства, уменьшились производственные инвестиции, значительно выросли цены, увеличился уровень безработицы, участились забастовки. Важным аспектом этого кризиса и последовавших за ним процессов развития французского общества стал кризис институтов социального контроля, государственно-административных механизмов регулирования общества и, в частности, кризис институтов власти. Возникла острая необходимость в анализе причин управленческо-бюрократического кризиса и поиска путей конструктивного реформирования социального организма. Именно эти аспекты исследования общества и стали главной темой крупнейших работ французского ученого начиная с 70-х годов. Такие известные труды М.Крозье как “Блокированное общество” (1970 г.), “Актер и система” (1977 г.), “Общество не изменяется декретами” (1979 г.) и, наконец, “Современное государство — скромное государство” (1987 г.)

составляют единый цикл работ, объединенных общей концепцией видения современного кризиса общества, прежде всего как бюрократического кризиса и поиска новой стратегии преобразования, новой логики реформирования этатизированного, сильно централизованного французского государства.

Основой анализа “заблокированного в бюрократическом ошейнике”, по образному выражению французского исследователя, современного общества является исследование проблем власти. Теория власти в концепции бюрократического кризиса общества М.Крозье — необходимый логический этап в раскрытии главных тем его анализа, ядра его социально-политической доктрины — концепции бюрократии и теории “социального изменения”. Желание вскрыть сущность власти и динамики властных институтов претворяется в работах Крозье в создание оригинальной, но несколько формализованной и метафизически окрашенной концепции функционирования власти, которая, однако, позволяет по-новому взглянуть на эти явления и многое в них прояснить.

В последних своих работах Крозье обращается к анализу политического кризиса общества, который он считает не зависящим от частных особенностей социально-политического режима общества, поскольку в основе любого общества лежат организационные составляющие его развития.

Главной темой его исследований становится изучение роли государства в процессе реформирования общества. Оставаясь в рамках общей инструментальной традиции понимания государства, которая характерна для западной государствоведческой мысли Нового времени и которая представляет его как инструмент, механизм, институт в ряду многих прочих, призванный разрешать конкретные социально-экономические и социально-политические проблемы, Крозье, однако, пытается увидеть в нем отголоски некоей метафизической идеи. Последняя, по его мнению, способствовала сакрализации этого института в глазах граждан и, однако, ныне эта идея перестает существовать. Смерть “государства-бога” заставляет пересмотреть восприятие

института государства и его функций в современном обществе. Более того, переоценка отношения к государству, его десакрализация является первейшей задачей современного общественного сознания. Успешность ее реализации должна стать одной из основ благополучного воплощения в действительность новой логики реформирования современных обществ.

Круг представленных проблем составляет основу построения монографии.

Серьезнейшим явлением современной российской действительности является размышление об общих основаниях социального кризиса, в том числе кризиса власти и бюрократизированных систем, а также восприятие новейших достижений европейской мысли о стратегии реформирования общества. Именно этим вопросам посвящены центральные главы монографии.

Важность государственведческой проблематики как общей канвы преобразования современных обществ делает необходимым краткий обзор развития западной мысли о государстве, которая, начав с этического мышления о нем, пришла в своих крайних редуccionистских вариантах к идее видения его как “аппарата правительства”. Недостатки и пробелы нашего обществоведения в плане инструментального осмысления идеи государственности очевидны и потому важно осознание этого течения западной мысли. Обзору инструментального видения государства посвящена третья глава книги.

Особенности российского менталитета и традиций мышления о государстве в “этической перспективе” создают своеобразие культурологического фона современного посттоталитарного этапа государственного реформирования бюрократизированного общества в нашей стране. А потому необходимым представляется анализ специфических параметров кризиса идентичности, который мы сегодня переживаем. Именно этим вопросам посвящен заключительный раздел книги.

Глава I. Кризис современного общества

1. Методология понимания общества М.Крозье

Разные аспекты кризиса общества, которые рассматривает известный социолог и политолог, ныне профессор социологического отделения Института политических исследований в Париже Мишель Крозье, объединяются на уровне теории и методологии анализа таким общим понятием, каким является понятие “социального действия”.

Главным предметом исследования М.Крозье, как и большинства западных социологов последних десятилетий, является именно “социальное действие”, понятие, которое заняло настолько центральное место в трудах ученых, что сама западная социология нередко определяется как наука о социальном действии. В современной социологической литературе выделяют два главных направления исследования теорий социального действия. Представители первого идут от общества через взаимодействие к индивиду, сторонники второго — от индивида через взаимодействие к обществу. К первым относятся концептуальные схемы Д.Мида, Р.Макайвера и других. Ко вторым — теоретические построения М.Вебера, Т.Парсонса, Ф.Знанецкого и других (7). Крозье примыкает к веберинской традиции его осмысления.

Концепции социального действия в западной социологии теснейшим образом связаны с теорией и методологией структурного функционализма (8). О сильном влиянии последнего на свою теорию автор “Бюрократического феномена” заявил во введении к своей книге (9).

Следуя функционалистской традиции, Крозье выделяет в качестве исходной единицы исследования “первичные человеческие поведения” (10), на основе которых возникают “взаимодействия” (interaction) людей в обществе (11).

В итоге в самом общем виде общество являет собой совокупность человеческих отношений. “Ткань различных

систем действия составляют человеческие отношения”, — пишет он (12).

Обладая некоторой свободой выбора и руководствуясь определенным “расчетом”, люди в процессе “социального действия” взаимодействуют между собой и осуществляют различного рода социальные “обмены”. Начало такому подходу положил парсоновский “аналитический реализм”, который, стремясь преодолеть односторонность учений материализма и идеализма, хотел создать чистую научную теорию через открытие в обществе максимально простых “элементов” или “конечных социальных единиц”. Открытие этих элементов, по заверениям функционалистов, имеет такое же важное значение для обществоведения, как открытие органической клетки для биологии, элементарных частиц для физики или “материальных точек” для теоретической механики. Такими “простыми элементами” функционалисты называли единичные социальные действия, поступки человека. Совокупность их образует то, что они определяли как “социальную систему взаимодействия многих людей”.

Такая установка вытекает в конечном счете из главного функционалистского постулата о целостном характере исследуемого объекта, социальной системы, которая, однако, приводит к одностороннему акценту на взаимозависимости элементов системы, на выделении связей взаимодействия как основополагающих ее элементов.

Однако общество у Крозье не просто совокупность взаимодействий, это — система. Системный характер социального ансамбля, указывает Крозье, не позволяет реформировать его или изменять через волевое решение одного или даже большинства индивидов. Более того, результаты коллективного усилия часто оказываются совершенно противоположными тому, чего хотели в начале действия его участники. Возникают так называемые “обратные аффекты”. Или как он их называет “порочные последствия” (*effet pervers*). Их не следует объяснять политикой каких-либо сил зла или наверху или внизу иерархической социальной лест-

ницы — они представляют собой неизбежное следствие отношений взаимозависимости между людьми (13).

Но тот же системный характер общественного устройства позволяет избежать жесткого детерминизма, который мог бы превратить человека в игрушку для всех сил, влияющих на него. “Никто не запрограммирован. Системы, конечно, ориентируют действия людей, но не детерминируют прямо то, что они делают”, — пишет он (14).

Всякая система нуждается в минимуме регуляций, иначе ей угрожает энтропия, т.е. деградация, — общий закон всякой нерегулируемой системы. Социальные системы отличаются от абстрактных ансамблей в теории систем тем, что являются “человеческими конструктами” (*construit humain*) (15), результатом истории людей, что создает возможность их регулирования и изменения.

Постулат функционализма о равенстве всех элементов системы, о невозможности приоритета экономических отношений приводит Крозье к крайности почти полного игнорирования экономических отношений, или во всяком случае непризнания их макросоциальной объясняющей роли. В результате трактовка социального взаимодействия психологизируется, концентрируясь на объяснении главным образом мотивов и интересов, руководящих человеческим поведением.

Неразрешимость проблемы каузального анализа, проблемы связи объяснения социальных явлений с закономерностями движения макросоциальных процессов претворяется у него в идею формализации системного анализа в терминах “игровой модели”. Крозье предлагает во всем многообразии взаимоотношений людей в обществе выделить “относительно стабильные модели отношений”, которые являются наиболее характерными и значимыми для данного общества, и рассматривать их как “игры” (16).

Люди, сталкиваясь между собой и взаимодействуя, вступают в переговорные отношения, в результате чего кристаллизуются определенные “правила игры” (17).

Последние объективируются в различных социальных институтах и организациях и в этом смысле выступают по отношению к индивиду как “внешние принуждения”, или ограничения, механизмы которых не доступны его прямому вмешательству. Через них осуществляется “косвенная регуляция” поведения участников игры — “актеров”. “Сознательного индивида развитого общества не заставляют подчиняться императивным приказам или детерминизмам, ускользающим от его воли. Его принуждают сами правила игры, через которые он выражает свою свободу выбора” (18).

Игры лежат в основе всех коммуникаций людей в обществе. “Они — инфраструктура всех систем, в которых организуется наша деятельность, включая сюда самую сложную ее разновидность — общество в целом” (19).

Существование их оставляет игроков свободными, но они быстро научаются понимать, что шансы на успех у них появятся только в случае, если они подчинятся правилам и поймут “дух игры” (*esprit de jeu*).

Однако, с другой стороны, поскольку игры и их правила творятся самими людьми в процессе их социального действия и в конечном счете являются кристаллизацией предыдущих результатов переговоров между ними, то, хотя существующие правила игры и выступают в качестве принудительных, они могут быть заменены другими через социальное экспериментирование с новыми моделями отношений и через “обучение” им участников в процессе такого экспериментирования.

Заимствование терминологии из математической “теории стратегических игр” с целью использования отдельных ее положений в качестве общей теории явление довольно распространенное в современной западной социологии (20).

Отдавая дань ее эмпирической традиции, отличающейся особым вниманием к математическим методам исследования, Крозье анализом в “терминах игры” пытается придать своей концепции строгость математических доказа-

тельств. Однако в действительности функции “игровых концептов” не превосходят функций метафор.

“Игровая” терминология не только не углубляет анализа общественных процессов, но заводит исследование в тупик и придает рассуждениям мистическую окраску. Как верно указывает французский критик Ален Кайе: “Утверждение об универсальности игровой модели у М.Крозье совершенно неудовлетворительно. Если есть игра, то необходимо объяснить, кто или что определяет правила игры, иначе возникает подозрение, что история, т.е. модификация правил игры, происходит якобы по правилам некоей уже установленной метаигры. Но какой? Как он верно отмечает далее, введение абстракции игры практически ничего не дает в смысле усиления анализа общества и поэтому замена ею классового анализа вряд ли является оправданной (21).

Понятия “игры” и “правил игры” выполняют и еще одну функцию в построениях Крозье — функцию связи между двумя автономными, изолированными подсистемами общества — индивидом и социальным институтом. Выступая в качестве посреднического звена между этими двумя элементами структуры, “правила игры” являются, с одной стороны, институциональными ограничениями и регуляциями для индивидов, а с другой, творением самих людей.. Синтез этих трех составных частей общественного организма (индивида, институтов и “правил игры”) составляют схему, напоминающую парсоновскую. В самом деле, система социального действия Т.Парсонса состоит из трех компонентов — структуры личности, включающей ее ожидания и мотивы поведения (у Крозье ей соответствует “актер”, ведущей характеристикой которого выступает “рациональный расчет”); социальной структуры, содержанием которой является взаимодействие индивидов в рамках определенных институтов (у Крозье содержанием социальной структуры является взаимодействие индивидов в урегулированном правилами или институциональными ограничениями “поле социального действия”) и культурной системы в форме зна-

ков и символов, которые выступают как средства передачи социального опыта и опосредуют поведение индивидов (у Крозье эту функцию выполняют “правила игры”, служащие посредником между индивидами и обществом).

Центральным понятием концепции общества М.Крозье, синтезирующим такие его характеристики, как взаимодействие, системы и игры, является понятие “коллективная ткань” (*tissu collectif*). Под ней он подразумевает “весь ансамбль отношений (от самых спонтанных до самых институированных), игр (более или менее формализованных), систем профессионального, экономического, социального, культурного обменов; ансамбль, без которого деятельность индивидов была бы невозможной” (22). Функционалистский принцип равенства всех уровней системы, влияющих на ее функционирование, приводит к определенному эклектизму понятия “коллективной ткани” и механическому соединению в нем понятий разной природы — “отношений”, “игр”, “систем”, “обменов”, поскольку не проясняется соподчиненность этих атрибутов “коллективной ткани”.

Как и в большинстве теорий, опирающихся на методологию структурного функционализма, в концепции Крозье отсутствует каузальный и исторический анализ. Необходимость размышления о движущих силах развития общества, о закономерностях его изменения он заменяет эволюционистским постулатом о движении общества в сторону “нарастающей сложности”.

“Коллективная ткань” составляет главный “капитал” общества. По его качеству социальные ансамбли различаются между собой, он является главным условием их развития. Общества, отличающиеся богатой “коллективной тканью”, создают благоприятные условия для расцвета личности и инициативы индивида. Последний оказывается глубоко вовлеченным в социальную жизнь, отличается активностью и сознательным участием в общественных процессах. Напротив, в обществах с обедненной “коллективной тканью” отмечаются поведения “ухода” и “бегства” от дей-

ствительности, так как количество выборов, равно как и принуждений, в них ограничено. Единственным средством для человека сохранить в них свою независимость является его “не-участие”.

Современное общество и его “коллективная ткань”, пишет Крозье, испытывают состояние “кумулятивного нарастания сложности” (23).

Этот процесс он считает своего рода естественным изменением, проявлением “непреодолимой тенденции к росту взаимосвязей (interaction) между людьми”. Последняя, по его мнению, присуща самому процессу эволюции цивилизации, “конститутивна развитию общества” (24).

В конечном счете она должна привести к новому типу постиндустриальных обществ — “сложному обществу” (société complexe) (25).

Для такого социального ансамбля характерно то, что на первый план в нем выходит “проблема сложности” и сопутствующая ей “проблема путаницы”, а вовсе не “проблема угнетения”, пишет автор (26).

Развитие новых средств коммуникации — телевидения, радио и других, их мгновенность увеличили общую информированность людей и тем самым еще более снизили вероятность их социального принуждения. Естественным следствием всех этих изменений явилось уменьшение возможности контролировать поведение актера. Хотя он пока не может “пробить брешь в системе”, но все же он устраивается таким образом, чтобы избежать прямых давлений, и постоянно обходит ограничения и принуждения системы. Последняя становится от этого намного менее предвидимой, ее традиционные регуляции теряют свою эффективность.

Неадекватность современных средств социального контроля политического уровня изменившимся “условиям игры” и является, по Крозье, главной причиной кризиса. “Главная проблема наших западных обществ, — пишет он, — глубокий кризис наших моделей управления перед лицом роста сложности и человеческой свободы”. Или иначе: “Со-

временный кризис — это кризис частичной дезинтеграции инструментов социального контроля перед вызовом, брошенным сложностью”.

С кризисом управления Крозье тесно связывает понятие кризиса бюрократического. Собственно, эти понятия у него взаимодополняют друг друга. К этим двум видам кризиса близко примыкает кризис власти, или кризис традиционных иерархических отношений власти. “Процессы интеграции и роста взаимозависимости лишили действительности структуру, подобную архитектурному ансамблю в виде столбов и переходов, где один этаж опирается на другой. Мы намного ближе к структуре в форме пчелиных сот, в которой все зависят от всех и в то же время все контролируют всех, в которой никто не командует, но все подчиняются”, — пишет он (27).

Рост обменов и взаимодействий увеличивает свободу выбора индивида, которая коренным образом меняет условия переговоров между начальником и подчиненным, уменьшает зависимость последнего от первого. Отношения власти трансформируются из классических, жестко иерархических, зависимых в “переговорные”, относительно свободные. Однако методы управления все еще ориентируются на “несуществующие” принудительные властные взаимодействия. Подобный ирреализм приводит к возникновению сетей и отношений параллельной власти, в которых реализуется ее подлинная “переговорная природа”. Именно исследование дихотомии официальной и неофициальной власти, упрочивающей “бюрократическую модель” функционирования общества, считает Крозье, позволяет углубить “диагностику кризиса и его эволюции” (28).

Постановка проблемы кризиса с неизбежностью вызывает необходимость разработки мер по его преодолению. Оно возможно, считает Крозье, благодаря человечески конструктивному характеру общественного ансамбля, который позволяет перестроить социальное регулирование в соответствии с новыми требованиями развития и устройства “кол-

лективной ткани”. Главной задачей в современных условиях является “овладение сложностью”, которая должна в конечном счете превратиться в “организованную сложность”, указывает он (29).

Но изменение осуществимо только лишь через трансформацию “природы игры”. В современном французском обществе господствует модель “игры в оборону” (*jeu de défense*). Проблема состоит в реорганизации ее в “игру в доверие” (*jeu de confiance*) через возрождение инициативности людей, их желания активно действовать вместо избираемого ныне пассивного сопротивления бюрократическим структурам через бегство из общества.

Поскольку кризис фактически предстает у Крозье как крах адаптивных способностей общества и его институтов (кризис регуляций и кризис власти) и индивидов (моральный кризис), то в соответствии с этим выход из социального тупика видится ему в перспективе восстановления и наращивания этих адаптивных способностей в двух типичных для функционализма направлениях — в улучшении и совершенствовании средств социального контроля, с одной стороны, и в процессе воспитания индивида через интериоризацию последним изменившихся “социальных норм и ценностей” (правил игры), с другой. Первое направление представляет собой реализацию внешнего “принуждения” людей, второе — внутреннего. Оба вместе составляют реализацию общей интегративной функции существующей социальной системы. Конечной целью интеграции общества является типичная для функционализма направленность на восстановление утраченного равновесия и создание “нового равновесия” системы.

Мировоззренческой основой функционализма Крозье, как и всякого функционализма, является эволюционизм, из идей которого и выросла структурно-функциональная школа в западной социологии. Известны два главных ответвления классического западного эволюционизма — эволюционизм натуралистического толка, близкий к биологической ориентации, и психоэволюционизм.

Для натуралистической эволюционной ориентации характерна так называемая “линейная” концепция социальной эволюции. Она постулирует объективный характер непрерывного процесса совершенствования организмов, постепенный и регулярный характер изменений. Натуралистический эволюционизм отличается метафизической постановкой проблемы первичных “движущих сил” истории. Развитие общества объясняется в нем действием определенных детерминирующих факторов, понимаемых как естественные объективные силы, что у Крозье принимает обличье некоего мистического движения общества в сторону большей сложности, или ответа на “вызов, брошенный сложностью”.

Социальная эволюция для Крозье хотя и противоречивый, но в основном плавный постепенный и в значительной мере автоматический процесс. Крозье резко осуждает любые попытки революционного переустройства, усматривая в революциях лишь орудие разрушения.

Считая развитие социума процессом во многом автоматическим, Крозье, однако, не отказывается от роли в нем сознательного начала. И в этом отношении его с полным правом можно причислить к стану психозволюционистов с их лозунгом “направленной эволюции”. В самом деле, концепция Крозье вовсе не ограничивается односторонней натурализацией социальных сил и факторов в ущерб пониманию истории как процесса человеческой активности. Он подчеркивает, что общество является “человеческим артефактом”, признает значение регуляций и вообще управления, а также роли социальной организации общества. И наконец, он выступает как сторонник реформирования современного положения вещей.

Колетание крозьеровского эволюционизма между двумя его формами — натуралистической и психологической — вовсе не является антагонистическим противоречием его теории и методологии и вполне укладывается в логику истории западной социологии. Переориентация на психоло-

гическое объяснение социальных процессов отнюдь не требует немедленного разрыва с идеями натуралистической школы. Речь идет только о том, чтобы “дополнить” эволюционную схему изучением психологических механизмов развития и функционирования общества. В концепции кризиса общества Крозье слияние этих ведущих идей превратилось в своеобразный синтез, названный им культурно-организационным анализом французского бюрократического общества. И надо отдать должное методологии функционализма в целом — она оказалась весьма эффективной при исследовании такой замкнутой подсистемы общества, какой является бюрократическая система.

2. Кризис управляемости современных демократий

Россия сегодня, как это не раз уже случалось в ее истории, на перепутье. И такова современная “структура момента”, что мы, живущие внутри него, ощущаем и переживаем его как глубочайший кризис. Для многих положение страны видится как скатывание в пропасть, опускание до такой точки кризиса, которая близка к описанному еще Т.Гоббсом, классиком политической философии, “естественному состоянию”, “социальному хаосу”.

Всюду слышны речи об отсталости России в области модернизации экономической и социальной жизни общества. Справедливость таких замечаний очевидна, однако тема кризиса общества, в том числе в его современном развитии и цивилизованном виде, универсальна — она присутствует в социальной мысли всех стран, в том числе сегодняшних западных демократий. Проблема кризиса не есть нечто катастрофическое для общественного сознания и научной мысли, а представляет собой закономерное, поддающееся изучению, а значит корректировке и преодолению, явление.

Особый интерес в этом отношении вызывают теории, которые описывают ситуацию кризиса для обществ, имею-

щих некоторые общие с Россией социально-культурные особенности развития. Такой страной представляется, в частности, Франция, а теорией — концепция кризиса французского общества.

Поскольку уязвимым местом в России всегда было недостаточное продумывание как самой кризисной ситуации, так и логики ее преодоления — реформирования, то, очевидно, следует внимательнее отнестись к опыту концептуального осмысления общественных трансформаций, накопленному социально-политической мыслью западных демократий, и в частности, представителями научной мысли такой развитой страны, как Франция.

Кризис французского общества, по Крозье, — это прежде всего, и главным образом, кризис бюрократический, кризис традиционных моделей управления, кризис устаревшего ныне типа взаимодействия государства и общества, государства и человека, который вызывает необходимость радикальной переоценки авторитарной и самодовлеющей роли государства в общественной организации. Все это весьма сильно напоминает современную политическую ситуацию в России.

Обращаясь во многих своих работах к анализу развития таких различных в культурном отношении стран как Франция, США, Швеция, Япония, Крозье пришел к выводу об универсальности современного кризиса управления в мире, а это свидетельствует о преемственности его методологии и к прояснению кризисной ситуации современной России.

Теоретическое осмысление кризиса на Западе в целом проходило в рамках дискуссии о демократии. В 80-х годах XX в. системный кризис, поразивший страны Запада, квалифицировали как “кризис демократии”. Умонастроения тех дней сравнивали с европейским пессимизмом 20-х годов, когда стали популярными идеи Шпенглера о “Закате Европы”.

В мае 1975 года в г. Киото (Япония) обсуждался доклад международной комиссии, получившей название Трехсторонней Комиссии, под руководством З.Бзжезинского. В

центре внимания были вопросы современного демократического кризиса в аспекте “управляемости” демократических режимов, на основании докладов экспертов трех регионов земного шара — Северной Америки, которую представлял Самуэл Хантингтон, Западной Европы, точку зрения которой высказывал М.Крозье, и Японии, анализ ситуации в которой был сделан Д.Ватануки (30).

Целью этого отчета вовсе не являлось распространение пессимистического взгляда на историю современности. Напротив, все авторы докладов и другие участники конференции глубоко верили в жизнеспособность демократической системы в самом фундаментальном смысле этого слова. Они были убеждены, что демократии суждено эффективное функционирование при условии, что народы осознают истинную природу демократической системы, и в первую очередь, правильно почувствуют связь между свободой и ответственностью. Само обсуждение проблемы “кризиса демократии”, как указывал З.Бзжезинский, имело своей целью сделать демократию более сильной, полагая, что именно демократические ценности и упрочение демократического режима являются главными предпосылками формирования стабильного мирового порядка и установления более тесных связей между ведущими регионами мира.

В своей части доклада М.Крозье выражал, как он сам заявил, “европейскую точку зрения”. Он сделал акцент на кризисе политических институтов, унаследованных сегодняшними демократиями от прошлого. Современный кризис, по его мнению, — это прежде всего кризис архаических традиционных моделей управления обществом.

В более конкретном виде этот кризис, считает он, выражается в дезинтеграции гражданского порядка, упадке социальной дисциплины, вырождении лидеров и в усилении процессов отчуждения граждан от политики (31).

Угрозой существованию современных обществ, по Крозье, являются три главных типа вызовов. Первый тип — “контекстуальные вызовы” (32) исходят от внешней среды,

в которой функционируют современные общества. В этом смысле они не являются производными функционирования самого демократического порядка. К угрозам такого рода относится, например, усложнение внешнеполитической обстановки в результате объективных последствий проигрыша войн. Почти все политические режимы, несмотря на присущие им недостатки, функционируют в соответствии с “законом политической инерции”, и почти всюду после поражения в войнах происходит резкая смена правления.

Хотя эти рассуждения сделаны на основании наблюдений за политической жизнью Европы после 1945 года, они оказываются как никогда актуальными для России сегодня, после завершения “холодной войны”.

К внешним угрозам М.Крозье относит также инфляцию или депрессию мировых масштабов, выходящих за пределы национальных территорий.

Природа и серьезность “контекстуальных вызовов”, отмечает он, могут сильно варьироваться от страны к стране, отражая различия истории, территории, культуры, уровня развития стран. Сила угроз также различна в разные эпохи и в разных странах. В одних случаях они могут подрывать основы коренных жизненных интересов государства, как это было в Веймарской Германии, в других — почти никак не отразиться на факте существования нации в целом, как это случилось в Америке XIX века.

Ко второй категории вызовов относятся угрозы со стороны социальной структуры и социальных тенденций развития страны. Здесь речь идет о внутренней социальной, этнической или региональной поляризации. В разные исторические эпохи в фундаментальной оппозиции, угрожающей жизнеспособности режима, могут находиться различные социальные силы. Когда-то это были аристократия, слой военных, средний класс, затем рабочий класс. Сегодня источник такого рода угроз для западного общества политолог видит в среде радикально настроенных интеллектуалов, которые полагают, что для ликвидации таких недостат-

ков демократических обществ, как монополия, коррупция, духовное обнищание, необходимо коренное изменение режима правления.

Третий тип вызовов, наиболее серьезный и важный, пишет Крозье, представляют внутренние вызовы, присущие самой системе правления. Главным недостатком здесь является неудовлетворительное развитие функции самокоррекции системы, которая сущностно необходима для социальных систем, находящихся в мире, подверженном постоянным изменениям. Иначе говоря, главная проблема современных обществ — проблема их неуклонного постоянного и успешного реформирования. Здесь кроются весомые основания для пессимизма в отношении будущего современных систем правления.

Особенность вызовов последнего типа состоит в том, что они постоянны во времени и универсальны для всех времен и народов. Если “контекстуальные вызовы” различны для разных эпох и разных обществ, если сила и напряженность социально-структурных вызовов также подвержена временной и пространственной конъюнктуре и флюктуациям, то внутрисистемные вызовы одинаковы и серьезны для всех и всегда.

Внешние вызовы можно так или иначе смягчить через сложный процесс игры на внешнеполитических противоречиях, на использовании комбинации внешнеполитической конфигурации сил, которая состоит из множества агентов и потому создает множество вариантов “игры на повышение”. Что же касается пороков, присущих внутреннему функционированию системы, то они неизбежны до тех пор, пока сама система и ее агенты не осознают необходимости изменения своего менталитета в отношении основных подходов к ее реформированию. Реформа, ее концептуализация, ее стратегия — такова основа основ выживания общества.

Очевидно, что такой подход является решающим сегодня для России. Несомненно то, что геополитический, “контекстуальный” вызов для нее сегодня также важен, равно как

и велика угроза со стороны внутреннего раскола общества, который происходит по нескольким направлениям — внутрисоциальному (оппозиция двух главных идеологий), внутререгиональному (распад, угроза федерализации России, межэтнические конфликты и войны), внутрииндивидуальному (моральный кризис безыдейности; социально-психологический кризис личной идентичности). Но не менее серьезен и внутрисистемный вызов — вызов правильности стратегии реформирования, ибо неверный путь в этом направлении есть распад самого стержня жизни и эволюции общества. Неверная стратегия реформирования при любом режиме, при любом правительстве, при любой идеологии есть верный путь к краху любого режима, любого правительства, любой идеологии.

Проблема адекватной современности стратегии реформирования, строящейся на основе переосмысления властной и организационно-культурной бюрократической инфраструктуры сегодняшних обществ, таким образом, есть важнейшая задача современной обществоведческой науки. Именно успешность поисков в этом направлении станет решающим фактором для решения вопроса о выживании конкретного общества в современном мире.

3. Кризисная ситуация: первые проявления и общие характеристики

Обращаясь к анализу конкретной общественной системы — французской — Крозье отмечает, что внешние проявления политического кризиса бюрократии во Франции выразились, в частности, в парадоксальном сочетании мегаломании политиков, которые считают себя ответственными за все, и “гиперинфляции” политики в глазах граждан” (33). Ситуация очень похожая на наше “доперестроечное” прошлое, когда руководящие слои советского государства самоуверенно полагали, что политика присутствовала всюду, пронизывала все явления и уровни жизни общества, в то

время как на другом его полюсе нарастала политическая пассивность и апатия, т.е. реальная аполитичность.

Преувеличенное значение авторитарной роли государства и государственно-бюрократического типа управления во Франции Крозье считает исторически унаследованным от монархического принципа королевской власти: последний предусматривал особое положение короля среди всех свободных граждан и впоследствии был трансформирован в господство над умами и действиями французов всеподавляющего, неограниченного и неподвластного критике “всеобщего интереса”. В результате сформировался определенный тип социального политического действия и поведения, пронизанный сакрализацией коллективной жизни, обоже-ствлением государства и политики. Приблизительно такое же положение дел наблюдалось в России, где попытка в октябре 1917 года заменить изжившую себя монархическую форму правления по существу привела к восстановлению всех атрибутов тоталитарных черт правления даже в расширенном по сравнению с дореволюционным временем виде. Господство сталинского режима ознаменовало наступление эпохи идеологического поклонения “коллективному интересу” в самых разных его проявлениях.

Гносеологическую основу мегаломаниакальных политических действий составляет вера в абсолютный идеал, а в конечном счете, как считает Крозье, трансцендентальная религиозная вера. И это условие было соблюдено в Советской России, где место прежней религии заняла объединяющая всех граждан вера в коммунизм, в построение “светлого будущего”. Место Отца небесного занял царь земной, который приобрел статус непогрешимости в решениях, статус верховного судии над судьбами народов и людей, статус Учителя, несущего пастве свет совершенного коммунистического учения.

Такой вариант “религии”, как правило, подкрепляет идея о возможности сотворения нового человека, которая увлекала тысячи революционных романтиков в самые разные исторические времена.

Первым наиболее очевидным и ранее всего заметным кризисом в таком обществе становится кризис в области морали — общественной и государственной. Действительно, когда этот кризис начинает проявляться, то наиболее резко и раньше всего бросается в глаза несоответствие между декларируемыми лозунгами “общего блага”, “блага народа” и реальным благом отдельных людей, составляющих этот народ. Крах государственности начинается с осознания общественностью аморальной политики обмана правителями своего народа. В практически политическом плане возникают сомнения относительно действительной поддержки обществом своего правительства и более широко — относительно легитимности данного правящего режима.

Претензии общества с тоталитарной идеологией на сакрализацию “коллективного интереса”, помноженные на страсть к унификации и командованию, делают главным орудием проведения любых изменений в обществе указ или декрет. Раздутость институционально-бюрократической структуры такого общества и свойственные ей неэффективность и медлительность в реализации принятых решений усиливают значение приказного характера указов в менталитете самих управляющих, превращая их чуть ли не в панацею, тогда как на другом полюсе общественного организма — на уровне индивидуальных взаимодействий — идет процесс обесценивания этих инструментов управления.

Люди перестают воспринимать приказы, идущие сверху, как правила своего поведения в обществе. Возникает естественная реакция отторжения их и сопротивления им, стремление обойти, нарушить указания, тем более что детальное регулирование конкретных жизненных ситуаций никогда не поспевает за постоянно изменяющейся действительностью. Внизу складываются автономные по отношению к верхним слоям руководства властные отношения. Таким образом появляются первые трещины в общественном консенсусе: ценности, на которых основывается поведение властей, и ценности, лежащие в основе социальных действий

исполнителей, расходятся. Поведение человека в таком обществе оказывается в постоянном противоречии с навязываемым ему типом тоталитарно-бюрократической социальности и становится в этом смысле фактически поведением асоциальным, т.е. аморальным с точки зрения официальной этики данного общества.

4. От индустриального общества к постиндустриальному: кризис “технократической рациональности” социального действия

Если моральный кризис является первым видимым симптомом политического краха старого типа тоталитарно-бюрократической государственности, то сам этот крах имеет все же более глубокие сущностные причины. И одна из них лежит в русле логики развития общемирового процесса социальной модернизации, который сопровождается общим возрастанием роли “человеческого фактора” в истории. Если для индустриального общества характерным было господство экономической, а по сути технической, технократической рациональности, то в рамках постиндустриального общества “уровень человеческой ткани”, т.е. собственно социальное, человеческое становится “центральным понятием” (34).

С процессом перехода к “сложному”, “социальному”, “человеческому” постиндустриальному обществу Крöße связывает главный аспект политического кризиса современного общества — крах старого типа управленческой рациональности. Индустриальное общество — общество “логики количества” — характеризовалось технической, экономической рациональностью, когда человек и вся область социальной жизни воспринимались как нечто подчиненное и вторичное по отношению к области экономической, которая считалась сферой “абсолютно рационального”. Хотя именно в рамках индустриального общества возникли и получили свое развитие теории “человеческих отношений”, это

вовсе не свидетельствует о том, что человек находился тогда в центре внимания и заботы обществоведов.

Напротив, все теории рассматривали человека, его труд, его работоспособность только лишь как инструмент улучшения работы и увеличения эффективности “экономического рационального”. Даже шведская модель развития общества, в которой находят самое сильное выражение принципы социально справедливого распределения продукта, и та является отчетливым воплощением такого, технического по своей сути, примата сферы “экономического рационального”. Крозье следующим образом формулирует суть такого механизма разделения/противопоставления экономического и социального: “Цель экономики заключается в обеспечении производства максимального количества национального продукта, а эгалитарное распределение этого продукта гарантирует социальный мир, который, в свою очередь, позволяет поддерживать эффективную работу экономики” (35).

Такая симплицистская — техницистская по своей сути — модель-триада восходила в конечном счете к тейлоровской модели “рациональной организации”, возникшей в период, когда технический прогресс и машинное производство требовали стандартизации и унификации производственного процесса, а дальнейший рост эффективности производства стал немислим без его всесторонней рационализации, экономии времени и ресурсов. Принципы построения производственного процесса постепенно были перенесены на управление обществом в целом. Это породило своеобразный механицистский тип управленческого мышления, для которого характерна склонность к манипулированию социальными структурами посредством декретов, указов, постановлений, инструкций. Механистичностью отличался и взгляд на роль индивида в обществе, и взгляд на государство как на поставщика постоянно растущего количества регламентаций, разработка которых превратилась в подлинную страсть властей предрежащих. Этот процесс был повсе-

местным (он захватывал и США с их сильными либеральными традициями, и Францию, отличавшуюся давними этатистскими, авторитарно-бюрократическими наклонностями) и обусловил сегодняшнюю универсальность кризиса управления в мире (36).

Крозье выделяет специфически социальные, экономические и культурные причины кризиса управления.

Основой кризиса является общее изменение социо-экономического контекста, которое “характеризуется в социальном плане взрывом социальных интеракций” (37), а в экономическом — неожиданным ростом экономических ожиданий со стороны граждан в последние годы (38). Результатом этих двух причин стал крах традиционных институтов управления. Что касается культурных аспектов кризиса, то, по мнению Крозье, они наиболее ярко проявились в среде, где господствуют интеллектуалы, в области образования и в средствах массовой информации.

Рост количества социальных взаимодействий, в которых участвует индивид, живущий в развитых странах мира, чрезвычайно усложнил социальную ткань человеческой жизни, сделав управление ею очень трудным. На смену дисперсии, фрагментации и простому иерархическому соподчинению слоев общества пришли концентрация, взаимозависимость и общая запутанность социальной жизни. Организации, институты, являясь характерной чертой устройства современного общества, также необычайно усложнились, делая приоритетными проблемы социального контроля и управления этой сложной социальной тканью.

Особенность европейской ситуации в этом отношении состоит в том, что, несмотря на многие годы развития процесса либерализации, политики сохранили здесь приверженность к традиционному типу социального контроля, который предусматривает значимость власти коллективного типа, прежде всего государственно-бюрократической и иерархически религиозной. Возник своеобразный “порочный круг социального контроля”. С одной стороны, гражд-

дане требуют от властей активных действий для разрешения все возрастающего числа проблем, с которыми они сталкиваются, т.е. они требуют увеличения социального контроля. С другой стороны, они сами же сопротивляются всякому виду социального контроля, направленному непосредственно на них.

Крозье считает, что эта проблема особенно актуальна для европейских стран, и в гораздо меньшей степени, например, для Японии, где еще очень сильны традиции социальной дисциплины, или для США, где достаточно мощное развитие получили косвенные формы социального контроля.

Хотя проблема пересмотра концепции социального контроля актуальна для всех стран Европы, особенно остра она, по мнению Крозье, во Франции с ее приверженностью традициям сохранения могущественного централизованного бюрократического государственного аппарата. “В любой области — в здравоохранении, образовании, научных исследованиях, культуре, масс-медиа и даже в экономике... всюду вы наталкиваетесь на государство... Всюду надо спрашивать его разрешения... Оно знает все, разбирается во всем, дает вам советы, которых вы у него не спрашиваете, и заставляет вас убеждать его в необходимости использования им ваших собственных идей для выполнения вашей собственной задачи” — такова философия “общего интереса”, поддерживающая национальное государство во Франции (39).

В области экономических проблем главной, считает Крозье, является неожиданный эффект общего экономического роста второй половины XX века, который вместо ожидаемого умиротворения социальных напряжений привел, напротив, к их росту. По его мнению, три главных фактора способны объяснить этот парадокс.

Первый из них — это чрезмерная вера граждан в чудо научно-технического прогресса, достижения которого, как они полагали, станут равно доступными для всех.

Второй вектор отрицательных настроений в обществе связан с процессом развития в новых условиях традицион-

ного рабочего движения. Здесь отсутствуют условия для эффективного переговорного процесса между сторонами социального конфликта, который почти во всех странах принимает вид затянутой и неэффективной бюрократической процедуры, лишаящей рабочих эффекта участия. Результатом этого является общая радикализация требований трудящихся, крайние выражения которых наблюдаются в странах Латинской Америки, где процедура переговорного процесса практически полностью отсутствует.

Третья, наиболее фундаментальная причина роста социальной напряженности, есть следствие самого факта ускорения экономического роста, который разрушает старые отрасли производства и ведет к возникновению новых, что предъявляет к людям повышенные требования географической и профессиональной мобильности, вызывающие, в свою очередь, сильные психологические напряжения.

Все эти факторы отрицательно сказываются на традиционных схемах социального контроля, основанного на принципах фрагментации, стратификации и сохранения коммуникационных барьеров. Сама объективная реальность, увеличивая количество связей между людьми и взаимодействий между ними, толкает их к усилению коммуникаций, что есть нарушение коренного принципа традиционного типа бюрократического управления этими людьми. Эта проблема, снова замечает Крозье, не стоит столь остро в США, которые всегда были более открытым обществом, и в Японии, где удастся сохранять работоспособность социального контроля прежнего типа.

Крах традиционных институтов бюрократического социального контроля проявляется также и в том, что повсюду в Западной Европе выросла свобода выбора индивидов. Люди могут в несоизмеримо большей степени, чем раньше, выбирать друзей, работу, место жительства, виды проведения досуга. Это ставит под сомнение традиционный тип властвования, который долгое время основывался на допущении, что у человека нет альтернатив. Особенно явственно

это стало ощущаться на Западе в конце 60-х годов. Первыми удар почувствовали традиционные институты власти, никогда не считавшиеся чисто политическими — церкви, школы, учреждения культуры.

Наиболее заметным оказался переворот в религиозном сознании. В большинстве стран Европы институт церкви с необычайной быстротой лишился своего прежнего политического и даже морального влияния в обществе. Особенно остро это сказалось на католической церкви, отличающейся наибольшей авторитарностью среди прочих. Более всего кризис проявился внутри самой церковной иерархии. Многие священники восстали против прежних догматически-бюрократических принципов взаимоотношений с вышестоящими чинами. Изменился в значительной степени и характер авторитарной власти моральных догм и обязательств, который был раньше свойственен отношениям с паствой.

Это означает, что крах претерпела одна из кардинальных идеологических моделей европейского общества, которая была основана на традиционном типе политического властвования и долгое время составляла в нем основу социального порядка. Речь идет о религиозной составляющей социального порядка.

Сфера образования — другой пример краха традиционных отношений власти и социального контроля. Ныне учителя уже более не верят в “священность” своей миссии. А студенты не так легко как раньше и не столь бесспорно принимают их власть над собой. Образование функционирует только в силу инерции и традиции, на основе простой необходимости его функции для социального воспроизводства в условиях отсутствия модели, адекватной изменившимся отношениям власти.

Крах моральной власти прежних форм социального контроля задел и другие институты общества, такие как армия, которая больше не является на Западе носителем и символом патриотических ценностей (40). Функции обороны западных государств все более и более становятся уделом

профессиональной армии. Концепция армии, основанной на всеобщей воинской обязанности и воспринимаемой как школа воспитания чувства гражданства и носитель прежней модели бюрократического властвования, постепенно изживает себя. Армия оказывается изолированной и изъятой из общего потока социальной истории, в котором движется современное общество. “Таким образом, еще один столп морального производства западных обществ исчезает”, — пишет Крозье (41).

Огромная важность культурной составляющей для функционирования постиндустриального общества делает знание главным ресурсом будущего человечества. В связи с этим культурный кризис, который переживает Европа, возможно, является величайшим из всех перечисленных вызовов, особенно если учесть то, что развитие новых современных механизмов принятия решений есть, прежде всего, культурный фактор.

Первая проблема здесь — “проблема числа” (42). Грядущее постиндустриальное общество требует огромного увеличения количества интеллектуалов или “пара-интеллектуалов”. Речь идет не только о том, что возрастает количественная необходимость в представителях старых профессий, связанных с умственным трудом, но и с тем, что постоянно появляются новые профессии этого вида, а кроме того и с тем, что некоторые бывшие ранее неинтеллектуальными работы превращаются в интеллектуальные. Но и тут возникает парадокс: чем более важной становится для общества профессия, связанная с умственным трудом, тем менее престижным и влиятельным оказывается положение каждого среднего ее обладателя. Такое состояние дел могло бы и не выглядеть как кризисное явление, если бы изменилось старое социальное восприятие этих профессий. Последнее все еще продолжает носить вуаль аристократичности и элитности, что есть отзвук прежних традиций и прежней модели обучения. Интеллектуалы в Западной Европе до сих пор воспринимаются как романтические фигуры, которые достиг-

ли высот в сфере умственного труда благодаря особому дару или таланту. Такое отношение к интеллектуалам, несмотря на обыденность их повседневной практической деятельности, все еще очень живуче в коллективном подсознательном.

Однако современные тенденции развития общества требуют как от общественности, так и от интеллектуалов радикального изменения их отношения к собственной позиции. Новые современные профессии значительно увеличивают значимость практического использования и прагматической направленности знаний работников умственного труда. Чем более интеллигентным становится постиндустриальное общество, тем более традиционные ценности и морально ориентированные интеллектуальные профессии перемещаются в сферу активно, действительно социально полезных. При этом значительное количество усилий интеллигенции оказывается направленным и вовлеченным в конкретный процесс выработки и принятия решений.

Таким образом, в интеллектуальной сфере более, чем в какой-либо другой, отражается современный кризис традиционных бюрократических систем социального контроля. Важность этого момента увеличивается, поскольку представители мира интеллигенции, переживая это как личный кризис идентичности, традиционно усиливают и продуцируют его на общество в целом.

Это порождает общее настроение неспособности к проведению реформ, взращивая чувства сожаления о прошлом и распространение ритуализма в разных формах. Сам же апокалиптический нигилизм, как известно, не порождает ничего, кроме утопического мышления.

Кризис масс-медиа как одной из областей современной культуры не столь ярко выражается в обществе и ощущается его представителями, как это имеет место, например, в сфере образования, в результате близости средств массовой информации к процессу принятия решений, т.е. в результате фактического слияния ценностно-культурной и практической функций в этой области культурной жизни.

Общепризнанно прямое влияние СМИ на политику и управление обществом. Сама технология современных средств связи нацелена на снятие барьеров коммуникаций и потому именно СМИ, в наименьшей степени оставаясь затронутыми кризисом, в большей степени, чем другие институты общества, способствуют краху традиционных способов социальной регуляции.

Это приводит к тому, что масс-медиа становится самостоятельной, автономной формой власти — так называемой четвертой властью. Однако здесь возникает противоречие между технологической предрасположенностью к открытости информации, преодолению всяческих барьеров коммуникаций и их прямой, иногда грубо безапелляционной, финансовой, а следовательно, идеологической зависимостью от правящих кругов. Возникают, уже известные в научной литературе проблемы манипуляции общественным мнением как со стороны правительства, так и со стороны самих журналистов.

Представленные Крозье первые признаки и внешние, самые заметные проявления кризиса общества конкретизируются и подвергаются более глубокому сущностному анализу в его концепции кризиса власти, поскольку именно ее он считает эпицентром современного кризиса.

Глава II. Бюрократия и бюрократический кризис

1. Кризис традиционных отношений власти

Определяя сущность современного кризиса общества как кризиса бюрократического, или как крах традиционных моделей социального контроля, М.Крозье считает сердцевинной его — разрушение традиционных отношений власти. Констатируя факт кризиса классических отношений власти в современном западном обществе, он пишет: “Где судьи, учителя, мастера, буржуа прошлого, уверенные в своей правоте и способности командовать? Я не вижу больше никого, кроме функционеров и посредников, которые извиняются и умывают руки. Где власть? Она подобна хорьку, о котором все знают, что он прошмыгнул, но которого никто не видел” (43).

Это, однако, не означает исчезновения, утраты отношений власти. Отношения власти не будучи совершенно такими же, как прежде, фундаментально не изменились. Все дело в том, что, как выражается ученый, до сих пор не раскрыта “тайна власти”. Проблема власти остается белым пятном в научных исследованиях. Ее анализ не продвинулся вперед со времен Макиавелли и Маркса. Социологическая наука и политология довольствуются либо простыми типологиями существующих форм власти, либо аналогиями, заимствованными из других наук — термодинамики, биологии, лингвистики, кибернетики, которые полезны не более, чем метафоры (44).

Действительно, попыток постичь сущность власти на протяжении истории философской и политической мысли было множество. Загадка власти постоянно привлекала к себе интерес ученых, порождая многообразие подходов и теорий, пытающихся ответить на вопрос о генезисе, сущности, формах властных отношений в обществе. Концепции власти простираются от проблем рассмотрения этого феномена в рамках коллективного социального действия до ак-

центрирования отдельных сторон “неравного обмена” санкциями и ресурсами в условиях классического двустороннего взаимодействия между индивидами в обществе.

В настоящее время в самом общем виде власть определяется как способность, реальная и легальная, вмешиваться в течение событий, происходящих внутри какой-либо определенной группы взаимодействующих лиц (45). Однако нередко наблюдается идентификация способности властвовать с самим лицом, облеченным властью. Одно это уже создает предпосылки двойственности интерпретации объекта исследования.

Эта двойственность отражена и в историческом плане развития концепции власти. Авторитарические формы власти, долгое время превалявавшие среди политических форм власти, базировались на так называемом “субстанциональном” понятии власти, когда ее рассматривали как реальную осязаемую величину, которой можно обладать. При этом религиозно-божественное основание власти предполагало возможность передачи ее другому лицу (как бы в пользование), как правило, наследнику. Власть фактически считалась собственностью ее владельца.

В современных обществах подход к рассмотрению власти изменился. Власть все более определяется как понятие функциональное, как принадлежность системы, а не отдельного лица, или же как понятие реляционное, акцентирующее динамический аспект власти и предполагающее в качестве основы социологический факт взаимодействия лиц, актеров. В сравнении с авторитарной трактовкой власти происходит ее десакрализация, распространяется более реалистический, а в научном плане — инструментальный подход к ее изучению.

Этические характеристики власти, вопрошающие о ее моральном основании, ныне уже не являются главными проблемами. Центральным в политической и социологической науках становится вопрос эффективности реализации власти. Дискуссии о моральности легальных оснований власти

все более отходят в область политической философии, представляя скорее сферу чисто теоретического, нежели практического интереса. С другой стороны, проблема морального существа власти в общественном сознании превращается в прерогативу идеологии, все более и более объединяясь с электоральной тематикой и вопросами влияния на массовое сознание, тем самым покидая поле исследования власти как онтологической категории.

Однако такое положение дел не означает, что в политической науке существует одна-единственная общая теория власти. Напротив, внутри инструментальных рамок ее изучения, позволяющих “схватить”, наконец, реальные аспекты ее функционирования и хотя бы в некоторой степени демистифицировать этот феномен, присутствуют совершенно различные подходы и разные основания ее исследования.

В самых общих чертах в современных теориях власти выделяют социологический, интуитивный и конфликтный подходы к ее изучению.

Современный социологический подход, наследник “субстанционального” подхода, рассматривает власть в перспективе контроля — контроля над источниками власти, над ресурсами, сопряженными с социальным статусом, иерархической позицией и т.д. Основу его, как и в других теориях, составляют реляционные отношения, или отношения взаимодействия между партнерами по власти. Однако ключевой проблемой в этих концепциях становится проблема доминирования группы или лидера над другими членами группы, а главными вопросами — вопросы господства и подчинения, санкций и вознаграждений и т.п. (46).

Другой современный подход к исследованию власти, который иногда называют интуитивным, концентрирует внимание на сущности самого базового межиндивидуального отношения власти, на том, что всякая власть состоит в существовании возможности для какого-либо человека или группы лиц влиять волевым образом на поведение и действия других людей или групп. Можно полагать

эту традицию восходящей к Гоббсу, который уже в “Левиафане” выделял и классифицировал различные факторы, позволяющие реализовать волю властелина. В политической науке эти факторы изучаются в терминах влияния или ресурсов (47).

В современных теориях, наконец, выделяют конфликтные теории власти, которые помимо реляционной межиндивидуальной основы властных отношений пересматривают и образ самого действующего лица, актера. Последний определяется как рациональный субъект, обладающий стратегической направленностью социального мышления. Он видится к тому же как достаточно автономный субъект, хотя и включенный при определенных условиях во взаимоотношения с другими субъектами. При этом сами властные отношения могут рассматриваться как стратегия поведения, нацеленная не только на достижение определенного статуса доминирования или господства, но ставящая своей целью обретение некоего “поля свободы”, позиции обороны от властного воздействия другого лица (48).

Различные дефиниции власти объединяет идея о том, что власть имеет отношение к способам воздействия одних людей на других в соответствии с их желаниями и предпочтениями. Личность А, если она имеет власть, может вызвать либо изменения в поведении Б, либо изменить саму возможность того или иного поведения личности Б. Это составляет основополагающую природу того, что общепризнанно именуется властью (49).

В то же время дефиниции власти фокусируются на разных системных уровнях — индивидуалистическом, диадическом, общесистемном. Индивидуалистическая ориентация концентрируется на изучении степени достижения индивидом своих единичных целей без явного соотношения его действий с социальными отношениями или социальной системой. Однако тогда возникает проблема объяснения того, каким образом различия в способностях двух людей в достижении своих личных целей соответствуют различиям меж-

ду ними в степени обретенной власти (если предполагать при этом, что оба преодолевают равное сопротивление).

Другими словами, если А и Б преодолевают равное сопротивление, но А добивается своей цели, а Б нет, то следует ли говорить о том, что у А больше власти, чем у Б? Если анализировать только личные цели в определении власти, то невозможно сравнить “количество” власти актеров. Кроме того, такой тип определения власти не вскрывает социальной природы власти, т.е. значения культурных и структурных переменных в динамике власти.

Второй подход, составляющий диадическую ориентацию определения власти, соотносит ее с взаимодействием (интеракцией) между двумя актерами. Акцент здесь переносится на власть актера по отношению к другому актеру. Такой подход помещает власть в реляционный, а значит, социальный контекст. В этом отношении типична дефиниция Р.Даля: “А обладает властью над Б в той степени, в какой он может добиться от Б того, чтобы последний сделал нечто, чего Б иначе не сделал бы” (50).

Однако в дефинициях такого рода подчеркивается односторонность влияния А на Б и не учитывается взаимность влияния, возможность неподчинения Б воздействиям А. В этом неполнота объяснительной способности такой дефиниции. Проблема, таким образом, состоит в том, что необходимо принимать в расчет возможность переговоров между А и Б, взаимность их влияния друг на друга.

Третий — системный — подход рассматривает власть как феномен, тесно связанный с частными или общими системами. Он сосредоточивается на изучении “актеров, оперирующих в одной или более статусных позициях в специфической социальной системе” (51). В качестве центральных аспектов способности влияния одного актера на других рассматриваются роли индивида и его общий статус в системе.

Попытки понять сущность власти в таком контексте делают обязательным рассмотрение позиций индивида в данной социальной системе. В отличие от индивидуалисти-

ческой ориентации системная ориентация не абсолютизирует власть индивида, а рассматривает ее в отношении к специфическим социальным системам. Кроме того, эта ориентация предполагает, что изменение социальных ролей одного актера может значительно изменить количество его власти. Это особенно важно, так как заставляет мыслить власть в динамических терминах.

Особенность концепции власти М.Крозье состоит в том, что он переосмысливает феномен власти на всех трех уровнях — индивидуальном, диадическом, системном — и оригинальным образом синтезирует все три аспекта исследования в целостную теорию, находя одновременно объяснения тем кризисным процессам, которые подрывают нормальное функционирование современного общества.

Чтобы понять глубинные причины кризиса, считает он, нужно прежде всего изменить традиционное видение социального субъекта в процессе социального действия. Социальный субъект выступает у Крозье, во-первых, как субъект “коллективного действия” или как “актер” (52). Во-вторых, он определяет этого актера как “стратегического”, обладающего “ограниченной рациональностью”. Это означает, что, участвуя в многообразных социальных взаимодействиях, он всегда строит свое поведение с определенным расчетом, ограниченным, правда, общепринятыми “правилами игры”, т.е. предписаниями и регламентациями, существующими в организациях, институтах и обществе в целом.

До сих пор отношения власти анализировались, по мнению Крозье, либо узкорационалистически, что характерно для классических теорий организации Тейлора и Файоля, либо чрезмерно преувеличивались “чувственные”, аффективные стороны человеческого поведения в ущерб рациональному, чем отличаются теории “человеческих отношений”.

Научная организация труда, или тейлоризм, придавали первостепенное значение формальным структурам организации. Реакцией на такое видение общества была теория “школы человеческих отношений”, которая, на-

против, пренебрегая формальным аспектом деятельности организаций, сконцентрировала свое внимание на психологических и аффективных сторонах деятельности индивида в организации, т.е. на “неформальных явлениях”, которые, несомненно, играют значительную роль в функционировании организаций.

И те и другие, по Крозье, фактически избегали проблем власти. Первые игнорировали проблему, так как основывались на механической модели человеческого поведения, верили, что “человечество должно перейти от управления людьми к управлению вещами” (53). Они делали акцент на финансовых стимулах производственной деятельности и на техническом контроле, полностью игнорируя аффективные аспекты проблемы. С точки зрения Крозье, они впадали в иллюзию полной замены отношений зависимости и отношений власти формальными правилами и научными критериями. Вторые не смогли, по Крозье, верно осознать проблему власти, так как, увлекшись открытым ими “миром чувств”, совершенно игнорировали “мир действия”. Они анализировали неформальные отношения и упустили из виду формальную иерархическую структуру (т.е. управление и контроль, через которые организация властвует над людьми), а следовательно, и проблему власти, с ней связанную.

Социологический подход был реакцией на радикальное разделение этих двух аспектов человеческой деятельности в обществе. Конечно, формальная структура организации — это еще не вся организация, но и члены этой организации не свободны абсолютно в своих действиях, следуя только своим личным побуждениям и импульсам. Реальное функционирование организации есть результат взаимодействия между этими двумя факторами.

Разрешение проблемы власти, считает Крозье, следует искать на пути конструктивного синтеза достижений тейлоризма и школы “человеческих отношений”, создавших свои особые типы рациональности: первый — технический и финансовый тип; второй — рациональность человеческих

отношений. Однако обе рациональности глубоко переплетены. “Существует рациональный расчет на всех уровнях человеческих чувств и ограничения аффективного порядка во всех решениях, даже самых технических” (54). Перспектива в изучении проблем власти облегчается современным возвратом к рациональности с развертыванием исследований по принятию решений. “Однако речь идет, — пишет Крозье, — о совершенно иной, чем пятьдесят лет назад, рациональности. Рационалисты классической научной организации смотрели на членов организации как на простые винтики машины, а не как на человеческие существа. Для них исполнитель был просто рукой. Движение “человеческих отношений” показало, что эта точка зрения недостаточно верна, что исполнители — также чувственные существа... Однако человек располагает не только рукой и сердцем, он — также голова, проект, свобода” (55).

Вместо взгляда на человека как на пассивного агента, дающего стереотипные, т.е. полностью предвидимые, реакции на стимулы внешней среды — организации, социальной системы общества — Крозье постулирует существование свободного агента, который преследует свои собственные цели. Организация тем самым теряет механический характер своего существования, который был присущ тейлоровскому видению проблемы, и главная проблема организации как системы превращается из проблемы “управления вещами” в проблему “управления людьми”.

Крозье исходит из допущения здравого смысла о том, что никакой человек не хочет, чтобы к нему относились только как к средству для исполнения целей организации. Никакой человек к тому же не является полностью и во всех отношениях пассивным существом. У всякого индивида есть свои намерения, цели, планы, которые он стремится реализовать с помощью своих собственных стратегий действия. Он обладает тем, что Крозье называет “рациональным расчетом”. Другими словами, он оценивает свои возможности с точки зрения тех ресурсов, которые у него есть. Это преж-

де всего его аффективные, интеллектуальные способности, материальные возможности и т.п. Но он оценивает все это не абстрактно, а применительно к “ограничениям” момента, т.е. он соотносит свои возможности и стремления с теми “правилами игры” и их рамками, в которые он поставлен внутри тех или иных организации, института, общества.

Поведение такого актера нельзя считать полностью предвидимым. Более того, если такое поведение не является исходно предвидимым, то оно постоянно изменяется, так как индивид корректирует его в соответствии с изменениями среды и “ограничениями”, с которыми он сталкивается. При этом главное в его поведении состоит в том, что он стремится извлечь максимум выгоды для себя, исходя из ситуации и своих целей. Трудно к тому же представить себе, что цели индивида всегда и полностью будут совпадать с целями организации, внутри которой он строит свое поведение. Это и означает, что поведение актера есть поведение стратегическое, т.е. направленное на достижение личных целей, принимая в расчет ограничения ситуации.

Второй момент, который выделяет Крозье для характеристики индивида — это момент рациональности. В определении стратегии своего поведения индивид всегда действует рационально. Речь при этом идет о достаточно ограниченной рациональности вполне “земного” человека, с присущими ей иллюзиями, ошибками и просчетами. Кроме того, ограниченность рационального расчета индивида определяется необходимостью его действий наряду и вместе с другими актерами, которые так же, как и он, имеют свои стратегии и свои расчеты. В результате актер никогда не находит в реальности оптимальные решения, а только лишь удовлетворительные.

Введение понятия “стратегический актер” — первый шаг в “обновлении” взгляда на отношения власти. Вторым шагом в этом направлении становится у Крозье “обновление” взгляда на сами отношения власти между социальными актерами. Отрицая материалистические основания от-

ношений власти — отношения собственности, — автор пытается, как он выражается, найти некий “общий знаменатель власти”. В этой связи он считает необходимым в первую очередь преодолеть “статичность” марксистской трактовки и предлагает рассматривать отношения власти “как отношения и как процесс” (56).

Углубляясь в “реляционный анализ” отношений власти, Крозье открывает в них “элемент переговоров”, который, по его мнению, совершенно трансформирует смысл этих отношений. “Всякое отношение между двумя сторонами, — пишет он, — предполагает их обмен и адаптацию. Всякий позитивный ответ А на просьбу Б проще и плодотворнее рассматривать как результат переговоров. А отвечает Б потому, что Б ему ответил, или потому, что он верит, что Б ему ответит” (57). “При этом власть А над Б соответствует способности А добиться того, чтобы в его переговорах с Б условия обмена были для А благоприятными” (58). В результате проблема власти превращается в проблему условий переговоров.

Именно тот факт, что индивид есть “голова”, “проект”, “свобода”, предполагает необходимость признания переговорного характера власти для успешного функционирования организации.

В этом отношении весьма показательны так называемые “забастовки усердия”, которые не есть отказ от работы, а всего лишь отказ проявлять личную инициативу, “вкладывать нечто от себя”. В таких забастовках рабочие скрупулезно следуют предписаниям и регламентациям, накладываемым на них организацией, и одного этого оказывается вполне достаточно для того, чтобы парализовать нормальную работу организации.

Пример “забастовок усердия” подчеркивает двусторонний характер власти, двунаправленный характер зависимости начальника и подчиненных и показывает, насколько успех функционирования организации зависит от “доброй воли” индивидов. Этот пример подводит нас к важности

учета фактора “участия” индивида в работе организации. Участие же человека в деятельности организации всегда носит характер переговоров.

Чем определяются условия переговоров? Указывая на недостаточность для ответа на этот вопрос определения власти как отношения, как переговоров и как обмена, Крозье “помещает переговоры между двумя партнерами в их естественное окружение” (59). Таковым является для него организация. “Власть не существует сама по себе. Отношения власти устанавливаются только тогда, когда обе стороны, по крайней мере временно, интегрируются в организованный ансамбль” (60).

Связь отношений власти с организованными структурами позволяет Крозье рассматривать их не только как отношение, но и как “процесс, неразделимый с процессом организации” (61). Власть возникает в процессе организации, а процесс возникновения отношений власти предполагает становление и развитие самой организации. При этом он опирается на одну из своих исходных категорий — категорию “коллективного действия”. Отношения власти не существуют сами по себе. Они обязательно предполагают организацию людей для достижения совокупных целей в коллективном действии. Например, между двумя пассажирами одного купе не обязательно возникают отношения власти, так как у них нет общей цели действия и они не складываются в организацию. Если же появляется общая цель действия, необходимо возникает организация отношений власти.

Важность организационного аспекта власти определяется самим характером современного общества, роль институтов в котором постоянно возрастает. Все большее число проблем и видов деятельности “социализируется”, уходя из сферы частной жизни. Между уровнем глобального анализа общества, где господствуют такие характеристики, как класс, слой, группа, и уровнем индивида, статус которого определяется в психологических терминах его личности, его характера и т.п., существует очень важный промежуточный уро-

вень. Это — уровень организаций, институтов общества, который имеет свои собственные правила функционирования и диктует индивидам и их поведению свою собственную логику. Поэтому в социальной и политической науке даже возник специальный термин — организационный фактор.

Благодаря этому фактору меняется характер и природа власти. Структура общества, представленная социальными институтами, ведет к распылению абсолютистской сущности власти и превращает ее в стратегию маневрирования, что является объективным основанием “стратегического” характера современной власти. Власть в таком случае есть область стратегии, где встречаются “друзья-соперники”. Однако обязательным фактом, делающим это поведение возможным, является необходимость организационных рамок, внутри которых происходит взаимодействие. Организация, таким образом, — центральная структура современного общества. Именно наличие организаций является предпосылкой возникновения отношений властвования.

Взгляд на власть как на процесс позволяет, как считает Крозье, понять сущность и динамику “переговоров власти”. Условия этих переговоров суть “результат игры, суровые ограничения которой выступают как возможности и определяют стратегию актеров” (62). Такими “ограничениями” являются формальные и неформальные цели организации и “правила игры”, принимаемые актерами. Однако эти цели и правила действуют на актеров не прямо. И здесь оказывается необходимым “стратегический актер” с его “ограниченной рациональностью”. Ключ поведения “стратегического актера”, или “игрока”, заключается в “поле свободы и произвола”, которые “он может себе оставить”. Чем больше один актер, пользуясь свободой своего поведения, может повлиять на ситуацию партнера, тем менее он сам становится уязвимым и тем более он имеет над партнером власти. Таким образом, игра, по Крозье, состоит в борьбе за то, чтобы заключить другого в положение детерминированного поведения, а самому остаться достаточно свободным, что-

бы пользоваться своей “доброй волей”. В переговорах “сталкиваются способности актеров” сделать свое поведение для противника менее предвидимым, чем поведение противника для себя. Сила, богатство, престиж, законная власть, заключает Крозье, имеют влияние тогда, когда они дают большую свободу действий.

Однако “стратегические актеры” действуют не сами по себе, они “вписаны” в рамки организации, которая позволяет им выступать в качестве “игроков”. Так как организация представляет социальную систему со своими собственными регуляциями и тем самым приобретает определенную степень автономности, то она налагает особую логику на своих членов. “Ограничения”, т.е. цели и правила организации, действуют, как отмечалось, не прямо, а косвенно: ограничивают свободу поведения “игроков” и отделяют сектора, где действие полностью предвидимо, от секторов, где доминирует “неопределенность” (*incertitude*) (63).

Власть одного “игрока” в переговорах с другим, по теории Крозье, зависит от контроля, который индивид может осуществить над “источником неопределенности” (*source d’incertitude*), воздействующим на поведение другого в рамках “правил игры”, вменяемых организацией. Поскольку различные “неопределенности” имеют различное значение для функционирования организации, то в зависимости от иерархической важности конкретной неопределенности, которую контролирует конкретный актер, будет возрастать его власть. “В своих переговорах с организацией, — утверждает Крозье, — власть игрока в конечном счете зависит от контроля, который он может осуществить над источником неопределенности, влияющим на преследование целей организации” (64).

Характерным примером захвата влияния над “источником неопределенности” является власть ремонтных рабочих в любой мастерской. Трудно регламентируемый характер их деятельности позволяет им не только самостоятельно распоряжаться своим временем, но и ставить в зависимость от

своей воли других. Невозможность четкой технологической регламентации области ремонта коренится в природе неисправностей, которые никогда нельзя предвидеть и предписать, а также в задаче их устранения, могущей потребовать новаторского, творческого подхода.

В более общем – социальном плане – источником неопределенности может оказаться любой “незакрытый” предписаниями участок деятельности, которых инициативный актер в косном бюрократическом обществе в состоянии отыскать множество. Таким же источником неопределенности может оказаться затруднительная моральная, экологическая, политическая ситуация, которые умелый лидер использует для получения своей доли власти в обществе.

Итак, из рассуждений Крозье следует, что “стратегические актеры” вступают в “переговорные отношения власти” в процессе общего “социального действия”, образующего организацию. Действие “ограничений” организации на актеров опосредуется “полем их свободы и произвола”. “Ограничения” организации, главным образом, “правила игры”, структурируют “поле действия” “игроков” таким образом, что создают “источники неопределенности”, которые и являются источниками власти. В зависимости от относительной важности этих источников определяется большая или меньшая власть индивида по отношению к другому индивиду и по отношению к организации.

С организационной точки зрения важным открытием М.Крозье является понятие, которое он именует “источником неопределенности”. В той мере, в которой какая-либо группа осуществляет контроль над “источником неопределенности”, имеющим в обществе ключевой характер, она может начинать переговоры об изменении своего статуса в сторону его улучшения, увеличения своих преимуществ, угрожая полностью разрушить или парализовать функционирование всего организационного ансамбля через определенное воздействие на жизненно важный для организации сектор, который она контролирует.

Использование “источника неопределенности” для этих целей должно, однако, хорошо координироваться с целями самой организации. Только учитывая общие цели, работник может получить выгоду от стратегии своего поведения.

Так, например, если в мастерской, где делают скрипки, работает человек, который может виртуозно играть на этом инструменте, то это никоим образом не увеличивает его власти. Напротив, если этот человек совершенно не умеет играть, но прекрасно осведомлен о тонкостях технологии сборки этой скрипки, то он может получить большие козыри с точки зрения стратегии своего поведения в этой мастерской, обеспечив себе либо большую власть, либо большую свободу — в зависимости от того, что он предпочитает.

Из теории Крозье следует, что “слабый” может оказаться обладателем большей власти, если он поставит “сильного” в ситуацию (моральную, политическую или какую-либо другую), в которой последний не сможет использовать свою силу.

Отношения власти в концепции Крозье отчетливо и в полной мере проявляют свою двойственную природу. С одной стороны, эти отношения могут проявляться и они есть следствие существования социального пакта, воплощенного в строгих правилах организации. Но с другой стороны, в них неизбежно присутствует динамизм, связанный с их “переговорной” природой. Именно следствием последней является то, что в реальной повседневной социальной практике они принимают форму своеобразной социальной “игры”.

“Игра” эта происходит на нескольких уровнях. Прежде всего, это — игра между партнерами по переговорам. Далее, это — игра между индивидами и самой организацией, которая может принимать характер угрозы самому существованию общества как самой большой социальной организации. В частности, особенности функционирования бюрократических организаций таковы, что нарушение в них возможностей реализации инноваций таит в себе угрозу такого блокирования развития общества, что оно превращается в ригидную, закостенелую структуру, обреченную на гибель в

результате “революционных взрывов”, ликвидирующих всякую нормальную динамику развития.

Отношения власти в концепции Крозье не ограничиваются сферой глобально-политического, т.е. государственной сферой, а имеют место во всех организациях и управляют всеми отношениями людей между собой, всеми стратегическими установками и действиями и определяют в конечном счете характер и формы стабильных матриц отношений, которые устанавливаются в результате постоянных и повсеместных “переговоров” по поводу власти. Таковы отношения власти всюду — на предприятиях, в административных институтах, в профсоюзах, в партийных организациях и т.д.

Современное положение в обществе характеризуется, по Крозье, видимостью “отрицания переговоров в пользу морали” (65). Однако по мере принятия обществом императивов “коллективного действия” “реальность человеческих отношений... мало-помалу... появляется на белый свет. “Вся эволюция последних ста лет, — пишет автор, — состояла в переходе от царства морали к царству переговоров”, что в масштабе общества представляет собой “переход ко взрослому состоянию” (66). Подтверждением и проявлением этой эволюции, по Крозье, является, например, признание права на забастовку в современном обществе. “То, что считалось раньше грязным шантажом, стало отныне законной властью переговоров” (67).

Логика концепции подводит автора к выводу о вечности отношений социальной власти. “Власть нельзя ни ликвидировать, ни национализировать. Она как голова гидры появляется в большем количестве и становится сильнее всякий раз, когда считают, что ее обезглавили” (68). Неустрашимость отношений власти у Крозье непосредственно вытекает из вечности “ситуации неопределенности”, которая кроется в “самой необходимости действия”. Никогда нельзя учесть всех конкретных деталей ситуации, рассуждает он, а следовательно, всегда есть возможность для возникновения неопределенностей, а с ними и властных отношений.

Постулат о вечности власти у Крозье тесно связан с выводом о ненужности и вредности революционных теорий власти и преобразования общества. В этой связи он считает коренной ошибкой “левых” то, что они видят “корень зла” в самих отношениях власти и в ее захвате социальной группой. “Левые”, по мнению Крозье, “обходят проблему власти в том, что в ней есть универсального, т.е. независимо от капиталистического и социалистического типов государства. Они не могут понять того, что эта проблема находится прежде всего в нас самих” (69).

Методологическим основанием теории власти М.Крозье является структурный функционализм. Одной из особенностей структурно-функционального метода является то, что он апеллирует к социальному явлению как к существующему факту. Его не интересуют ни условия, его породившие, ни законы, управляющие его развитием. Он берет это явление в его функциональных, т.е. поверхностных связях, основывается на внешних, непосредственно данных нам фактах, какими являются для Крозье социальные действия людей. Такое ограничение изучением простой координационной связи между действиями приводит к тому, что автор понимает социальные отношения как “видимые” стратегии между различными группами давления. Он совершенно отказывается от социально-классового анализа. В результате получается, что социальные отношения основываются на равенстве социальных групп, которые “делят власть” и участвуют в игре в одном сообществе.

Главное внимание Крозье сосредоточивает на исследовании мотивов и поступков индивида. Следуя функционалистскому постулату о выявлении составляющих структуры объекта, он сводит анализ поведения человека только к одной функции — “рациональному расчету” в действиях.

Параметр “рационального расчета” фактически свидетельствует о признании Крозье определяющей роли интересов в поведении личности и социальных групп. Но дело в том, что интерес этот он трактует субъективно, игнорирует

его обусловленность объективными факторами, присущими обществу как системе. Фактически он смешивает объективно обусловленный материальный интерес с представлениями людей о своем интересе. Реальная деятельность людей в его интерпретации выступает как результат и порождение взаимодействующих индивидуальных сознаний.

Но интересы нельзя рассматривать только как факт сознания, они существуют объективно: это непосредственное положение людей в обществе.

Ограничивая социальный процесс рамками межличностного взаимодействия, Крозье оказывается не в состоянии избежать логического круга в интерпретации личности. В самом деле, поведение индивида у него основывается на “рациональном расчете” последнего в его стремлении завоевать социальное влияние, или власть. Власть же у него выступает как некая субстанциальная сущность, имманентная человеческой природе, которая постоянно толкает индивида на социальное действие. Круг замыкается в самом человеке, а “рациональный расчет” превращается в некую иррациональную сущность.

“Организационный анализ” растворяет понятие общества в совокупности множества организаций. Происходит отрыв организационно-технических и обыденно поведенческих отношений от социально-экономических отношений в обществе.

В современной теории интереса среди всех разновидностей интересов в качестве ведущих выделяются прежде всего наиболее устойчивые, долговременные интересы (экономические, политические и другие). Понятие интереса конкретизирует понятие цели. Цели социального субъекта затрагивают внутреннюю основу поведения. Цель — это побуждающий мотив практического действия.

Крозье ограничивает свой анализ социального действия двумя последними ступенями, являющимися проявлением более глубоких детерминант действия, которые он игнорирует — потребностей и объективных макросистемных условий.

У него, однако, прослеживается очевидная попытка связать понятие власти со структурой внешней среды. Соотнося интерес субъекта, понимаемый как “рациональный расчет”, с “правилами игры”, структурирующими “социальное поле действия”, и в первую очередь с “зонами неопределенности”, Крозье выражает стремление объективировать трактовку властных отношений. Однако сама объективность “правил игры” иллюзорна. Совокупность институтов и норм в обществе является не только результатом договорных отношений, результатов “переговоров” между двумя сторонами диадического взаимодействия, — рабочего и нанимателя, как это утверждает французский социолог. Эти нормы и институты представляют собой правовое, законодательное закрепление определенных объективных макросоциальных экономических и политических отношений.

Таким образом, “структурация” социального поля правилами не является чем-то совершенно свободным и могущим быть измененным только через изменения “природы игры”, понимаемой как воспитание у партнера по игре “доверия”, способности “открываться” другому. Эта “структурация” жестко задана макроэкономическими отношениями в обществе.

Представления о “переговорном” характере отношений между индивидами в обществе формируется у Крозье под очевидным влиянием понятия “функциональной зависимости”, где оба члена уравнения являются одинаково соотносенными друг с другом. Типично функционалистская коррелятивная связь элементов социального взаимодействия при игнорировании каузального анализа приводит социолога к отрицанию детерминированности отношений власти факторами, лежащими за пределами взаимодействия партнеров. Но именно такая детерминация, которая выходит за рамки взаимоотношения сторон, и определяет сущность и характер отношений в обществе. Поскольку “правила игры” фактически являются государственными нормами, закрепляющими и цементирующими волю экономически и поли-

тически господствующего в стране класса, то “зона неопределенности” не может служить источником политической власти, как это считает Крозье.

Будучи теоретиком организаций Крозье сосредоточивает свой исследовательский интерес на конкретных трудовых ситуациях в рамках отдельных предприятий. Распространяя результаты частных эмпирических исследований поведения рабочих и служащих на общество в целом, автор отождествляет отношения власти в обществе с отношениями влияния партнеров друг на друга в рамках производственных ситуаций. Такую позицию ученого отмечают и некоторые западные исследователи. “Крозье идентифицирует влияние (*influence*) и власть (*pouvoir*)” (70), — пишет А.Турен. “Он не отличает политической власти от других форм власти” (71), — указывает М.Пьетри.

Примыкая к веберовской традиции осмысления социального действия, Крозье вслед за М.Вебером, Ф.Знанецким, Т.Парсонсом принимает важнейшие характеристики социального действия как осмысленного, т.е. имеющего “субъективный смысл” и соотношенного с поведением других. “Рациональный расчет” — центральное понятие теории действия Крозье — позволяет синтезировать оба эти требования. Французский социолог продолжает разработку триединой структуры социального действия, выдвинутой Т.Парсонсом (актер — ситуация — отношение действующего лица к ситуации). При этом Крозье стремится уменьшить психологизацию теории, присущую Парсонсу, усиливая акцент на значении ситуации в действии актера. Он выделяет “неопределенность” как ведущий, определяющий момент структуры ситуации и пытается социально объективировать “ограничения” ситуации по отношению к актеру, которые, таким образом, принимают у него форму “правил игры”.

Западные исследователи упрекают Крозье в социалдарвинистском уклоне его теории власти. “Концепция Крозье — это программа социальной евгеники, — пишет, например, А.Турен. — Идеи автора “Бюрократического феноме-

на” перекликаются с идеями социал-дарвинистов о выживании сильнейшего. Несчастье тем, кто недостаточно силен, недостаточно хладнокровен, недостаточно расчетлив, чтобы вести эту борьбу не на жизнь, а на смерть” (72) — так, по его мнению, звучит основной лейтмотив рассуждений Крозье.

Как известно, социал-дарвинистская школа в социологии крайне неоднородна (73). В нее входят как социологи, строящие свои концепции непосредственно на основе принципов биологической эволюции (социал-дарвинисты в узком смысле слова), так и исследователи, которые прямо не сводят социальные процессы к биологическим. Теории последних близки к психологическому направлению. Построения Крозье можно отнести к их разряду. Можно полагать, что как и представители этого течения, социальную жизнь он рассматривает в качестве арены вечной борьбы между индивидами и социальными группами, борьбы, которую он выводит из желания индивида достичь господства и захватить влияние над “источником неопределенности”.

Приняв во внимание замечания критиков теории М.Крозье, следует подчеркнуть, что достоинство его концепции власти состоит в том, что, несмотря на психологизм и метафоричность, она позволяет увидеть реальные процессы, происходящие в организационной структуре общества и позволяющие понять истоки образования явлений так называемой “параллельной власти” в обществе — основного компонента бюрократической динамики общества.

2. Политический анализ бюрократии

Кризис современного общества есть не только кризис отношений власти, это также и прежде всего — кризис бюрократический, утверждает Крозье.

Идея осмысления феномена бюрократии получила распространение с начала XIX века и в обыденной трактовке подразумевала власть чиновников, засилье в государстве чиновничьего аппарата. Однако с самого начала наметились

два главных направления ее анализа — как определенного коллективного тела правления и как механизма такого правления. К концу XIX века это понятие стали использовать для обозначения категории особого рода профессионалов, занятых административной деятельностью уже не только в государственном аппарате, но и во всякой крупной организации. В XX веке широкое распространение получили термины: “бюрократическое общество”, “бюрократический кризис” и даже “бюрократический ритм” динамики общества.

К настоящему времени термин “бюрократия” приобрел многозначность. Под ним понимают систему администрирования, которая функционирует на относительно долговременной основе в соответствии с определенными правилами и с помощью специально обученных квалифицированных профессионалов. В ином значении “бюрократией” именуют систему правления, в которой руководящие посты получают лица путем назначения по профессиональному признаку, а не через легальные демократические процедуры открытого избрания в качестве представителей народа. Третья интерпретация термина “бюрократия” обозначает слой профессиональных администраторов как особую социальную группу. И, наконец, четвертый вариант предлагает уничижительное негативное расшифровывание этого понятия, особо выделяющее пороки такого типа администрирования — безответственность, келейность, волокиту и т.п. (74).

Современная амбивалентность концепции бюрократии, которая объемлет два ее значения — как особого типа государственного правления и как способа администрирования — привела к формированию двух основных линий исследования этого явления. Первая изучает этот феномен на уровне общества как систему управления и принятия решений. В плеяду авторов, представляющих это направление, несмотря на все различие их теорий, входят такие имена, как Маркс, Троцкий, Рицци, Михельс, Гелбрейт. Вторая видит в этом феномене механизм, независимый от политической формы. Сюда относят таких ученых, как Тейлор, Вебер,

Мертон, Гулднер, Селзник. Первая составляет область политического анализа, вторая относится к сфере социологии организаций.

Начало развитию теории бюрократии на поприще политического анализа положил Г.В.Ф.Гегель. Он первый подчеркнул ту роль, которую играют государственные служащие, или функционеры, в процессе унификации и рационализации общества, противостоя раздробленности на уровне гражданского общества в сфере экономической обособленности индивидов. Он фактически начал разработку того, что в современной политической литературе обозначается как институт государственного управления (в инструментальной традиции государственоведения) или институт государства (в этической традиции). Смысл существования и задачи этого института (в обеих коннотациях) состоят в созидании, отстаивании и сохранении общей, объединительной точки зрения, в поддержке идеи первичности общества как определенного единства над обществом как противоречивом множестве интересов.

Во времена Гегеля бюрократия ассоциировалась прежде всего с понятием централизованного европейского государства как прогрессивного для той эпохи явления. В его концепции идеи рационального устройства такого государства достигли наиболее отточенного и завершенного выражения. В “Философии права” он соединил этический рационализм И.Канта и традиции немецкого идеализма, соотнес их с реалиями институционального устройства Прусского государства своего времени. (Всеобъемлющая регулирующая жизни граждан Пруссии той эпохи резко контрастировала с британской системой самоуправления) (75).

Гегель считал прусское государство воплощением рационального устройства человеческого общества как с точки зрения достижения общего блага, так и в перспективе реализации индивидуальных целей саморегуляции личности. Он рассматривал бюрократию как один из трех основных слоев общества, наряду со слоем промышленников и агра-

риев. При этом бюрократический слой, или слой гражданских служащих, по его мнению, был единственным слоем в обществе, который воплощал в себе и реализовывал в действительности всеобщий интерес. Частный интерес гражданских служащих, считал он, совпадает со всеобщим интересом. Реализация же общегосударственных целей, а также легитимность самого слоя бюрократии, полнота доверия по отношению к нему со стороны народа во многом зависят от политической культуры и социально-политического поведения этого слоя. Отсюда возникает необходимость уделять особое внимание образованию и обучению представителей этого слоя как граждан и как профессионалов, чтобы они были на уровне предъявляемых к ним требований и на уровне возникающих перед ними задач.

Парадоксальным преемником этой традиции государствоведческой мысли был К.Маркс. Парадоксальным — потому, что он критически подошел к гегелевскому наследию, преемником — потому, что, как и у Гегеля, бюрократия ассоциируется у него с управлением государством.

Марксистский анализ бюрократии основывается на критике философии государства Гегеля. Последний видел в государстве механизм, стоящий над условиями и потому могущий объединить общество, предложив ему определенную рациональность социального действия.

Маркс рассматривал бюрократию как социальное тело, которое в обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями, использует эти противоречия в своих интересах и стремится учредить в обществе такой порядок и создать такие правовые рамки социального действия, которые приводили бы к легальности его господства. Он упрекает Гегеля в том, что тот “совершенно не рассматривает содержание бюрократии, а дает только некоторые общие определения ее “формальной организации” (76).

Специфика марксовой идеи состоит в том, что он дал более конкретный и более социологический поворот политическому варианту анализа. Главной целью бюрократии у

Маркса становится стремление снизить остроту конфликта в обществе. Для этого она выдает свой узкокорыстный интерес, состоящий фактически в сохранении статус-кво правил игры “гражданского общества” с его индивидуализированными интересами, за “всеобщий интерес”. Призванная объединять, она фактически “разделяет и властвует”. Маркс пишет: “Корпорации представляют собой материализм бюрократии, а бюрократия есть спиритуализм корпораций. Корпорация составляет бюрократию гражданского общества, бюрократия же есть корпорация государства. В действительности поэтому бюрократия противопоставляет себя — как “гражданское общество государства” — корпорациям как “государству гражданского общества”... Как только государство пробуждается к действительной жизни и гражданское общество, действуя по побуждению своего собственного разума, освобождается от власти корпораций, бюрократия старается восстановить их, ибо с падением “государства гражданского общества” падает также “гражданское общество государства” (77).

Наибольший интерес для развития политической мысли о бюрократии в работах Маркса представляет выявление им некоторых эмпирических характеристик бюрократии, главным образом негативного плана. Бюрократия в его интерпретации — это, прежде всего, царство некомпетентности. “Верхи, — пишет он, — полагаются на нижние круги во всем, что касается знания частных дел; нижние же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение” (78).

Но эта некомпетентность порождается самой социальной системой. Маркс пишет, что в условиях капиталистического производства технологически оправданная безличность отношений искажается частнособственническим характером общественных отношений. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, и наоборот, канцелярские задачи — в государственные (79). Люди в ка-

питалистическом обществе противопоставляются друг другу, и их общение становится общением персонифицированных функций. Частнособственнический характер отношений приводит к тому, что одним выпадает в обществе роль “безличных винтиков”, другие же подчиняют деятельность персонала фирмы собственным интересам.

В такой ситуации эффективность деятельности чиновника определяется через соответствие его действий предписаниям. Деятельность, не соответствующая пользе общества, регулируется с помощью новых предписаний; так развиваются иррациональные следствия от действия рациональных правил. “Бюрократия, — резюмирует К.Маркс, — есть круг, из которого никто не может выскочить” (80).

Централизация власти как характеристика бюрократии, также рассматриваемая Марксом, по его мнению, представляет собой непосредственное отражение в области политического усиления экономической концентрации капитала в руках немногих. Возникающие при этом отклонения в деятельности организаций в капиталистическом обществе есть результат развития тенденции отчуждения административного аппарата от общества и реальных потребностей индивидов. Управление превращается в самоцель, в институт с собственной внутренней жизнью, непостижимой для непосвященных. Круг людей, специализирующихся на управлении, становится замкнутой кастой, охраняющей свои секреты, которые способствуют выживанию их как слоя. В этом кроется клановая, мафиозная природа бюрократического действия. “Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером” (81).

Бюрократия погружена в “грубый материализм”, охоту за должностями, когда главным мотивом деятельности становится стремление сделать карьеру. Истинная сущность властвования в бюрократии вырождается и превращается в

авторитет в негативно-уничжительном его понимании. Характеризуя бюрократию, Маркс по этому поводу пишет: “...Обоготворение авторитета есть ее образ мыслей. Но в ее собственной среде спиритуализм превращается в грубый материализм, в материализм слепого подчинения, веры в авторитет, в механизм твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций” (82).

Иерархия бюрократии “есть иерархия знания”. Знание посредством иерархии превращается из реального в бюрократическое, оно может функционировать в бюрократии только как частичное. Частичное знание — форма существования бюрократического авторитета, “авторитет есть поэтому принцип ее знания, а обоготворение авторитета есть ее образ мыслей” (83).

К анализу бюрократии, который К.Маркс делал в отношении Германии XIX века, добавляется весьма существенная характеристика ее как паразитического явления, которую он подробно изложил, описывая Францию времен режима Бонапарта. Представляя французское государство XIX века, Маркс видит его как “ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры...” (84). В такой перспективе анализа более понятными становятся декларируемые Парижской Коммуной цели ликвидации привилегий и иерархии как главных атрибутов бюрократии.

Опираясь на идеи К.Маркса и продолжая ту же линию исследования, В.И.Ленин в своей работе “Государство и революция” характеризует бюрократию как «“паразит” на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит, “затыкающий” жизненные поры” (85). Новым аналитическим поворотом предстает замечание Ленина о том, что рекрутирование бюрократии из средних и нижних слоев общества приводит в конечном счете к отделению этой части общества от остального народа и теснейшим образом связывает ее судьбу с жизнью господствующего

класса. Подчеркивая, таким образом, своеобразие генезиса бюрократии, Ленин делает очень важное и имеющее очень серьезные исследовательские перспективы наблюдение относительно того, что государственная бюрократия является постоянным полем битвы между крупнейшими партиями общества, которые стремятся получить административные sinecеры. Эта борьба особенно обостряется, подчеркивает он, в результате смены режима, когда каждый из политиков стремится захватить большую долю общественного пирога.

Несомненной заслугой марксистского анализа, как отмечают западные исследователи (86), является то, что он сделал бюрократию эмпирически осязаемым явлением и представил ее описание, которое не утратило своей актуальности до сих пор. Современные аналитики продолжают утверждать, например, что бюрократия создает порочные круги, на которых зиждется ее функционирование, что нижестоящие чиновники отдают инициативу и разрешение трудных ситуаций в руки начальства, а последнее оставляет за подчиненными необходимость справляться с отдельными частными осложнениями, не допуская информацию о них в верхние эшелоны власти (чтобы они “не беспокоили начальства”). Такая солидарность на основе некомпетентности тесно связывает нижние звенья иерархии с верхними и со всей бюрократической организацией как системой. Отказаться от бюрократического единения можно только отказавшись одновременно от своей должности, а заодно от привилегий и от материальных преимуществ, с нею связанных. Продолжает оставаться актуальной и такая черта бюрократической организации как карьеризм, выражающийся в том, что сущностный смысл работы подчинен в ней стремлению к сохранению или повышению личного статуса внутри бюрократической иерархии. Современная бюрократия, как и во времена Маркса, предстает в виде огромной взаимопереплетенной сети отношений, основанных на личных связях, услугах и симпатиях, а вовсе не на объективно-меритократических критериях, исходящих из необходимо-

сти реального разделения труда в обществе и добросовестного исполнения трудовых функций. Повседневное функционирование и развитие осуществляется в них через клановые группировки, а борьба кланов между собой заменяет строгое соблюдение иерархических формальных отношений, стремясь подчинить работу организации интересам и личным целям мафиозных образований.

Интересно в этом отношении замечание современного исследователя бюрократии Клода Лефора, профессора социологии университета в Кайене, который пишет, что особенно остро борьба кланов и партий за распределение важнейших постов становится в переходные для общества периоды, озаменованные изменением режима. Бюрократия, имеющая несколько обособленное от ключевых революционных сдвигов административное поле деятельности, не является в то же время совершенно нейтральной в рамках вновь возникшего политического режима. По завершении революционного периода новые господствующие классы легко приспособливают ее к новым правилам игры и бюрократия при этом только усиливается. Свидетельством тому, по его мнению, может служить пример эпохи Освобождения во Франции, когда с приходом к власти голлистов появилась новая мощная бюрократия.

“...Государственная бюрократия приспособливается к самым разным режимам, доказательством чему является пример Франции, где она остается замечательно устойчивым феноменом со времен Первой Империи. Подтверждение того же факта находим и в том, что в периоды войн бюрократический персонал завоеванных стран совершенно естественным образом используется иностранными властями и продолжает выполнять свои административные функции. Бюрократия в принципе индифферентна к интересам и ценностям, которые отстаивает какой-либо политический режим. И это означает, что она является органом, который находится на службе господствующих сил или классов и помещается в некотором роде между

господствующими слоями и теми, над кем последние господствуют” (87).

Подход Маркса и его последователей (в частности, исследователей марксистско-ленинского направления общественной мысли), определяя бюрократию только как буржуазно-классовое явление и давая точное и красочное описание практических черт бюрократии, однако, не проясняет глубинной природы бюрократии. Ведь точно таким же эмпирически наблюдаемым фактом ныне стала универсальность этого явления — его присутствие во всех государственных системах: как в капиталистических, так и в социалистических, а также наличие его в институализированных обществах с разным уровнем развития — в высокоразвитых и в слаборазвитых. Ссылки на способ производства, а также на монархические, “царистские” или “мандаринальные” традиции, на “пережитки прошлого”, а также на особенности психологии руководителей (в частности, на феномен “культы личности”) только запутывают понимание этого явления и мешают постичь его сущность.

Фактом является распространенность бюрократических черт во всех обществах независимо от типа общества, режима, господствующего в нем, хотя причины, порождающие бюрократию, разнятся. В социалистическом обществе ее расцвету способствует принцип однопартийности политической системы, плановый тип хозяйствования, отсутствие конкуренции и свободы выбора. В капиталистическом обществе распространение бюрократии является результатом самой рыночной системы с присущей ей тенденцией к монополии, проблемами бедности и нестабильности, которые порождают зависимость широких слоев населения от монополистов-собственников, создают большой веер возможностей давления на интересы отдельных людей и групп, манипулирования общественным сознанием.

Как политическое явление бюрократия, таким образом, универсальна и повсеместна. В этом смысле она связана с самой организационной сущностью института государства.

Лики же бюрократии различны и во многом определяются не только особенностями режима, но историческим наследием и особенностями национальной психологии и конкретного типа общественного сознания.

“Опыт показывает, что недостаточно изменить способ производства, социальную систему или систему правления, чтобы исчез риск возрождения бюрократии; опасения в отношении ее нового появления требуют добросовестного определения причин, ее порождающих, а также сильной политической воли, чтобы избавиться от прежней логики развития и определить условия создания большей социальной эффективности. Очевидно, что для этого вовсе недостаточно отказа от “всякого государства” (88), — пишет французский политолог Анисе ле Пор.

Общепризнанным недостатком марксистского анализа бюрократии является поверхностность объяснения, описательность в исследовании бюрократических процессов. Остается нераскрытой сущность бюрократии; без ответа оказываются вопросы ее связи с культурной спецификой страны, ее укоренения в сознании и поведении граждан, приемлемость и даже желательность ее для данного общества.

3. Социологический анализ бюрократии

Второе — социологическое — направление исследования бюрократии как частного случая социологии организаций берет свое начало в произведениях М.Вебера.

Историческое развитие и теоретическое осмысление действительности привели социологическую политическую мысль к необходимости выделения характерных черт бюрократии, лежащих в основе различных частных бюрократизированных общественных институтов — государственной бюрократии, промышленной, партийной, профсоюзной и т.д.

Проблематика социологического направления определяется самой логикой возникновения веберовского анализа. В отличие от Маркса, который видел в бюрократии по-

литический факт, Вебер исходил из факта исторической множественности бюрократий, которая, по его наблюдениям, была присуща традиционному, легальному и харизматическому типам господства. На основе синтеза их общих черт он построил модель “идеального типа” бюрократии.

Исходным пунктом анализа бюрократии для теорий этого направления является факт роста и усложнения организаций в современном обществе. Крупные предприятия для своего успешного функционирования нуждаются в аппарате, который мог бы осуществлять организацию, координацию, циркуляцию и контроль за принятием решений и их эффективностью на всех уровнях. Из этого следует, что феномен бюрократии характерен для всех предприятий и организаций во всех сферах хозяйственной, культурной, общественной, политической жизни общества. Это означает также, что независимо от области деятельности и ее уровня — корпоративного или государственного — структура бюрократии всюду одна и та же. Историко-политические исследования М.Вебера сделали для него очевидным факт относительной независимости бюрократии от политических форм. Он прослеживает ее существование как в аристократических, так и в демократических режимах; как в авторитарных, так и в либеральных формах правления.

Он рассматривает бюрократию как основу современной теории принятия решений. Главной характеристикой бюрократии у него стала рациональность поведения и действия, обусловленная как ее особым положением в иерархии общества, так и жесткой связью с правилами функционирования всякой сложной организации. Бюрократия в его понимании — всего лишь фактор, инструмент необходимой рационализации хозяйствования, ведения дел в технологически сложных современных обществах. К тому же она позволяет ответить на современный вызов демократизации, поскольку рационализация управления дает возможность уменьшить фактор личностного воздействия в социальных системах. Бюрократия в этом понимании также дает возмож-

ность ответить на “квалификационный” вызов современной технической цивилизации благодаря замене рекрутирования кадров по личному выбору, произволу и пристрастию отбором на основе компетентности и деловых качеств.

Все это в совокупности позволяет Веберу сконструировать “идеальный тип” бюрократии — своеобразную, развернутую технологическую дефиницию бюрократии. Вебер выделяет следующие основные черты “идеального типа” бюрократии: иерархия (каждый служащий имеет четко очерченное поле компетенции, область полномочий и ответственен за свои действия перед вышестоящим начальником); безличность (всякая работа выполняется в соответствии с определенным набором правил, исключающих как произвол, так и фаворитизм; всякая сделка регулируется и оформляется соответствующим договором); постоянство (учреждение обеспечивает полную занятость своих служащих в течение рабочего времени, создает для них гарантии долгосрочного пребывания в должности и перспективы стабильного продвижения по службе); экспертиза (служащие отбираются по профессиональным качествам и проходят специальное обучение для возможности исполнения своей функции, при этом обеспечивается контроль за доступом к сведениям, содержащимся в подведомственных документах).

Реализация этих правил, по мнению Вебера, становится возможной, потому что особенностью социального положения чиновника состоит в том, что последний отделен от собственности на средства управления. При этом управленческая деятельность превращается в профессию.

В случае нарушения или отсутствия хотя бы одного из перечисленных принципов реализация идеального типа бюрократии оказывается под угрозой.

Тот факт, что обязанности служащих официально закрепляются законами, правилами или административными распоряжениями, означает, что в обмен на некоторые материальные гарантии (в частности, обеспечение определенного уровня жизни) служащий обязуется исполнять специфици-

ческий долг верности. Последнее возможно только в том случае, когда он ощущает себя находящимся на службе некой безличной объективной цели, а не в подчинении какого-либо конкретного лица. Такой целью может быть либо предприятие, на котором он работает, либо партия, приверженцем идей которой он является, либо государство. При этом обязательным фактором, сопутствующим реализации этих целей, является наличие некоторой совокупности культурных ценностей, выраженных в программе и идеологии предприятия, партии, государства.

Функции служащих иерархизированы и интегрированы в общую систему таким образом, что на всех уровнях власти нижестоящие звенья системы контролируются вышестоящими и благодаря этому становится возможным проверить содержание решений и их выполнение на любом уровне иерархической лестницы. Это обстоятельство обеспечивается тем фактом, что те, кто работает в бюрократической организации, пользуются определенным социальным престижем. Последний чаще всего гарантируется специальным статусом, который дает служащему некоторые права и привилегии. То, что сами служащие обычно назначаются вышшим по должности, а не избираются, обеспечивает соблюдение иерархической дисциплины, которая в случае прямого избрания оказывалась бы подорванной, так как находилась бы в зависимости от воли множества избирателей, которым чиновники должны угождать, чтобы быть избранными.

Работа служащего требует от него того, чтобы он посвящал себя целиком и полностью своей функции. Чиновники обычно получают за это вознаграждение в форме определенных отношений к себе со стороны начальства и между собой и в форме обеспечения определенной длительности своей службы в организации.

Доступ к профессии чиновника, как правило, связан с причастностью его к юриспруденции, изучению торговли, административной науки и т.п. Характерной чертой является и определенная стабильность продвижения по служебной

лестнице, регулярность повышения в чине, делания карьеры, которые строго соответствуют ступеням иерархической пирамиды бюрократии. Такое продвижение осуществляется почти механическим образом.

Будучи свидетелем бурного развития капитализма, немецкий социолог связывал необходимость бюрократизации общества в положительном смысле с неизбежным разрастанием капиталистических организаций и усложнением их функций. Он считал, что управление с помощью профессиональных экспертов станет насущной потребностью для всех политических систем независимо от их типа и политического режима и для всех крупных организаций (промышленности, профсоюзов, политических партий и т.п.).

Совокупность свойств идеального типа бюрократии, по мысли Вебера, должна, прежде всего, повысить эффективность управления. Одним из главных достоинств бюрократии при этом является предвидимость результатов принимаемых решений. Ведь если нормы права и управленческие предписания обязательны для всех и известны каждому гражданину, то решения бюрократических инстанций очевидны. “Современный судья подобен автомату, который — если в него заложить относящиеся к конкретному делу документы вместе с оплатой — выбросит решение, механически выработанное на основе кодекса” (89).

Вторым атрибутом бюрократии является рациональность. Предвидимость действий социальных институтов требует от исполнителя исключения из его поступков личностных и иррациональных моментов поведения, которые не поддаются учету и калькуляции. “Вместо человеческого участия, покровительства, ласки, благодарности и гнева, характерных для традиционного и, отчасти, харизматического господства, современная культура требует от административного аппарата, который ее поддерживает, деловитости и специализации. Современная бюрократия безлична, что дает возможность определить будущее администрации в культуре... Капиталистическое производство требует такого судеб-

ного и административного аппарата, деятельность которого должна соответствовать постоянным правовым нормам и рациональной калькуляции подобно тому, как калькулируется эффективность машины” (90).

Третьей характеристикой бюрократии, по Веберу, становится нивелировка социальных и экономических различий. Это представляется возможным в результате того, что при капитализме, считает он, формальное равенство перед законом и образовательные институты обеспечивают свободный и равный доступ граждан к управлению независимо от социального и экономического положения.

Четвертым существенным качеством бюрократии является неуничтожимость аппарата. Сама сущность государственного тела, передовым звеном которого является управление, а значит, бюрократия в веберовском смысле, предполагает установление и поддержание социального порядка и стабильного развития общества. Выполнение этих главных задач буржуазного рационального государства создает ситуацию незаменимости бюрократии для любого общества. “Выбор существует только между бюрократией и дилетантизмом в сфере управления. Его первичный источник заключается в роли специализированного знания. Вопрос всегда заключается в том, кто контролирует существующую бюрократическую машину” (91).

Теория бюрократии Вебера, отмечая некоторые недостатки и отрицательные свойства бюрократии и процесса бюрократизации, в целом расценивает ее как положительное начало государственного функционирования. Однако практика общественной жизни и пристальное изучение этого явления, особенно начиная с 30-х годов XX века, фиксируют недостатки организаций бюрократического типа. Дисфункциональные характеристики порождаются как раз теми принципами, которые Вебер считал основами бюрократической рациональности. Это — иерархия, безличность, централизация, специализация, регулируемость социальных действий законами, указами и предписаниями и т.д.

Жесткая иерархия уменьшает возможность доступа новых идей и информации о практических проблемах в верхние эшелоны власти; строгая приверженность правилам порождает косность, негибкость организационных структур; создание привилегий, связанных с должностным положением служащих, способствует возникновению и развитию у них консерватизма мышления и действий.

Сам термин “бюрократия” все более наполняется отрицательным содержанием и звучанием.

Справедливости ради, следует сказать, что основы такого понимания бюрократии возникли уже с первых лет существования термина, изобретение которого приписывают французскому физиократу де Гурнею, которого тревожил тот факт, что реальный дух французских законов потворствует подчинению общественного интереса интересам чиновников и чиновничьего аппарата, представляющих на деле новую форму власти. Эта сентенция составляет и доныне суть и основу всех дисфункциональных проявлений бюрократии. Именно тот факт, что благодаря бюрократическим процедурам средства становятся целями, а бюрократическая система власти и правления приобретает независимость от народа, интересам которого она призвана служить, термин “бюрократия” отождествляется ныне с понятием дисфункции системы, со всякого рода злоупотреблениями в ней. Возрастающая регламентация современных обществ, расширение поля применения рациональных процедур чаще всего приводят к потере ощущения контролируемости системы в целом.

Социология в XX веке немало усилий посвятила развенчанию мифа о рациональности бюрократической организации, акцентируя внимание на особой роли человеческого фактора в перераспределении власти внутри крупных корпораций и в обществе в целом. Особенно возросло число таких работ в середине и во второй половине XX века. Главный вывод, к которому пришли исследователи, состоит в том, что бюрократическая организация является ограниченно рациональной.

Чрезвычайно острую проблему составил вопрос динамики организаций бюрократического типа, особенно когда такой организацией является политическая организация, общество в целом.

Возникли сомнения относительно приемлемости одних и тех же базовых принципов администрирования для организаций разного типа и разного масштаба. Так, если строгий контроль над информацией по принятию решений вполне допустим для области бизнеса, где существуют определенные секреты производства и главным мерилom эффективности является критерий прибыльности, то для общественных организаций и тем более для правительства должна существовать система обратной связи с народом, который избрал должностных лиц и представителями которого последние являются.

Вебер, рассматривая бюрократию в иной перспективе, нежели К. Маркс, т.е. не как специфический социальный слой, а как способ организации, тесно переплетенный, в частности, с капиталистической рациональностью, не занимался все же специально исследованием конститутивных черт бюрократии, т.е. того, каким образом она укореняется в социальное бытие и увеличивает свое политическое могущество, свою власть над обществом. Он перечислил главные черты бюрократического типа, но не вскрыл принципов, которые лежат в основании этих черт, делают их единым целым.

В веберовской характеристике, как и в теориях его последователей, бюрократия сведена к уровню “аппарата”, “механизма”, способа, инструмента. В таком случае все проблемы, с нею связанные и ею порожденные, превращаются в проблемы технические и требуют технических решений для предотвращения дисфункциональных последствий. Именно в такой перспективе идет развитие теории бюрократии в социологии организаций. Мейо подробно исследует значение “человеческого фактора” в работе предприятий; Мертон — гиперконформизм, являющийся следствием бюрок-

ратической дисциплины; Селзник — неожиданные последствия специализации, которая обостряет конфликты частных интересов служащих, нанося ущерб общему интересу фирмы; Гуднер — отрицательные последствия принудительного “карающего” режима бюрократии.

Существование двух ветвей исследования бюрократии — политической и организационной — имеют как свои плюсы, так и минусы. К недостаткам относятся слишком общий, теоретичный характер концепций первого типа и слишком узкосоциальный — вторых. Истина должна находиться на пути синтеза обоих течений. Именно такой синтез дают, по мнению зарубежных исследователей, работы Мишеля Крозье. “Если такой синтез и существует, то его следует искать в работах М.Крозье, в частности в его анализе французского общества, где он конкретно продемонстрировал как взаимодействуют, взаимопомогают и, в то же время, противостоят друг другу бюрократия как тип власти и бюрократия как тип организации”, (92) — заявляет автор одной из статей во французской социально-политической энциклопедии.

4. Теория бюрократии М.Крозье

Бюрократический кризис М.Крозье считает главным аспектом кризиса современного общества. Исследование “бюрократического феномена” выделяется у него в центральную проблему основных его работ. Оно дает название докторской диссертации французского социолога, принесшей ему известность не только во Франции, но и далеко за ее пределами (93). Отзывы на эту работу широко публиковались как в строго научной, так и публицистической литературе.

Французский социолог Ж.Рейно заявил, что “Бюрократический феномен” М.Крозье начал новый этап “обновления социологической науки во Франции” (94), а А.Турен назвал этот трактат “самым значительным трудом социологической мысли нынешнего поколения европейских соци-

ологов” (95). О популярности работ Крозье по бюрократии свидетельствует также тот факт, что в дискуссиях периодической прессы о преодолении бюрократических недостатков во Франции к его исследованиям обращаются как к неоспоримым трудам классика, заложившего основы понимания данного социального явления (96).

Несмотря на длительное и достаточно пристальное внимание социологов к теме бюрократии, несмотря на блестящее описание М.Вебером “идеального типа бюрократии” и всю поствеберовскую литературу, проблема бюрократии, по Крозье, до сих пор не получила должного разрешения. Она все еще остается “идеологическим мифом нашего времени” (97).

Парадокс, по его мнению, проистекает из двойственности самого явления бюрократии, которая в зародыше наметилась уже в работах М.Вебера. С одной стороны, развитие бюрократических процессов есть следствие и проявление рациональности, и в этом смысле бюрократия выше других форм организации. С другой стороны, создается впечатление, что организации такого типа преуспевают именно благодаря своим плохим качествам, т.е. благодаря тому, что низводят своих членов до ситуации стандартизации. В этом смысле бюрократия выступает “как своего рода Левиафан, который готовится обратить в рабство всю человеческую расу” (98). Предшествующие исследования бюрократии, по мнению Крозье, недостаточно четко выявляли значение этого противоречия.

В современной социологии, по его мнению, существует три главных трактовки бюрократии. Первая традиционно отождествляется с государственной бюрократией; вторая относится к веберовской концепции рационализации социальной деятельности; третья способствует популярному ее пониманию как распространения рутинных и тормозящих развитие процедур. Именно последний, дисфункциональный ее смысл акцентирует Крозье (99). Ведь “дисфункции” современного общества в конечном счете связаны с проблемами управления, т.е. с анахроничностью современных

средств регуляции и контроля, с их неприспособленностью к изменившимся “условиям игры”.

Главным элементом механизма управления является система принятия решений, но последняя в условиях современных западных обществ есть “продукт бюрократического процесса, развертывающегося в организациях и сложных системах” (100). Системы принятия решений сильно отяжелели. Бесконечная цепь консультаций, потеря контактов с реальной жизненной сферой, чувство отчуждения как руководителей, так и подчиненных — вот ее основные характеристики. Путаница возросла в такой степени, что никто как следует не знает, кто и как принял решение. Реакцией на подобную ситуацию становится рост регламентаций и правил, которые только усугубляют бюрократизацию. В итоге возникает “чувство задушенности, порожденное аккумуляцией бюрократических процедур и бюрократической технологии” (101).

В истории организационных учений о бюрократии французский политолог выделяет три этапа. Первый охватывает период создания теории “идеального типа” М.Вебера, которая соответствует “иллюзии рационалистов эпохи научной организации труда, еще не отошедших от тейлоровской механистической модели анализа человеческих поведения” (102).

Связывая развитие капитализма с процессом возрастания рациональности и с такими игнорирующими “человеческое измерение” чертами как иерархия, безличность, специализация, регламентация — веберовская модель концентрирует все свое внимание на проблемах контролируемости и управляемости, которые в поздней социологии и политологии переросли в проблему манипуляции общественным сознанием, ориентированным на “одномерного человека” общества массового потребления.

Второй этап открыли теоретики “школы человеческих отношений”. Они, хотя и были далеки от опровержения схемы М.Вебера, все же доказали, что “организация, соответ-

ствующая “идеальному типу”, очень далека от совершенно эффективной” (103). Открытие “человеческого фактора” способствовало возникновению теорий бюрократических дисфункций. Однако исследователи “человеческих отношений” только указали на наличие соотношения между бюрократией как рациональной организацией и бюрократией как дисфункцией, оставив без внимания политическую сторону проблемы (104).

Третий этап характеризуется повышенным исследовательским интересом к негативным проблемам деятельности бюрократии. Оригинальность интерпретации дисфункциональных аспектов работы бюрократических организаций в трудах Крозье состоит в том, что он увидел в дисфункциях не отклонение, а конституирующее свойство в функционировании современных бюрократических организаций, их “латентную функцию”. Как это ни парадоксально выглядит на первый взгляд, но именно дисфункции сохраняют и усиливают бюрократию, считает он. “Бюрократическая система организации, — пишет исследователь, — это такая, в которой дисфункции стали главным элементом равновесия” (105).

Для того чтобы вскрыть механизм образования бюрократических процессов необходимо, по его мнению, выделить “бюрократическую модель”, или характерный для общества “архетип управления” (106). Для этого нужно углубиться в исследование отношений власти в социальном ансамбле. “Наш анализ выявил центральный характер проблем власти в генезисе бюрократического феномена”, — пишет Крозье (107). Именно этот аспект составляет основу его анализа современной бюрократии. Принимая во внимание основополагающую и универсальную роль самого организационного принципа для функционирования современных социальных систем, организационный анализ бюрократии выступает как важнейший тип анализа.

“Французская бюрократическая модель”, или “французский архетип управления”, базируется, говорит Крозье, на сочетании двух типов власти: официального иерархичес-

кого и так называемого параллельного. Первый соответствует “рациональным аспектам” бюрократии в веберовском ее понимании и проявляется в склонности ее обладателей к регламентациям, к умножению правил, предписывающих поведение каждого человека в различных ситуациях. Второй, напротив, развивается там, где поведение людей нельзя предвидеть, в так называемых областях неопределенности, на основе использования “личной способности игроков контролировать источник неопределенности” (108).

“Параллельная власть” выступает, с одной стороны, как отклонение от официального типа власти. Она симптом анахронизма и разрушения формальных иерархических отношений во французском обществе. Она, согласно Крозье, является признаком появления на свет новых “переговорных” отношений власти. Она соответствует “распылению” последней между множеством взаимодействующих индивидов и в таком качестве выступает как отрицание “формальной власти”, строящейся по образцу абсолютной.

Параллельная власть к тому же увеличивает растрату ресурсов в бюрократической системе. Стремясь утвердить и расширить источники неопределенности, в которых она зарождается, она усиливает реакцию со стороны официальной власти, пытающейся перекрыть такие “источники” все возрастающим, и тем более бесполезным, каскадом правил, который переходит в настоящее “регламентационное безумство” (109).

С другой стороны, будучи фактором, нарушающим существование бюрократии, параллельная власть превращается в условие укрепления бюрократической модели, в ее “латентную функцию”. В обстановке бюрократической изоляции организации от внешней среды, при ускоренном изменении последней, параллельная власть выполняет функцию коррекции и адаптации организационной структуры к внешним трансформациям. Зоны ее проявления — “черные точки системы” — усиливают систему, “обеспечивают ей нечто вроде краткосрочного динамизма”, пишет автор (110).

Конкретизируя механизм функционирования французской бюрократической модели, в качестве ее основы Крозье выделяет “бюрократические порочные круги”. По его мнению, они образуются в результате сочетания и взаимодействия четырех фундаментальных характеристик: безличности, централизации, стратификации и отношений параллельной власти. При этом первые три выступают как проявления сущности официального иерархического типа власти.

Безличность бюрократической модели включает выработку правил, предопределяющих функции людей в различных ситуациях. Ее сущность состоит в стремлении к полной ликвидации произвола и инициативы индивидов через ликвидацию “неопределенностей”. В системе, где отсутствует “произвол” подчиненных в определении ими своих функций, рассуждает Крозье, роль руководителя сводится к формальному контролю за применением правил. Следовательно, он теряет реальную власть над подчиненными. В свою очередь последние лишены возможности влиять на руководство, так как их руководство полностью определено предписаниями свыше.

Вторая характеристика бюрократической модели — централизация власти по принятию решений — выражает тенденцию к удалению руководства от иерархического уровня, на котором решения и правила воплощаются в жизнь (“создание дистанции”). Эта бюрократическая черта тесно связана с безличностью. Для того, чтобы сохранить атмосферу безличности, необходимо все решения принимать на таком уровне, где ответственные за них защищены от влияний со стороны тех, на кого эти решения воздействуют.

С первыми двумя характеристиками тесно связана и третья черта бюрократической модели — стратификация, т.е. изоляция иерархических категорий (“страт”) друг от друга. Она вытекает из ликвидации возможности взаимного давления руководства на подчиненных и подчиненных на руководство.

Бюрократическая организация оказывается состоящей из ряда наложенных друг на друга слоев, разделенных барьерами и мало коммуницирующих между собой. В условиях уменьшения иерархического давления и невозможности благодаря наличию барьеров создать неформальную группу, включающую членов различных страт, возникает сильное давление страт на своих членов. Оно, по мнению Крозье, составляет один из главных источников “корпоративного духа” бюрократов, или того, что он иначе называет кастовостью.

Однако умножение безличностных правил не может элиминировать все источники неопределенности в социальном ансамбле. Всегда возникают зоны, вокруг которых складываются отношения параллельной власти. Стратегическое положение индивидов в таких областях тем лучше и власть в них тем больше, чем менее многочисленны сами источники неопределенности. Следовательно, наибольшую значимость параллельная власть приобретает именно там, где сильно развиты бюрократические черты.

Повышение роли неформальных структур ведет к дальнейшему усилению бюрократии, появляется порочный круг. Бюрократическая система принятия решений не может адекватно и своевременно реагировать на императивы, возникающие внизу иерархической пирамиды. Нарастает давление снизу с целью восстановления утраченного реального видения и придания соответствия решений действительности. При этом единственным средством действия руководителей наверху остается разработка новых правил в дополнение к уже существующим. Таким образом, происходит дальнейшее усиление бюрократических черт организации: безличности, централизации и стратификации.

Порочный круг базируется на том, что высокая степень бюрократизации увеличивает значение параллельной власти, а развитие последней укрепляет “бюрократическую модель”. Бюрократическая модель организации, отмечает Крозье, неэффективна и имеет отрицательные последствия для

общества. Одно из главных среди них — нарушение нормальных коммуникационных связей между различными слоями иерархической лестницы французского общества.

Феномен “некоммуникации” становится столь существенной чертой французской модели управления, что приводит к образованию на институциональном уровне так называемого “буферного звена” (111). Последнее — одно из конкретных проявлений коммуникационных барьеров в бюрократическом обществе. Дело в том, что в сложном социальном ансамбле, где связи между частями организации играют главную роль, но где они в то же время затруднены, из этого недостатка извлекают выгоду “промежуточные звенья”.

Игнорирующий эту сложность директивный метод управления приводит к образованию внутри социальной системы центров бюрократической власти, на действия которых центральная власть фактически повлиять не может. Сложившиеся бюрократические структуры сводят все указы на нет, директивы “увязают” в срединных звеньях этих структур, искажаются по мере прохождения по управленческой лестнице, а на уровне исполнителей чаще всего просто игнорируются.

Бичом современных предприятий и организаций, по Крозье, является то, что основной объем иерархической пирамиды занимает чрезмерно раздутый штат заместителей, помощников директоров и других многочисленных “средних” начальников, которые настолько функционально взаимозависимы друг от друга, что никто уже толком не знает, кто и за что действительно несет ответственность и каким образом принимаются решения.

Современная французская социальная структура “разбухла” и превратилась, по свидетельству автора, в “структуру улья, где все зависят от всех”. Многочисленные промежуточные административные звенья в целях сохранения своего “поля власти” задерживают обмен информацией и искажают ее. Возникает “эффект пуховика”. “Этот пуховик нельзя пробить ни сверху, ни снизу. В этой бесформенной

массе увязают все директивы и реформы” (112). Промежуточные эшелоны, видя свои выгоды в том, чтобы коммуникации осуществлялись плохо, даже не отдавая себе в этом отчета, деформируют и тормозят реформы, стремясь обеспечить свое собственное существование и обладание реальной властью.

Среди негативных проявлений бюрократизации во Франции Крозье выделяет возникновение так называемого “мира секрета” и “тенденции к монополии”. Фрагментированные слои организационной иерархии буржуазного общества превращаются, по его мнению, в настоящие “феодалные уделы”, которые отгораживаются друг от друга благодаря протекциям. Индивиды внутри таких групп пытаются сохранить завоеванное место, ограничивая доступ к кругу своего влияния и контакты с соседними слоями. Институциональным проявлением тенденции к монополии служит особая роль элиты в функционировании французского общества. В результате специфической организации системы образования и отбора малочисленные группы людей во Франции обладают “квазимонополией” на некоторые посты, что превращает современный французский социальный ансамбль в целом в “закрытую” систему.

Помимо нарушения коммуникации между верхними и нижними слоями иерархии неэффективность проявляется в блокировании “участия” трудящихся на нижнем его уровне — так называемом уровне “ограниченного участия”.

Вопрос об “участии” Крозье считает “ключевым в условиях постиндустриальных обществ”. Однако, по его мнению, проблема эта в западной литературе решается неверно. Она чрезвычайно запутана, так как ее рассматривают с моральных позиций. На участие смотрят как на осуществление давнишней мечты человечества о “золотом индустриальном веке”, когда в рамках примитивного сообщества якобы осуществлялось людское братство, или склоняются к “мифу аффективного участия”, согласно которому современный человек, погруженный в сухую рациональность

мира, нуждается в эмоциональной самоидентификации с лидером, “заставляющим вибрировать души”, или же верят, что участие представляет собой подарок хозяина своим подчиненным, или же полагают, что оно есть исконное и неотъемлемое право последних.

Крозье считает все эти взгляды ошибочными. “Участие, — пишет он, — это — груз и часто очень тяжелый, что делает понятным и естественным апатию и ограниченный энтузиазм подчиненных в его отношении” (113). И потому единственно адекватным нынешнему состоянию общества типом вовлечения трудящихся в дела социальных организаций Крозье считает рациональное, сознательное участие.

Но для реализации такого типа участия необходимы как некоторые уступки со стороны руководства, так и изменение самосознания самих участников игры. Современная разновидность участия требует, с одной стороны, большей открытости институциональных структур общества, ролевой вовлеченности индивида в дела предприятия, а с другой, развития самого человека, его требовательности к себе и способности выносить напряжения свободы и ответственности. Как это ни парадоксально, пишет Крозье, но “традиционная политика предприятия по привязыванию своего персонала есть нонсенс с точки зрения ангажированности работников. Достигаемая таким образом стабильность покупается ценой растраты человеческих ресурсов” (114).

Таким образом, одного организационного анализа бюрократии для полноценного понимания функционирования современных бюрократических обществ оказывается недостаточно. Остаются непроясненными многие психологические стороны положительного восприятия жизни в бюрократическом обществе, отмечаемые при исследованиях общественного сознания. Для осознания этой стороны проблемы необходимо дополнить организационный аспект анализа современной бюрократии культурологическим, считает Крозье.

Возникает закономерный вопрос: почему же, несмотря на все свои недостатки, “бюрократический феномен”

продолжает существовать? Парадокс, по Крозье, состоит в том, что сами недостатки системы выступают для ее членов в качестве достоинств. “Хотя люди и группы восстают против существующего статус-кво, они страстно, даже невротически привязаны к самим недостаткам этой системы” (115), — пишет автор. В имперсональной и централизованной организации создается атмосфера формального равенства, а отношения личной зависимости людей друг от друга имеют тенденцию к исчезновению.

Достоинством бюрократической модели с точки зрения индивида, по Крозье, является решение в ее рамках “проблемы участия”. Люди, как правило, боятся участия, потому что они видят в этом угрозу своей свободе и увеличение контроля за своими действиями со стороны других актеров социальной игры. Но в то же время они склонны к вовлечению в такие действия, “следуя естественному желанию контролировать свое окружение” (116).

Бюрократическая модель дает возможность примирить эти противоречивые требования. С одной стороны, бюрократические правила “защищают” индивидов от взаимных посягательств, а с другой — внутри области, ограниченной правилами, человек свободен от реального, инициативного участия в делах организации.

Помимо подобных “психологических достоинств” сохранению бюрократии, считает автор, способствует соответствие главных ее характеристик некоторым национальным особенностям французского образа жизни. Из всего многообразия последних Крозье выделяет “жажду независимости” и “благоклонность к абсолютной власти”. Несмотря на внешнюю противоречивость обе черты хорошо уживаются в национальном характере французов. Проявляя склонность к индивидуализму и автономии, они в то же время считают, что для успеха всякого корпоративного дела необходимо вмешательство универсальной и абсолютной власти. Они, с одной стороны, полагают, что лучше ограничить себя определенными рамками, но внутри очерченного таким образом

пространства остаться свободными (следует отметить также, что французы боятся прямых конфликтов и отношений типа противостояния с властью “лицом к лицу”). С другой стороны, их уважение к централизованной власти сохраняет в себе нечто от политической традиции абсолютной монархии.

Объяснением подобного сочетания политических эмоций является, по Крозье, то, что над общественной жизнью Франции довлеют длительные исторические этатистские традиции, которые в результате вековой сакрализации государственной власти и так называемого “всеобщего интереса”, с ней связанного, создают особо благоприятную среду для определенного типа социального политического действия и поведения, в которых все подчинено возвеличиванию коллективной жизни, обожествлению общества, политики.

Противоречивые, на первый взгляд, требования, по Крозье, идеально согласуются в рамках бюрократической системы организации. Существование безличных правил и централизация власти по принятию решений позволяют одновременно сохранить абсолютистскую концепцию власти и ликвидировать все прямые отношения зависимости.

Помимо двух указанных фундаментальных культурных характеристик французский автор перечисляет и некоторые второстепенные, также способствующие упрочению бюрократии. Так сохранению дистанции между социальными категориями, помогает по его мнению, модель “традиционной буржуазной семьи”. Она предполагает уважение к аристократическому происхождению, воспитанию и образованию наряду с презрением к людям бизнеса и “духу предпринимательства”.

Кроме обоснования жизненности бюрократии в рамках “культурного анализа” Крозье выделяет некоторые бюрократические “добродетели” организационного порядка. В качестве одной из таких выступает “модель демократии доступа”. В бюрократической системе, где все схвачено правилами, небольшие остаточные “зоны неопределенности” превращаются в ключевые стратегические “реле коммуни-

каций”, доступ к которым захватывается “нотаблями” (117). Так как число последних невелико и так как они сохраняют постоянный контакт между собой, то цепи “нотабилиарных отношений” очень коротки. В таких условиях гражданин из самой маленькой деревушки может иметь доступ к самым высоким инстанциям, что создает впечатление равенства. Таким образом, недостатки системы — элитарный характер укорачивания связей, “нотабилиарные реле” — оказываются в бюрократической модели позитивно-функциональными.

Культурологические наблюдения Крозье относительно устойчивости бюрократии во Франции перекликаются с замечаниями других иностранных авторов.

Современные исследователи отмечают, что благодаря специфически французским чертам — недостаточной самостоятельности политического руководства и сильной этагистской традиции во властных структурах — бюрократия во Франции имеет большие претензии на власть и сильные властные позиции. Это кардинально отличает Францию от англосаксонских стран, в частности от Великобритании и США. В Англии влияние бюрократических служащих приближается к роли посредников политических идей, их “интерпретаторов”. Велико их влияние в сборе информации и формировании общественного мнения, а также в проведении политических решений в жизнь, но в целом бюрократия занимает, очевидно, подчиненное политическим место. Сфера ее деятельности ограничена мощной традицией “политической нейтральности”, в которой вырабатываются кадры бюрократических служащих. Такая система, однако, имеет свои слабости, которые выражаются в неэффективности реализации политических решений вследствие затрудненности и сложности самого этого процесса (118).

В США, напротив, характер назначения бюрократических служащих президентом теоретически вроде бы должен обеспечивать сильные позиции политического руководства, оставляя за бюрократией положение подчиненных структур. Однако на практике поспешность рекрутирования кадров,

краткосрочность их пребывания в должности и отсутствие партийной дисциплины и единой концепции поведения увеличивают власть бюрократии в намного большей степени, чем того следовало бы ожидать. В результате бюрократические служащие, в реальности значительно дистанцированные от политического руководства, имеют возможность осуществлять пусть узкую, но совершенно не поддающуюся контролю независимую властную политику (119).

Во Франции бюрократическая власть намного более политизирована в результате того, что она сконцентрирована в двух главных административных структурах — Больших Корпусах и Больших Школах. Это положение усугубляется обширностью и элитарностью получаемого чиновниками образования, которое к тому же специально нацелено на подготовку к службе в правительстве, что вовсе не характерно для образовательной системы англоязычных стран. Одной из главных черт французской бюрократической системы, таким образом, становится ее “технократичность” в смысле чрезмерного веса в политике и дисфункциональных последствий распространения в стране экспертного типа власти (120).

Для анализа современного положения в России и, в частности, осмысления истоков того кризиса, в котором мы оказались, важно видеть сходство тех оснований бюрократии, которые составляют общие моменты французской и российской традиций и менталитета.

Как и во Франции, в России история доказывает тесное слияние бюрократии как административного феномена или как типа организации с политической властью. Недавние отрезки политического времени свидетельствуют о том, что именно в недрах бюрократии рождались крупнейшие лидеры социалистического государства. Сталин делал свою карьеру через партийные структуры и прежде, чем достичь высшего руководящего поста в стране, сумел аккумулировать через свои функции генерального секретаря партии функции государственной бюрок-

ратии. Даже то, что сама власть во времена правления Сталина приняла харизматический характер, не мешало ей, тем не менее, быть теснейшим образом слитой с бюрократией. Именно в бюрократическом аппарате Сталин видел прочнейший фундамент своей власти. Дальнейшая советская история убедительно доказывает верность постулата о том, что харизма может исчезнуть или исчерпать себя со смертью диктатора, но несмотря на это прежняя конфигурация власти легко восстанавливается благодаря бюрократии. Даже первый советский демократ Н.С.Хрущев получил власть только в результате поддержки большинства структур, которые контролировали бюрократический аппарат. Ими же он и был снят со своей должности. Та же ситуация сильной бюрократии, диктующей новой власти свои правила игры, повторилась и на начальной, номенклатурно-бюрократической стадии развития перестройки в России.

Проведенное М.Крозье исследование бюрократического феномена позволяет выявить то, что он называет квинтэссенцией, основополагающей схемой бюрократизации, повторяющейся во всех институтах общества. Выделенную таким образом совокупность черт он называет “гармониками организационной модели”. Термин “гармоника” заимствован из электротехники, где под ним понимают колебания второго, третьего и т.д. порядка, повторяющие главное колебание и сохраняющие при этом его соразмерности и его качественные характеристики.

Вводя это понятие в социальные науки, Крозье предлагает тем самым удачную и точную по смыслу метафору, позволяющую схватить одну из важнейших черт бюрократии, а именно то, что во всех подсистемах бюрократического общества копируется модель функционирования и поведения, которая задается центральной политико-идеологической бюрократической схемой.

Крозье подтверждает свое открытие наблюдениями за такими социальными подсистемами французского обще-

ства, как государственная администрация, система образования, здравоохранения, сфера услуг и т.д.

Наиболее отчетливо “гармоники” проявляются, по мнению Крозье, в социальных подсистемах, которые составляют “узлы блокад” французского общества и которые создают социальную основу — арматуру французского общества и одновременно поддерживают заблокированное состояние системы в целом. Их три — система образования, система общественной администрации и система рекрутирования элиты.

В целом же, считает Крозье, бюрократизация общественных процессов современного французского общества — кризисное и болезненное состояние. Страсть к регламентациям и контролю на верхних ступенях иерархической лестницы достигла своих пределов. В настоящее время французский социальный ансамбль превратился в “нераспускаемый бюрократический корсет”. В такой ситуации сама действительность делает проблему реформирования общества необходимой и крайне злободневной, заключает он.

Структурно-функционалистская методология, лежащая в основе исследования М.Крозье, имеет то неоспоримое преимущество, что создает возможность углубленного исследования внутреннего взаимодействия социальных систем и подсистем. Эти позитивные стороны структурного функционализма оказались весьма плодотворными при изучении такой замкнутой системы общества, какой является бюрократическая система. Концепция бюрократии — наиболее целостная и наиболее разработанная часть его теории кризиса общества. Несмотря на желание преодолеть неудовлетворительность веберовского анализа бюрократии, Крозье сохраняет основные веберовские позиции и стремления к рационализации и усовершенствованию ее современной формы. Именно этому и должна, по его мысли, служить новая стратегия реформирования, которая, сохраняя преимущества, со-

здаваемые для индивида бюрократическим стилем функционирования, позволит превратить дисфункции общества в позитивно работающие функции.

Особую роль в современных реформах для такого этатизированного общества, как французское, играет государство, которое не только нельзя игнорировать при проведении преобразований, но, принимая во внимание функционалистский постулат о превращении дисфункций системы в ее функции, следует разумно и эффективно использовать при реализации крупномасштабных системных реформ.

Глава III. Роль государства в современных реформах

1. Западная политико-философская мысль о государстве

Современные споры о государстве и его роли в обществе, и в частности о степени его вмешательства в общественные дела, актуальны не только для сегодняшней ситуации в посттоталитарной России, но и для стран развитой демократии. Особенно острыми эти споры становятся в кризисные эпохи развития общества, когда главный счет за неудачи этого развития предъявляется именно государству. В последние десятилетия социальной эволюции, которые характеризовались, с одной стороны, разнообразием, пестротой и многоликостью направлений общественного развития, а с другой, стремлением упорядочить и организовать социальные связи и взаимодействия, спор о государстве часто сливается со спором о бюрократии, которая, с одной стороны, есть воплощение идеи идеального социального организационного порядка, что совпадает с главной устройственной функцией государства, а с другой, она видится как коренное зло жизни общества, которое препятствует развитию индивидуальной инициативы и прогрессу общества как системы. В этой перспективе дискуссия о бюрократии смыкается с дискуссией о важности, о степени и конкретных формах государственного вмешательства в жизнь гражданского общества. В истории политико-философской мысли эта проблема артикулирована в более общем виде как определение политической территории понятия государственного.

Длительная история развития концепции государства в западной мысли последовательно ставила ряд вопросов о выделении той сферы общественной жизни и области исследования, которая относится к собственно государственной.

В работах классиков политической теории отграничение понятия государственного проводится по линии срав-

нения его с таким образованием, как семья, в средневековой философии происходит размежевание церковной и собственно государственной территорий. В конце XVIII — начале XIX века начинается процесс осмысления границ между государством и обществом. Общество рассматривается уже не как фундаментальный союз между людьми, учрежденный государством в форме “общественного договора”, а как сеть взаимодействий и обменов, основой которых являются поступки индивидов, реализующих свое право на удовлетворение личных, частных потребностей и целей. Окончательно артикулировал это различие Г.В.Ф.Гегель, который в “Философии права” заявил о недопустимости смешения собственно государства и “гражданского общества”.

Несмотря на всплеск расширения сферы воздействия государства и государственной бюрократии на общество, связанный в XX веке с явлениями тоталитаризма, когда произошло поглощение государством гражданского общества, а само государство оказалось подчиненным либо одной партии, как в социалистических странах, либо харизматическому сильному лидеру, как в фашистских режимах, в большинстве западных обществ продолжалось движение в сторону сужения понимания государства, его инструментализации. Это движение привело к тому, что многие теоретики и государственные деятели стали определять его как аппарат управления, обладающий монополией на принуждение.

Этому благоприятствовало и распространение позитивистской методологии с ее отвержением ценностных суждений и метафизики, а также распространение марксистских идей, в которых государство рассматривалось как временное переходное состояние общества, связанное с этапом его классового развития. Немалую роль в принижении значимости государства и сужении его обществообразующей функции сыграли и радикальные варианты либерализма, которые постулировали существование “минимального государства” и противопоставили интересы государства как фактора принуждения интересам гражданского общества,

которое зиждется, по их мнению, на свободном волеизъявлении и свободных обменах между индивидами.

Инструментальная направленность западной мысли о государстве во второй половине XX века привела многих авторов, особенно американских, к резкому сужению понятия государства, которое в его крайне-прагматическом варианте нередко отождествляется ныне с одной только функцией — аппаратной функцией управления. В современном популярном американском учебнике по философии П.Вулфа, выдержавшем к 1989 году четыре переиздания, например, дана следующая дефиниция государства: “Государство — это группа людей, которая правит, издает законы, управляет социальными процессами и вырабатывает правила для социальных групп на определенных территориях и в пределах определенных границ” (121).

Подобное понимание государства как “аппарата правительства” широко распространено в современной политической мысли Запада (122). Однако это вовсе не означает, что природа и смысл существования феномена государства полагаются раз и навсегда разгаданными. О существе этого явления, как и сто, и двести лет назад, ведутся споры. И все-таки такая формулировка показательна с точки зрения того направления, в котором шло развитие западной политической науки о государстве. Более того, эта дефиниция есть определенный рубеж в развитии научной мысли, она является закономерным итогом того пути, который прошла наука о государстве.

Сегодня теоретики государства выделяют два периода в развитии этатистских исследований — классический и современный. Однако несмотря на действительно существенные различия между ними их объединяет одно — стремление к рационально-инструментальному восприятию роли государства в обществе, к видению его как механизма устройства общества, наведения и поддержания в нем порядка, разрешения конфликтов.

В исторической перспективе главной тенденцией, которая прослеживается в развитии западных концепций го-

сударственности, является, как уже говорилось, “дробление” территории политического общества.

В философской мысли античности, в теориях Платона и Аристотеля государство и общество были тождественны в том смысле, что они мыслились изначально как единые. Функции их были слиты, целью их было достижение “общего блага”. Это было возможно благодаря особому взгляду древних на природу человека, который понимался как общественное политическое государственное животное. Предполагалось, что стремление к частному благу не отличалось у него от стремления к общественному.

Другим важным моментом была позитивная оценка природы человека как изначально добродетельной или по крайней мере стремящейся к добродетели. Соответственно и целью государства-общества было создание условий для добродетельной жизни, совершенного устройства общества через мудрое правление.

Наконец, следует отметить и такую важную особенность социально-психологической структуры древности, как то, что выведение человека “к свету” предусматривалось, говоря современным языком, через “мягкие технологии” воздействия — через воспитание гражданской добродетели и мужества, а не через радикальное изменение природы человека, которая могла в том или ином отношении не устраивать правителей. Пример должного поведения граждан и должны были давать верховный государственный муж-правитель и все другие государственные деятели. Требования, которые предъявлялись к политическим людям, в первую очередь включали добродетели образованности, красноречия, умения убеждать других и вести людей на подвиг, зажигательно излагать цели и задачи общественного строительства.

В учениях Средневековья наметился новый поворот общественного сознания — радикальный разрыв области политического как земного и временного бытия людей и духовно-религиозной сферы как прибежища вечного, единственно истинного и подлинного бытия. Соответственно по

сравнению с античностью понизился статус политического, оно было десакрализовано. Функции государства и Церкви разделились. Задачей первого стало устройство жизни в граде земном, вторая была озабочена подготовкой духа человеческого к вступлению в Град Божий.

Несмотря, однако, на понижение общей значимости политики по сравнению с влиянием Церкви, христианская теология продолжила классическую традицию этической оценки человеческого существования, в том числе и его государственного бытия. От античности были унаследованы два главных момента. Первый — это высокая оценка человеческого, а значит, и государственного предназначения, основанная на стремлении к достижению Царства Божьего. И второй — это, несмотря на все оговорки, вера в торжество добра над злом, убежденность в возможности победы в человеческой природе добродетелей над греховностью, а значит, в конечном счете вера в самого человека.

Главной функцией государства по-прежнему считалось устройство общей централизованной жизни общества и существования человека в нем, что было сходно с действиями Церкви, которая стремилась объединить в единое лоно свою паству, подчинить ее служению одному единому Богу в противовес многобожию языческих верований. Средневековая политическая традиция, таким образом, во многом осталась близкой концепции политики античности.

На исходе Средневековья, однако, углубление разрыва между Государством и Церковью привело к обоснованию автономии мирской власти, вмешательство в дела которой со стороны Церкви сначала были ограничены, а затем прекратились вовсе.

Политика получила полную самостоятельность и в истории политико-философской мысли начался новый этап, смыслом которого стало стремление сконструировать политическую реальность исходя из нее самой, открытие собственно политических принципов построения социальной организации.

Значение разрыва между политической и теократической реальностью было столь важно, что Н.Макиавелли, признанный одним из отцов-основателей современной концепции политики и государства, оставлял право на существование только за одной реальностью — политикой, государством, властью. Единственная проблема, которая заботила его, была проблема утверждения и сохранения этой власти.

Концепции государства Нового времени, радикально отличающиеся от классических, были признаны точкой отсчета в рождении “современного государства” — термина, обозначающего особую западноевропейскую государственность. Важнейшее отличие этих концепций от античных и средневековых теорий состоит в том, что в них коренным образом изменяется понимание человеческой природы, меняется оценка функции человека в обществе и ожиданий от его действий. В нем видят теперь вместилище отрицательных качеств, стремлений, инстинктов, извращенных расчетов.

Соответственно изменяются и цели, преследуемые государством. Акцент с заботы об общем благе, понимаемом в смысле направленности к реализации добродетельной жизни, переносится на организацию комфортного существования эгоистичного и корыстного земного человека. Функции государства из идейно-религиозных трансформируются в организационно-управленческие, а восприятие природы человека как полностью негативной часто порождает желание коренной перделки индивида, замены его новым человеком, который мог бы достойно вписаться в хорошо функционирующей, отлаженный, эффективный и рациональный механизм государственной машины. Государство теряет ореол вдохновителя и созидателя, предназначенного для реализации сущностного собственного высокого предназначения и столь же божественно-высокого предназначения человека, и превращается в институт, структуру, элемент социальной системы.

Рассматривая тенденцию развития концепций государственности Нового времени, необходимо выделить такой

момент, как “сокращение” территории политического общества и соответственно государства. Сокращение политической территории, отнесенной на счет государства, происходит постепенно, достигая первого апогея в учении Гегеля о несмещении государства и “гражданского общества” и доходя в современности в теориях сначала анархистов и марксистов, а затем радикальных либералов до полного изгнания государства из общества. (Для одних — в виде отмирания его в перспективе при условии изживания сущности и функции классов, для других через превращение его в “минимальное государство”). При этом происходит не простое геометрическое разграничивание областей, а вытеснение идеи государственного как основывающейся на вере в позитивные стороны человеческой природы, в способности человека вдохновляться в своих действиях общим интересом, а не только узкокорыстным эгоистическим расчетом. Вместе с таким разграничением уходит вера в то, что государство может быть благом, оно начинает восприниматься как помета, а порою и как воплощение зла.

Но таково восприятие государства в современных радикальных вариантах антигосударственно настроенных течений. Более мягкое описание того же процесса — институциональная интерпретация функции и смысла государства, которая главным и специфическим его признаком считает ныне “монополию легитимного физического насилия”, или “монополию официальной легитимной силы” (123). На место классической дифференциации типологий государства на основе его целей приходит современная его трактовка через специфические средства действия, которые ему свойственны.

Расхождение двух ветвей развития концепции государства — антично-средневековой и современной — отражено и в семантике обозначения государства. Греческий polis вовсе не есть то же самое, что понимается в современных языках под государством Нового времени — state, stadt, état. Греческий полис — это прежде всего город-государство, скромных

размеров сообщество с совершенно особым политическим опытом, который Платон и Аристотель рассматривали в то же время как наиболее высокое выражение общего блага, т.е. как то, что было прежде всего воплощением морального качества. Слово “полис” в современной лингвистике нельзя перевести как просто “государство”, поскольку речь в данном случае идет о таком образовании, которое одновременно является Церковью, местом, где разыгрывается и свершается вся человеческая судьба (124).

Слова же *state*, *stadt*, *état* восходят к латинскому корню *status*, обозначающему положение, состояние, и означает форму или устройство политического как такового. Этот термин есть наследие древнеримской юридической традиции, которая ранее была заложена философией античного стоицизма.

Согласно Джорджу Сабину, современный термин *state* унаследован от времен Макиавелли в начале XVI века, когда он имел форму “*stato*”, “*status*”, “*estate*”. При этом первое и второе обозначения, по его мнению, восходят к латинскому “*status*”, частной форме слова “*stand*” (стоять) (125).

Слово *status* постепенно эволюционировало в некий обобщающий термин для обозначения политического тела, что произошло между XIV веком и концом XVII века. С этого времени, как уже отмечалось, и принято говорить о современном государстве. В этом смысле под ним понимается обычно некое политическое образование, которое возникло в Европе после Ренессанса и Реформации. Под современной теорией о государстве, таким образом, имеется в виду именно концептуализация этого феномена.

Родоначальником современной теории государства принято считать Т.Гоббса.

Отрекаясь от утверждения Аристотеля о том, что человек от рождения есть существо политическое, т.е. по природе своей склонное к жизни в обществе, Гоббс примыкает к философской позиции Макиавелли, который первый акцентировал негативные стороны природы человека, влекомого,

по его мнению, в своих социальных поступках страстями, эгоизмом, честолюбием и выгодой. Испытывая влияние классического дедуктивного способа рассуждения, представленного в то время в наибольшей степени в геометрии, а также воздействие нового научного метода — эмпирического, обратившегося к наиболее очевидным наблюдаемым естественным фактам, английский философ строит “геометрию государства”, основывая доказательства своей философской теоремы на аксиомах, каковыми он считает естественные, природные свойства и стремления человека.

Центральным понятием, на котором он строит свою аргументацию о необходимости существования государства, становится у него власть или могущество, которые могут быть двоякого рода — природное могущество и инструментальное (126).

Человеческая природа, по Гоббсу, с наибольшей полнотой проявляется в естественном состоянии — догосударственном, не подверженном давлению морали и законов. В нем постоянное движение, которому повинуются человеческая природа, влечет индивида к достижению власти. Естественное состояние — некая аналогия того состояния, когда теоретически человеку “все позволено”. Основным содержанием естественного состояния становится война всех против всех (127).

Однако само естественное состояние несет уже в самой своей сущности зерно противоречий, которые и позволяют ему стать предпосылкой для государственного состояния. Могущество сильного всегда может встретить противодействие слабейшего, который с помощью уловок и хитростей может причинить сильнейшему величайшее зло — смерть.

Оно преодолевается только тогда, когда на место естественного права приходит естественный закон, который есть субъективное понимание человеческим разумом необходимости самоограничения своих желаний и поступков с целью достижения социального мира и избежания действий, пагубных для себя.

Однако сам по себе естественный закон, хотя он и есть проявление правильного суждения, обеспечить мира не может. Для этого необходим поручитель, который мог бы гарантировать выполнение предписаний естественного закона со стороны всех людей в обществе. Таким поручителем, по мнению Гоббса, может выступать государство, власть при этом передается ему людьми добровольно. Люди отказываются от своих прав в пользу одного лица или ассамблеи путем заключения общественного договора.

Государство, по идее Гоббса, — единственное образование, которое может создать цивилизованное состояние общества, и оно, таким образом, является ядром человеческого существования, основой всех социальных структур.

Хотя Гоббс разрабатывал свою концепцию государства на основе методологии дедуктивно-синтетического метода, к обоснованию им идеи сильного государства вынуждала его современная ему действительность, главной потребностью которой была потребность формирования рыночного общества, нуждающегося в регуляции и поддержке со стороны государства. Последовавшая за исторической эпохой Гоббса эпоха расхождения интересов между партнерами по меркантилизму уже не нуждалась в абсолютистских структурах государства и привела к возникновению иных взаимоотношений между государством и обществом, что вызвало к жизни новые концепции государственности.

Дальнейшее осмысление понятия государства в западной мысли идет по пути сужения этого понятия. В работах, следующих за трудами Гоббса (Дж.Локк, Ж.-Ж.Руссо) общественный договор, который со времен Т.Гоббса стал в теории и философии политики общепризнанной основой социальной жизни, рассматривается уже не как договор между людьми (как у Гоббса), а как договор между властью и людьми, гражданами, подданными.

Таким образом, тенденция отождествления государства с органами политической власти закладывается в западной философии уже с конца XVII века. Начинает осмысливать-

ся традиция четкого разграничения политической жизни и политических свобод и личной жизни, личных свобод граждан. Внимание исследователей обращается к разрешению задач эффективности управления, регулирования общественной жизни и, в более общем виде, к проблемам управляемости политическими и социальными процессами. Соответственно на первое место выходят проблемы сохранения личной свободы, определения ее границ, что приводит к более пристрастному изучению существа “гражданского общества”, законов его функционирования. Именно эту задачу берет на себя Дж.Локк, английский мыслитель и политический философ конца XVII — начала XVIII веков.

Основываясь так же, как и Гоббс на постулате о неизменности человеческой природы, Дж.Локк делает преимущественный акцент на правах, которыми обладает индивид. Если у Гоббса заключение общественного договора было не столько идеей соглашения, сколько отречения людей от своих естественных прав в пользу суверена, который эти права принимает, то Локк рассматривает их в конвенциональной перспективе как передачу индивидами части их естественных прав в обмен на обеспечение им общей безопасности.

Утилитаристские теории конца XVIII века продолжили инструментальные поиски усовершенствования государства как механизма социального функционирования. При этом акцент попеременно переносился с поисков усовершенствования работы правительственных органов на обдумывание мер воздействия на индивида с целью улучшения его природы в перспективе пригодности его функционирования внутри государственной машины. Государство же рассматривалось как инструмент реализации функции “развития” человека.

На смену концепциям классического либерализма с его отдельным видением человека и государства приходит синтетическое их восприятие в социологических теориях общества О.Конта, Э.Дюркгейма, которое можно в определенном отношении рассматривать как преемственное по отно-

шению к “этической” аристотелевской концепции государственности с ее приверженностью идее “общего блага”. Концепции эти тем не менее продолжают оставаться в общем русле инструментального развития западной политологической мысли. Главной их задачей является устройство организационного социального порядка, а государству как одному из институтов общества, участвующему в этом устройении, отводится большая или меньшая роль в зависимости от позиций мыслителя и от требований эпохи.

В концепции Конта в отличие от теорий классического либерализма природа человека рассматривается не как нечто статичное, раз и навсегда данное и в принципе асоциальное, а, напротив, как постоянно меняющаяся система, обладающая социальными наклонностями (128).

Конт признает дуалистичность человеческой природы в том смысле, что в ней заложены как личные, эгоистичные, так и общественные социальные пристрастия и интересы. При этом между ними нет, считает французский ученый, фундаментального противоречия. Более того, социальные наклонности у индивида преобладают.

Однако в целях сохранения целостности мира, порядка и стабильности в обществе необходимо существование управляющего органа — государства. Оно призвано ограничивать фундаментальное расхождение в интересах и идеалах людей в обществе (129).

Существенное отличие идеи О.Конта от идей представителей классического либерализма состоит в том, что государство у него помещается не вне и не над гражданским обществом, а внутри социального организма.

Важным следствием идей функционализма и системности, открытых О.Контом и поддержанных Э.Дюркгеймом, было то, что они отвергали упования утилитаристов на то, что если оставить свободную конкуренцию между индивидами неприкосновенной, то социальный порядок последует автоматически. Разочарованию в некоторых постулатах утилитаризма способствовали разрушительные последствия

драматических событий Французской революции, а также негативные проявления процессов урбанизации и индустриализации.

Наиболее законченный вид отрицание редуccionистского взгляда на взаимоотношения человека и общества получило в трудах французского социолога Эмиля Дюркгейма. Он особо акцентировал связующую моральную силу государства в перспективе исторического развития общества от доиндустриальной стадии к индустриальной (130).

Растущая специализация индустриальных обществ требует постоянного возрастания количества ответных функций и услуг, что порождает настоящую органическую, граничащую с фактом выживания, зависимость — органическую солидарность. То же происходит и в организационно-институциональном плане, где разные инстанции производства и социальной жизни приобретают все большую зависимость друг от друга, взаимодополняя друг друга.

Дюркгейм отмечает, что связи эти начинают носить не только объективно-физический характер, но и характер объективно-морального обязательства, от которого никто самочинно не вправе отречься. В такой ситуации особую значимость и особую силу, указывает он, приобретает государство, главной функцией которого становится сохранение единства всего социального организма. При этом и во властных функциях государства более акцентируется моральная сторона власти, нежели физически-принудительная. Государство для Дюркгейма это — коллективный ум, который создает представления, обязательные для всего общества, и в то же время защищает его интересы. Его ведущей функцией становится создание и поддержание особого морального кода, свойственного развитому индустриальному обществу, который мог бы служить основой, базисом интеграции и порядка.

Второй важной функцией государства, по Дюркгейму, должен стать поиск новых способов коллективного принятия решений — задача, которая посильна только государству как общественному институту.

Концепция Э.Дюркгейма в истории политико-социологических учений вливается в совокупность теорий, объединенных названием раннего функционализма. Среди достижений последнего следует выделить три момента.

Первый — это то, что социальный мир начал рассматриваться с системной точки зрения. Важным достижением научной мысли здесь было то, что одним из необходимых условий выживания общества считалось наличие минимальной интеграции его частей. Сам термин “функция” был отнесен к тем процессам, которые поддерживали эту необходимую интеграцию или солидарность.

Вторым моментом было выделение идеи равновесия системы и поиска условий, способствующих его достижению и сохранению. Анализ взаимосвязанных частей системы заключался в изучении того, как эти части удовлетворяют требованиям системного целого, и следовательно, поддерживают нормальное, непатологическое состояние системы, равноценное состоянию ее равновесия.

Третий существенный момент заключался в особой роли, которая придавалась социокультурным элементам в сохранении всеобъемлющего социального целого. При этом элементы культуры рассматривались с точки зрения выполнения ими функции солидарности и интеграции всей системы.

Теории раннего функционализма отчетливо продемонстрировали факт крушения иллюзий утилитаристского сознания, опиравшегося на возможности объяснения закономерностей общественной жизни исходя только из рациональности действий индивида в свободном конкурентном рыночном пространстве (131).

Преemptивность “этической” перспективы рассмотрения роли государства в обществе сохраняется в трудах Гегеля.

Следуя древнегреческой традиции, он выделял такую особенность человеческого разума, как осознание принадлежности сообществу, что, по Гегелю, есть область абсолютной этической жизни, которая определяется как цель-в-себе и никоим образом не как средство достижения безопаснос-

ти, богатства — целей, исходящих из эгоистического и прагматического интересов.

Гегель выделял три главных сферы этического существования в обществе — семью, гражданское общество и государство. В семье поведение индивидов основывается на коллективных и альтруистских принципах по отношению к ее членам. Второй ступенью человеческого нравственного существования является гражданское общество, в котором несмотря на преобладание частных эгоистических интересов и целей с необходимостью присутствует определенная доля стремлений к кооперации и интеграции между людьми. Хотя Гегель и рассматривал гражданское общество как царство всеобщего эгоизма, он все же не низводил его до отождествления с полудиким “естественным состоянием” как у классиков либерализма, поскольку для самого существования гражданского общества необходимо соблюдение людьми некоторых простейших этических постулатов.

Главной и высшей областью этического существования в обществе для Гегеля являлось государство, а функцию служения “общему благу”, как он считал, был призван исполнять слой бюрократии как особый государственный слой общества. Государство он считал при этом областью “всеобщего альтруизма”, ибо государство представляет собой высшее выражение человеческих возможностей в области социальной жизни, интересов всех людей данного сообщества. Если в семье реализуется долг человека перед близкими, в гражданском обществе — перед другими себе подобными, то в государстве воплощается долг людей перед человечеством, перед обществом в целом. Сущностью государства является стремление к преодолению разорванности атомизированных индивидов в гражданском обществе и объединении их на основе гармонии и высшей рациональности.

Подходя к пониманию государства как к инобытию абсолютного духа, Гегель видел в нем проявление высшего разума как соединения субъективного сознания и объективного духа. Объективный дух охватывает у него всю сферу

социальной жизни и понимается как сверхиндивидуальная целостность, возвышающаяся над отдельными людьми. В государстве благодаря ему достигается особая ступень человеческой интеграции и единения, которая невозможна на уровне семьи и гражданского общества.

Размышления Маркса о государстве непосредственно связаны с критикой гегелевской концепции устройства общества. Основой марксовой критики гегелевской концепции были идеалистические основания анализа немецкого философа. Маркс отвергал правомерность сопряжения логической формы развития абсолютной идеи с реалиями государственного бытия. Он упрекал Гегеля в том, что тот рассматривал человека не как реальную личность, а как идеалистическую абсолютную конструкцию, и потому логика его рассуждений исходила не из интересов реальных людей, которые создают государство, а из абстракции государственной категории.

Выделяя в рассуждениях Гегеля факт оторванности гражданского общества от государства и предполагаемое немецким философом абстрактное служение бюрократического аппарата государству, Маркс подчеркивал реальность существования интересов представителей бюрократии, их “заземленность”, далекую от гегелевского описания бюрократии как слоя общества, который действует ради общего блага и общего интереса.

Рассматривая одну из ступеней гегелевской институциональной структуры общества — ассамблею, — Маркс отрицал правомерность гегелевского идеалистического описания ее функций как посреднических и объединительных между государством и гражданским обществом, реализующих возможности участия всего народа в политическом процессе. Маркс обращал внимание на то, что главные позиции и ведущие роли в легислатуре, или ассамблее, занимают те же государственные служащие — бюрократы, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Усиление инструментального анализа государства в ущерб этической его оценке получает новый толчок с появ-

лением такого оригинального мыслителя как Макс Вебер. Его заслуга в развитии идей государственности состоит в том, что, анализируя социальное действие в рамках институционального подхода, он сконцентрировал внимание ученого мира на проблемах власти, и в частности бюрократии.

Вебер выделяет два типа власти исходя из деления общества на классы и сословия, а также в соответствии с экономическим и социальным порядком. Первый тип власти основывается на констелляции интересов агентов формального свободного рынка, второй — на принципе правомочности управления, дающего одному актеру социального действия право распоряжаться, а от других требующего послушания. Последний тип власти Вебер именует господством, и именно он становится центральной категорией в его анализе государства и бюрократии (132). Господство, по Веберу, — это власть авторитарного типа, в которой выражено волевое отношение. При этом для Вебера первостепенной проблемой является сочетание господства с правомочностью, или легитимностью. Именно поэтому среди различных форм и структур господства и власти важнейшей у него оказывается политическая власть. Последнюю он определяет как “стремление к разделу власти или как стремление к возможности повлиять на распределение власти либо между государствами, либо между группами внутри одного государства” (133).

Само государство он при этом определяет в институциональной терминологии как форму политической организации, фундаментальными чертами которой являются, во-первых, признак того, что власть реализуется в рамках определенной территории, и во-вторых, того, что существует монополия легитимного использования физической силы со стороны держателей власти внутри этого территориального ареала.

Оснований легитимности М. Вебер выделяет три — традиция, харизма и рационально устроенная социальная система — система бюрократического типа. Последняя в его

работах фактически отождествляется с современным ему западным демократическим типом общества, построенном на основе избирательного права.

Однако главной сущностью государства для Вебера все же является возможность одних актеров использовать этот институт в своих целях, поскольку подобно всем другим формам власти государство выражает волевые властные отношения, или отношения господства. Важнейшими агентами воздействия на ход социальной жизни Вебер называет партии, стремящиеся поделить власть или повлиять на деятельность государства. Особую значимость он придает парламентской системе политической организации, которая, по его мнению, способствует росту рационализации и бюрократизации политического процесса — качествам, оцениваемым им исключительно в положительной перспективе. Бюрократическое государство — желанная цель всякого успешно функционирующего, по его мнению, общества, — есть логический результат общей тенденции, присущей всякой политической организации, — тенденции к рационализации.

Описывая идеальный тип бюрократии, Вебер трактует последнюю как политический идеал. Специфические свойства ставят бюрократию, обязательно сопутствующую легальному типу господства (по его мнению, лучшему), выше традиционного и харизматического типов господства.

Традиционное господство зиждется на вере в правомочность власти, которая существовала всегда. Возможность обладания властью в такой системе определяется принципом наследования социального статуса. Правомочность приказов обосновывается их соответствием традициям и историческим прецедентам. При этом сохраняется право владельца на личное произвольное принятие решений.

Харизматическое господство отличается тем, что власть в нем принадлежит выдающейся личности — пророку, герою, вождю, демагогу, — обладающей харизмой (совокупностью сверхъестественных свойств, обусловленных “даром божьим”, “благодатью”). Последователи такой личности

подчиняются не освященным традицией правам и порядку, а лично вождю и его субъективным решениям. Бюрократический, чиновничий аппарат формируется на основе подбора кадров лично вождем, а не в соответствии со знаниями, навыками и квалификацией чиновников.

Возникновение легального господства связано с появлением общеобязательных для всех, в том числе и для властвующих, законов. Чиновники в такой системе выбираются или назначаются согласно правовым процедурам. Именно поэтому, полагает Вебер, легальное господство лучше других отвечает требованиям устройства рационального общественного порядка.

Вебер так же, как и классические западные либералы, считая главными проблемами государственности установление и поддержание социального порядка и уменьшение конфликтности общественной жизни, создает для решения этих проблем, однако, совершенно иную теоретическую базу. Сам факт рассмотрения государства как одного из институтов общества, выполняющего определенные функции во благо всей системы, образует фундамент органичности восприятия общества. Функцией государства, а в демократическом обществе — его наиболее рациональной части — бюрократии, становится тогда выработка основы социальной солидарности и социальной интеграции. Нацеленность на интеграцию создает предпосылки если не ликвидации, то по крайней мере значительного уменьшения социального несогласия, напряженности и конфликтности. Хорошо функционирующее государство, по его мнению, должно сформировать базу для социальной гармонии и консенсуса, которые далеко превосходят теоретические идеалы и цели его классических предшественников.

Другой важной посылкой веберовского учения, имевшей далеко идущие теоретические последствия, было выделение особой роли бюрократии в функционировании государства. Описание ее специальной и привилегированной роли и функции в управлении обществом дало, в частности,

мощный импульс для появления элитарных теорий государственности, которые пытались разрешить проблемы порядка и конфликта, опираясь на деятельность совершенно особого слоя общества — элиты, превращающейся в своеобразный институт власти, который обладает своими особыми качествами, свойствами и законами функционирования и развития.

Для элитарных теорий государственности, которые получили широкое распространение в западной политологии XX века, характерна абсолютизация отношений власти и роли привилегированной части общества в функционировании социального ансамбля в целом. Авторы этих концепций можно рассматривать в качестве теоретических единомышленников веберовского понимания бюрократии как особого слоя общества, имеющего решающее значение для правильной организации государства и сохранения в нем порядка.

Классиками элитарных теорий считают Вильфредо Парето, Гаэтано Моску и Роберта Михельса. Эти теории, в определенном отношении, есть возврат к исходным классико-либеральным постулатам объяснения взаимоотношений общества и государства, которые ищут истоки последних в специфике человеческой природы. Элитарные теории отличаются от классических политических учений более глубоким аналитическим “погружением” в человеческую природу, а также необходимостью рассуждать в рамках современной им структурно-организационной терминологии социального действия.

Кредо элитистов состоит в том, что история всех когда-либо существовавших обществ есть история борьбы элит. Они утверждают, что в обществе всегда правило, правит и будет править меньшинство, или элита. Всякое общество, считают они, в процессе своего развития обязательно порождает особый слой, который затем становится ключевым фактором в формировании ведущих характеристик данного общества.

Моска выразил эту позицию элитистов наиболее четко. Проводя сравнительные исследования различных стран и эпох, Моска пришел к выводу, что несмотря на то, что условия вхождения в правящий класс меняются в зависимости от конкретно-исторических условий, все же существуют некоторые общие черты, качества и способности, которые присущи именно политической верхушке общества. Эти же черты являются одновременно основными конституирующими свойствами бюрократии. Главной чертой, отмечающей в этом отношении элиту, является организованность. “Господство организованного меньшинства над неорганизованным большинством неотвратимо”, — писал он в “Правящем классе” (134).

Правящий класс, несмотря на свою сплоченность и организованность, не остается монолитным. Он постепенно разделяется на функционеров, которые занимаются текущими вопросами управления, и высших лидеров, между которыми распределяются ключевые посты.

Изучив свойства, необходимые для вхождения в правящий класс, Моска обращается к осмыслению тех качеств, которые нужны для удержания власти и которые одновременно оцениваются в обществе как положительные. Разработка искусства управления обществом является главной задачей политической элиты общества. От умения организованного меньшинства управлять неорганизованным большинством зависит судьба данного общества, возможность поддержания в нем порядка, считает он.

Эффективность осуществления властных полномочий господствующим классом зависит от его подготовленности, уровня его культуры, социальной активности и политической гибкости. Эта роль правящего класса закрепляется в его политической идеологии, или, по выражению Моски, в “политической формуле”, имеющей одно предназначение — обосновывать легитимность правящего класса. “Политическая формула” включает в себя те ценности и нормы, которые объединяют общество в интересах правящего класса.

Стратегия поведения правящего меньшинства, по мнению Моски, должна состоять в стремлении к достижению баланса между различными силами, действующими в обществе.

Последствия особого господствующего положения политической элиты в обществе были исследованы другим классиком элитистских теорий — Робертом Михельсом, в его знаменитом труде об олигархических тенденциях в современной демократии, более известном под названием “Политические партии”.

Главным фактором, способствующим появлению олигархии, считает он, является имманентная динамика организационных процессов. Чтобы сохранить себя и достичь известной стабильности, демократия вынуждена создавать организацию. В современных индустриальных обществах такие организации неизбежно должны быть сложными и большими, с огромным количеством членов, обитающих на достаточно обширной территории. Функционирование таких организаций, как и всяких крупных и сложных бюрократических организаций, вызывает необходимость разделения труда и специализации входящих в нее людей. Таким образом возникает иерархия, которая приводит к формированию слоя элиты, обладающего всеми характерными бюрократическими атрибутами — профессионализмом, секретностью, спаянностью, дистанцированностью от масс и т.п. Сплоченности, спаянности и сговору элиты благоприятствует тенденция к апатии, некомпетентности и желанию попечительства, развивающаяся внутри народных масс (135).

Таким образом, сущностные черты самой человеческой природы вкпе с организационными тенденциями развития приводят к появлению олигархических черт в партийных политических институтах общества. Власть в них фактически принадлежит узкому кругу лиц, находящихся на вершине партийной иерархии. Михельс выводит “фундаментальный закон политических партий”: “организация порождает господство избранных над теми, кто их избирает”, или иначе: “кто говорит организация, тот говорит олигархия” (136).

Профессиональные функционеры профсоюзов, социалистических партий, особенно те, кто стал членом парламента, становятся членами правящей элиты. Став частью элиты, лидеры масс начинают защищать ее интересы и свое собственное привилегированное положение.

Таким образом, объяснения особенностей функционирования верхнего слоя государства, который, по мнению элитистов, является ведущим и определяет судьбу всего государства, коренятся в психологии масс, лидеров и законах бытия самой организации. Они вытекают из технических и тактических потребностей лидеров и членов консолидированных политических организмов.

Появление элитистских теорий свидетельствует о том, что инструментальный подход в изучении государства в современной политической науке сужается до рассмотрения в качестве ведущих факторов отдельных частей государственной организации. Элитистские теории в целом рассматривают государство как инструмент воздействия на массы, или не-элиту, во имя сохранения стабильности общества, т.е. того же порядка, о котором писали классические политические философы.

Если европейские политические теории функционирования государства исходили из разделения общества на достаточно крупные социальные группы — классы, взаимодействие которых нуждается в урегулировании со стороны государства, то представители американской политической мысли в силу специфики мозаичного американского общества явились родоначальниками так называемых плюралистических концепций государственности.

Дробность этнического, социального, профессионального, экономического и политического состава американского общества создала естественные предпосылки чрезвычайного разнообразия интересов социальных групп американского государства, которое дополнялось мощным процессом легитимации фундаментальных различий между такими крупными делениями внутри самого американско-

го государства как штаты. Учет разнообразия конкретно-исторических особенностей каждого штата приводил к созданию достаточно самостоятельных законодательных структур, что, несомненно, было еще одним существенным вкладом в процесс плюрализации общественного сознания единого американского государства.

Плюрализм социальных групп, интересы которых постоянно сталкиваются во всех сферах, в том числе и в политической, требуют выработки компромиссов и соглашений, достигаемых в процессе дискуссии. Проблемы регулирования переговорного процесса в плюралистическом обществе, т.е. в обществе, состоящем из многообразных групп с разнообразными, постоянно сталкивающимися интересами, и определяют специфику функции государства в плюралистических социальных теориях.

Связь между многообразием бытия социальных групп и институтом правления осуществляется через социально-политические феномены лидерства и общественного мнения. Понятие государства, как и в западноевропейской политической мысли, в американской политической теории, таким образом, отождествляется с понятием государственного правления, с институтом государственного регулирования общественных процессов. В таком контексте государство понимается как механизм урегулирования силовых воздействий, или давлений групп друг на друга и на центральное правление. Само же правление, или государство, воспринимается как репрезентативное представительство совокупности дифференцированных социально-политических групп, имеющих существенный вес в обществе. Функция правления тогда предстает как стремление к достижению баланса интересов этих групп.

В качестве важнейших групп, функционирующих в современном обществе и влияющих на ход политического процесса, выделяются политические партии. Именно они в результате избирательного процесса формируют правление в стране. Сам процесс принятия государственных решений в

таком контексте есть ничто иное, как “свободный рынок” конкуренции и взаимодействия интересов различных групп, который функционирует тем лучше, чем меньшее давление на него оказывают структуры центрального правления.

Главная проблема политической философии государства — проблема порядка — трансформируется в проблему социального и политического контроля.

Функция центральной власти рассматривается как функция контроля, урегулирования отношений между группами, поддержания равновесия между ними ради сохранения стабильности в обществе.

В плюралистических теориях государства инструментальный подход к его осмыслению, возможно, доходит до своего логического предела, поскольку государство в нем фактически нейтрализовано до такой степени, что оказывается полностью “выведенным из игры”. Его роль по идее должна свестись к пассивному наблюдению постоянно разворачивающегося на его глазах конфликта сторон, ибо любое его вмешательство может быть расценено как “подыгрывание” одной из сторон, усиление ее позиций и как возможное нарушение достижения общего блага, общенародной социальной цели, которые должны выкристаллизовываться в свободной борьбе конкурирующих общественных идей и смыслов. Идея государства, таким образом, самоликвидируется и общество возвращается в перевозданный, но “цивилизованный” хаос, из которого исходили первые договорные теории западноевропейской политической мысли.

В 70-х, 80-х годах XX века многие исследователи констатировали факт устаревания концепций государственности не только довоенного (до 2-ой мировой войны) периода, но и концепций 50—60-х годов. На смену им пришли теории “социального государства”.

Государство в них предстает как некая сверхсемья — такое социальное образование, в котором индивиды могут рассчитывать на помощь государства в их делах.

Однако роль государства в постиндустриальном “социальном” варианте развития общества предстает все же как средство, механизм, инструмент разрешения, смягчения конфликтов. Функции государства включают регулятивную (оно устанавливает правила для работы компаний, профсоюзов и др. организаций); коммуникационную (государство, например, публикует статистическую информацию), защитную (государство защищает права людей), миротворческую, торговую (государство часто выступает как монопольный продавец или раздает заказы), планирующую, управляющую и др. Гражданское общество перестает рассматриваться как самостоятельно, отдельно от государства существующая область. Оно контролируется и часто направляется государством. В ведении государства оказываются транспорт, здравоохранение, образование, отдых, водоснабжение и другие услуги.

Увеличивается не только общее количество функций, которые выполняет современное “социальное” государство, не только изменяется качество этих функций (от оборонительно-принудительных в сторону вспомоществования), государство берет на себя особого рода ответственность за сохранение общества как целостности, как среды обитания (контроль за состоянием воздуха, воды, пищи, за отношениями между гражданами, психическим здоровьем общества, культурой, уровнем образования и т.п.).

Несмотря, однако, на стремление государства выйти за пределы чисто механических функций, оно все же остается инструментом, механизмом реализации все расширяющегося набора задач, теперь уже, правда, социальной направленности. Оно остается в рамках организации дел, бизнеса (пусть даже досуга граждан или заботы об окружающей среде), но никоим образом не превращается при этом в некую трансцендентную духовность, не приобретает метафизической сакральной коннотации, характерной для аристотелевской и средневековой традиций интерпретации государства и государственности.

К настоящему времени исследование проблем государственности в инструментальной перспективе привело политическую мысль Запада к выделению в качестве приоритетных и острообсуждаемых тем проблемы власти и бюрократии. В последние годы, когда особенно заметными стали негативные аспекты развития властных отношений в обществе и бюрократических структур, на первое место в анализе вышли вопросы кризиса современного общества, а следовательно, и вопросы его социальной трансформации, реформирования. Совокупность этих проблем чрезвычайно актуальна не только для стабильного, с российской точки зрения, Запада, но и для адекватного осмысления современной кризисной переломной эпохи в жизни такой страны, как Россия.

2. Кризис управляемости современных государств

“Инструментальная” и “этическая” линии развития политической мысли о государстве, несмотря на различие оснований анализа, свидетельствуют о том, что центральной проблемой государственности является проблема порядка в различных его коннотациях — правовой, социальной, организационной, нравственной, идеологической.

В последние годы в политологической литературе важнейшей темой обсуждения стала тема кризиса государства и государственности, которая есть ничто иное, как констатация краха прежних оснований государственного порядка. Именно эта проблема — одна из центральных в теории кризиса современного общества французского политолога и социолога М.Крозье.

Сходство некоторых моментов социально-политической истории, какими отмечена судьба Франции и России, делают анализ Крозье интересным для нас не только с общетеоретической, но и с практической точки зрения. Среди общих моментов истории и культуры обеих стран, важных для организационно-культурного анализа их развития, следует особо выделить такие, как длительное историческое

господство монархической традиции в менталитете французского и русского народов; склонность к политическому протекционизму — боязнь потерять свой особый национальный путь развития (страх перед американизацией во Франции и вековая боязнь “западного” влияния в России — как царской, так и советской); и наконец, индивидуализм асоциального, антигосударственного типа. Если первые две черты в более подробном разъяснении не нуждаются, поскольку стали общим местом в популярной политической литературе, то о третьем моменте следует сказать подробнее.

Во Франции индивидуализм принимает, в частности, форму изоляционизма, постоянной оппозиции по отношению к действующей власти, устойчивой “психологической обструкции” гражданина по отношению к властвующим структурам, хорошо отражаемой феноменом Фронды, как исторической реалии и фрондерства как перманентного состояния французов, а на уровне обыденного сознания — поведением, передаваемым популярной французской пословицей: “Мой стакан маленький, но я пью из своего стакана”. В России социально-политическая ситуация исторически осложнялась и усугублялась отсутствием структур гражданского общества и неразвитостью гражданского правового сознания, затянущимся крепостничеством, укрепившим сознание рабства и бесправности перед властью, а также имперским давлением, особенно проявившимся в форме полицейского надзора за личностью в огромной и плохо институционально организованной стране. В этих условиях индивидуализм принял крайние формы: анархизма (для людей, которые потенциально были носителями идей и духа третьего сословия), нигилизма, интеллектуального протеста, отвержения всего и вся (в основном в среде интеллигенции), бунтарства (в среде радикалов и революционеров). Дух индивидуализма выразился в общем и целом в бегстве от общества, в уходе от социальности, в разрыве и расколе между народом и властью.

Перечисленные факторы в реальной истории обеих стран привели к усилению роли государства и идеи государственности в жизни общества, к формированию особой — этатистской — традиции, которая идеологически трансформировалась в явление сакрализации государства и государственности, а вместе с ними и политики.

Идеи превосходства коллективного интереса над частным в Советской России и обожествление “всеобщего интереса” во Франции долгое время поддерживали особое отношение к государству и его институтам. Однако в настоящее время многие страны мира, в том числе, похоже, и Россия, вплотную подошли к той черте, которая означает кризис такой концепции государственности. Крозье определяет его как “крах архаической концепции трансцендентализации коллективного”.

В 80-е годы интерпретация внутрисистемного кризиса как “кризиса бюрократии” трансформировалась по его определению в кризис политики как формы социального действия и как аспекта культуры. Была признана универсальность распространения этого кризиса независимо от конкретных режимов и форм правления. Подверглись сомнению общепризнанные основания современного типа государственности. Произошло то, что М.Крозье назвал крахом “политико-теологического” мышления современности, которое, как он писал, есть следствие происходящего на наших глазах процесса вторичного умирания Бога. «Сегодня, однако, это уже не Бог Авраама и Иакова, и переворот в нашем мировоззрении будет иметь более радикальные последствия для всего мира, чем “смерть Бога”, провозглашенная сто лет назад», — замечает он (137). Правда, оба процесса взаимосвязаны. Та трагичность сознания и восприятия жизни человеком, которая явилась следствием провозглашенной Ф.Ницше смерти Бога, и ужаса, испытанного человеком, когда он оказался наедине с той метафизической пустотой, где царствует принцип “Если Бога нет, то все позволено”, заставили человека изобрести для себя нового,

более близкого к нему и более реального Бога, который все урегулирует и все за него решит — государство и государственность тоталитарного типа. “Смерть этого государства-Бога составляет сегодня вторую смерть социальной трансцендентности, — пишет М.Крозье. — И такой социолог как Ален Турен, долгое время зачарованный религиозным характером социального движения, прекрасно выражает всю глубину этого кризиса, когда он заявляет, что общество больше не существует” (138).

Главной целью в таких условиях признается цель обретения реального видения мира, а потому насущным становится процесс десаκραлизации политики, десаκραлизации роли государства в обществе. Именно политическая мегаломания является мощной помехой установлению реальных и эффективных механизмов саморегуляции среднего уровня. Для этого необходимо, чтобы и государство, и все институты, в основе которых лежит и которые защищает и вдохновляет принцип “всеобщего интереса”, осознали и приняли, наконец, так же, как, впрочем, и все граждане, организационный принцип, который лежит в основе свободных обществ.

Дело в том, что воздействие регламентаций было возможно только в относительно простом мире, когда области действия государства были ограничены. Однако это перестает быть возможным в современных сверхсложных общественных системах. Необходимы некоторые нейтральные, но компетентные специализированные структуры, организующие конкретные сферы деятельности. Однако все это входит в неизбежное противоречие с концепцией “всеобщего интереса”, все еще господствующей в политической философии Франции (139). Идеология “всеобщего интереса”, пишет Крозье, “уже больше не принимается ни отдельными партиями, ни самими французскими гражданами. И если в теории мы еще продолжаем сакрализовать Государство и высших функционеров, которые являются его хранителями, мы все менее и менее готовы терпеть такую его роль в прак-

тических делах... Становится все яснее, что это всемогущее государство, ставшее одновременно и первым, и последним прибежищем помыслов граждан, неспособно решить что бы то ни было...” (140).

Совершенно необходимо новое понимание “социального”, его рационализация, чтобы иметь возможность преодолеть крах старого типа управленческой рациональности, которая привела общество в состояние замешательства и смущения, подобное “эффекту Вавилонской башни”. “Миф о Вавилонской башне прекрасно выражает растерянность людей перед сложностью, которую они создали и которая их превзошла”, — пишет он (141). Для этого нужно изменить саму философию восприятия действительности, способ мышления, выработать новую “модель рациональности”, новое философское мышление. Центральным пунктом этого мышления должно стать положение о том, что отныне везде и во всем точкой отсчета становится человек. В этом — успех анализа и в этом ключ к успеху при проведении преобразований в обществе.

3. Кризис системы принятия решений

В практически политическом плане современный кризис государственности — это кризис перегрузки аппарата принятия решений. С организационной точки зрения — отсутствие саморегулирующихся подсистем на среднем или нижнем уровнях общественной иерархии создают такую ситуацию, когда даже самый малый конфликт превращается непосредственно в правительственную проблему. Возникает парадокс: если ранее традиционно считалось, что власть государства находится в прямой зависимости от числа решений, которые оно способно принять, то сегодняшняя ситуация свидетельствует о том, что чем больше решений принимает современное государство, тем оно оказывается беспомощнее. Ведь решения не только приносят власть, они расширяют поле узвимости этой власти.

В качестве примера растущей деградации современной системы принятия решений Крозье приводит сравнение эффективности хода и результата двух одновременных процессов принятия решений в Париже 1890-х годов по поводу строительства во французской столице первой линии метро и 1960-х годов по поводу строительства новой региональной системы скоростного транспорта. Сравнение оказывается не в пользу современной системы принятия решений. Проект 1890-х годов принимался хотя медленно и трудно, но он оказался выгодным обществу. Проект 1960-х годов принимался в обстановке секретных переговоров, без открытого политического обсуждения, с огромным количеством лоббистских сделок и внутрибюрократических конфликтов. И результат оказался намного менее выигрышным в социальном, экономическом и финансовом выражениях.

В условиях перегруженности системы принятия решений и запутанности этого процесса управленцы стремятся использовать эту ситуацию как “дымовую завесу”, которая скрывает управляющих от управляемых и позволяет им чувствовать себя вольготно, свободно и безответственно, не принимая фактически ни одного серьезного решения. При этом общество оказывается в таком состоянии, когда никто ничего не контролирует.

Запутанность отношений приводит к тому, что падает доверие народа по отношению к правительству, органам управления и к самому режиму правления в целом. Растет отчужденность граждан от политического процесса, а результатом этого становится дальнейший рост безответственности поведения чиновников и управленцев. Возникает порочный круг — основа бюрократического кризиса, причем бюрократического кризиса политического или системного, а не технологического уровня.

Политический кризис такого рода подпитывается противоречием в функционировании системы принятия решений и системы их реализации. Дело в том, что в обеих системах действуют два совершенно различных типа рациональности.

На верхнем уровне принятия решений последние зависят от игры, направленной на формирование политических коалиций, от ресурсов (материальных, интеллектуальных и проч.) самих участников этой игры, от властно-иерархических позиций участников игры и т.д. Важно то, что участники здесь в общем и целом одни и те же, их число относительно ограничено и правила игры достаточно стабильны, относительно открыты и всем известны. А потому можно почти всегда предугадать результат этой игры с большей или меньшей степенью вероятности.

Что касается игры по реализации принятых решений, то ситуация здесь совершенно другая. Нижние эшелоны представлены множеством самостоятельно действующих актеров, стратегия поведения которых мотивируется индивидуально понятным “рациональным расчетом”. Игра по поводу создания коалиций здесь практически отсутствует. Но ведь именно процесс формирования коалиций в широком смысле слова есть процесс созидания гражданского общества.

Сами коалиции можно рассматривать как первичные формы социальной организации (142). По мере их упрочения, структурирования и институализации они превращаются в стабильные организационные формы, которые являются важнейшей составляющей формирования “гражданского общества”. Именно коалиции являются основой образования групп интересов в обществе, которые в конечном счете при удачном стечении обстоятельств преобразуются в общественные организации, партии и институты (143).

Ситуация в современном обществе осложняется из-за недостатка промежуточных соединительных звеньев между верхом и низом. В условиях отсутствия организаций, или, по мысли Крозье, подсистем “среднего уровня”, которые способствовали бы наведению мостов между верхом и низом и тем самым временно адаптировали бы обе разновидности “игры”, общество оказывается в атмосфере постоянного воспроизводства социального, политического и electoralного конфликта.

Проблема состоит в том, что оба уровня — высший политический уровень принятия решений и уровень их реализации — часто полностью несовместимы в своих правилах игры. Это обстоятельство приводит к полному краху процесса коллективной регуляции человеческой деятельности. Политико-административные регуляции функционируют в рамках порочного круга — реальное бюрократическое правление отделено как от идеологической политической риторики, так и от реальных нужд граждан, что усиливает отчуждение граждан и увеличивает безответственность бюрократического управленческого аппарата, и оба эти процесса только мешают формированию стабильного избирательного консенсуса граждан.

Отсутствие консенсуса граждан неизбежно делает необходимым для вновь избранного руководства снова и снова обращаться к бюрократическому воздействию на граждан через указы и предписания, поскольку нужно управлять множеством людей, которые в общем и целом не принимают предлагаемых им новых правил игры. Поскольку в таком случае социальный контроль осуществляется через сильное бюрократическое давление, то не может возникнуть и речи о возможности формирования хотя бы минимального демократического избирательного консенсуса. Постоянный крах попыток создания консенсуса становится самой знаменательной чертой общества и хода избирательного процесса в нем.

Последствия функционирования этого порочного круга, поистине катастрофические — в таких странах постоянно воспроизводится электоральная ситуация, когда значительная часть избирателей на выборах вновь и вновь голосует за экстремистские партии (либо крайне левого, либо крайне правого толка), что не дает возможности создать платформы для нормального равномерного функционирования демократического процесса.

Описанную ситуацию переживает ныне Россия и ситуация эта усугубляется процессом федерализации, который усиливает значение местных бюрократических аппаратов

власти, так как контроль над ними со стороны центра ослаблен, а потому бюрократический тип развития в стране укореняется и укрепляется еще более.

Выходом из такого порочного круга бюрократического политического кризиса, по Крозье, является изменение “природы игры” — разрыв порочного круга бюрократического давления руководства и недоверия граждан. Осуществить это возможно, считает Крозье, с помощью новой стратегии социальной трансформации.

Модель описания социальных процессов принятия решений, предложенная Крозье, очевидно, относится к периоду недостаточной демократической структурированности общества, т.е. к такому этапу становления демократического общества, когда в верхних эшелонах власти еще не конституировалась четкая многопартийная структура и идет острая борьба сил, а внизу не произошла структурализация общества в форме различных общественных организаций, институтов, объединений. Другими словами, речь идет о периоде, когда демократической структуры общества как таковой нет. Это по сути — период революций или острых кризисов. Именно для этих эпох характерна частая сменяемость правительства, перевороты, бунты, мятежи, брожение общественного сознания, смута.

Цель прогрессивной динамики любого общества — его стабилизация, т.е. с точки зрения организационного процесса структурирование множества разнообразных интересов в форме институтов и организаций или на четкой программно-партийной основе, или в качестве вольноопределяющихся движений по интересам на более или менее долговременной основе. Этот процесс, иначе, есть процесс формирования коалиций в обществе в широком смысле слова.

Коалиции имеют законы развития и результаты их “игр” и взаимодействий вычисляются с достаточной степенью вероятности. А это и есть прочная основа устойчивого и спокойного реформационного процесса в обществе, предполагающего плавное, постепенное эволюцио-

нирование на постоянной основе. Если иметь в виду эту перспективу развития общества, то в игровой коалиционной модели объяснения созидания нового общества можно было бы видеть хорошее дополнение к поискам направления выхода из бюрократического кризиса на уровне индивидуальных взаимодействий.

4. Регуляции и регламентации в государственных преобразованиях

В последних своих работах Крозье все больше внимания уделяет критике этатистской традиции политического действия и настаивает на том, что для успешной модернизации и для эффективного реформирования необходимо развитие практик коллективного действия, учитывая в то же время национальную специфику. Такого рода действия он называет “постепенным, но вдумчивым открытием поля коллективных решений граждан” (144). Одновременно он подчеркивает отличие подобных практик от либеральных теорий самоуправления, которые он квалифицирует как мегаломаниакальные иллюзии. “Пора признать, что время политических “проектов” общества — социалистических или либеральных — это эпоха фантасмагорий. Она прошла. Пришло время десакрализовать роль государства, выдвинуть требование проведения более скромной политики в рамках более скромного государства, которое находится на службе более активного, более богатого и более свободного общества” (145).

Спецификой истории французского общества является огромная роль в его социальной системе централизованного государства, и в частности сильно интегрированной системы управления, которая противостоит всему остальному обществу как монолитный и всемогущий блок.

Однако чтобы правильно понять сущность происходящего кризиса французского общества и его административной системы, не следует удовлетворяться констатацией такой позиции. Необходимо рассмотреть ту роль, которую иг-

рало само это государство в обществе на протяжении последнего времени. Будучи вовлеченным в послевоенные годы в процесс модернизации, французское государство стало символом обеспечения спокойного и размеренного продвижения по пути индустриального общества. В результате, считает Крозье, административное государство стало государством технократическим. Развитие французского общества не было похожим ни на анархическую эпопею развития американского Дикого Запада, ни на еще более впечатляющее, но одновременно и более регламентированное развитие Юго-Восточной Азии.

Следствием такой “спокойной революции” французского общества явилось то, что государство продолжало присутствовать всюду, во все вмешиваться, все решать. Развитие французского общества, таким образом, происходило под эгидой государства, направлялось и регулировалось им.

Такая “спокойная революция”, несомненно, имеет множество преимуществ, и в первую очередь умеренность человеческой цены реформ, отсутствие риска политических взрывов. Но наряду с достоинствами такая регулируемая модернизация имеет и целый ряд недостатков. И главный среди них — это возникновение определенной философии модернизации и государства-модернизатора, которая, возможно, и была хороша для переходного периода, но которая сегодня вступает в острое противоречие с насущными проблемами.

Речь идет, главным образом, о формировании определенной философии действия и о легитимации государственного вмешательства, которые превратились за эти годы в глубоко интериоризованные служащими ценности и которые так или иначе оказывают влияние на всех французов, и в частности на руководящие круги.

Парадокс состоит в том, что, став агентом модернизации, французская администрация, хотя и изменила в значительной степени свои методы, но, в сущности, только усилила и укрепила свои традиционные тенденции развития. Можно даже сказать, что модернизация оказалась для нее

хорошим средством если не защититься от изменения, то по крайней мере сохранить те виды регуляций, которые составляли ее сущность. Формы администрирования жизни переменились, а логика ее осталась прежней и даже укрепилась. Ушли в прошлое старые бюрократические образцы поведения, характеризующиеся однотипностью и церемониальностью. На смену им пришли вполне современные внешне “демократические” виды общения чиновников и граждан, интериоризирован новый язык и обычаи в духе теорий “человеческих отношений”. Но изменение форм и нравов никак не отразилось на способах важнейших регуляций.

Роль государства в современных реформах должна коренным образом измениться, превратившись в роль посредника, но не такого, который выполняет функцию невидимого слуги, а такого, который предстает как разумный, инициативный, но не авторитарный руководитель.

В связи с этим интересны рассуждения Крозье относительно необходимости разграничения понятий регуляция и регламентация. Он подходит к разъяснению их места и функций на примере создания такого фундаментального и одновременно специфического социального явления как “рынок”.

В научной, особенно экономической литературе, да и в общественном сознании получило широкое распространение мнение о том, что рыночные механизмы есть механизмы автоматического регулирования экономики или других сфер жизни. На самом деле, пишет Крозье, это представленные относятся к абстракции чистого мышления. Ибо на практике важны не механизмы функционирования однажды уже установленного рынка, а средства учреждения конкретных рынков, так как последние чрезвычайно разнообразны и находятся в процессе постоянного становления. «Рынок в действительности, — пишет он, — не есть некое естественное состояние, которое могут якобы “замутить” и нарушить там или сям внешние злонамеренные или ошибочные вмешательства; рынок — это очень тонкое человеческое сооружение (“человеческий конструкт”), которое

требует для своего возникновения, утверждения и развития огромных коллективных усилий” (146).

В функционировании механизмов рынка следует различать наряду с автоматическими механизмами регуляции их деятельности и другие регуляции, которые кристаллизуются в определенные правила. Последние же всегда устанавливаются людьми, правда, в разных ситуациях — на разном уровне. В одних случаях — с помощью общественной власти (государства), в других — через традицию, в третьих — почти бессознательно.

Однако помимо автоматических регуляций, регуляций-правил, существует еще понятие, обозначаемое термином “регламентация”. Именно последнее связывается с внешним, как правило, государственным властным вмешательством в деятельность организаций, принимающим форму указов или декретов. Разбирая отрицательные стороны воздействия этих форм власти, Крозье прекрасно показал, насколько дисфункционально их действие в рамках “бюрократического общества” и “бюрократического ритма развития”.

Однако ситуация коренным образом меняется, когда общество и власть принимают концепцию “постепенных, постоянных и ответственных” изменений в современных сложных обществах. Тогда государственные, общественные регламентации переходят из разряда принудительных в разряд посреднических, вслушивающихся в социологические законы функционирования “человеческой ткани” общества, и поэтому берут на себя роль помощников.

Вмешательство общественных властей тогда выполняет, во-первых, функцию легализации тех правил, которые породила инициатива лидеров, создавших “правила” функционирования конкретного рынка. Во-вторых, регламентации выполняют роль поддержки инициатив снизу, но ни в коем случае не подменяют их, ибо первенство всегда остается за “человеческими”, социальными, а вовсе не за экономическими или юридическими аспектами деятельности. Регуляции, о которых говорит Крозье и которые являются

единственными, способствующими успеху создания рынка, — всегда социальные, а не экономические. “Не существует универсального рынка, а существует только множество запутанных рынков, где сложность элементов переговоров между действующими лицами создает структуры власти и механизмы регулирования, недоступные для всякого технологического вмешательства” (147).

Универсальность этих явлений, по мнению Крозье, подтверждается анализом создания американского рынка, который представлен в работах американских экономистов XIX века (148). Обычно принято восхищаться этим развитием, пишет французский ученый, не подозревая о том количестве усилий, которые нужно было приложить, чтобы постепенно создать большой континентальный рынок, добившийся такого успеха (149). Американские исследователи, подчеркивает он, показали, что речь идет здесь именно о создаваемом механизме, а вовсе не о географической или же культурной данности.

Образование американского рынка стало возможным благодаря постоянным усилиям общественных властей, которые, с одной стороны, стимулировали “переговорные” отношения между конкретными социальными актерами, а с другой стороны, создали систему легальных юридических норм с обязательным, и следовательно, принудительным характером их соблюдения.

Однако даже в этом случае одних регламентационных усилий, исходящих от властей сверху, в авторитарной форме, в виде указов или декретов, совершенно недостаточно. Они призваны только поддерживать и усиливать медленное становление промежуточных человеческих сетей взаимодействий, которые фактически и создают рынок. В этом и состоит “скромная” роль современного государства в качестве посредника.

Показывая возможные успехи установления такого рынка, Крозье приводит конкретный пример из области французского экономического рынка, а именно рынка по

продаже артишоков и цветной капусты в Сен-Поль-де-Лионе, провинция Бретань. Этот рынок трансформировался, или скорее был переструктурирован, в начале 60-х годов после глубокого кризиса, рассмотрение которого позволяет пролить свет на “сконструированный” характер экономического рынка и на ту часть неавтоматической регуляции, которую он содержит.

Издавна общественные власти во Франции и за ее пределами пытались оздоровить сельскохозяйственные рынки, в которых непостоянство урожаев и трудности хранения продукции делают уязвимыми действия по ее скупке. Эти действия имели ограниченный успех. Косвенные последствия таких действий часто приводили к разного рода непредвиденным и нежелательным эффектам — таким, как перепроизводство, непроемчивые финансовые траты, административные издержки.

Рынок ранних овощей Северной Бретани до конца 50-х годов был одним из рынков, над которым господствовали сильные парижские комиссионеры. Последние, защищенные квазимонополией, держали производителей в своей власти. Из-за скоропортящегося характера продукции производителям грозили большие убытки, причем комиссионеры от этого могли и не получать реального выигрыша. В начале 60-х годов молодое поколение предпринимателей под руководством А.Гурвенека и М.Леона восстало против такого порядка вещей и, изучив различные возможности регулирования рынка, решило больше не осуществлять прямых продаж потребителям — предложение, которое выдвинули тогда гошисты, — и не прибегать к помощи общественных учреждений, что соответствовало социалистической точке зрения, а ввести в действие другие механизмы, следуя голландскому опыту “часового рынка”. Успешно создав благодаря своим организационным способностям общий фронт производителей, Гурвенек и Леон заставили посредников принять законы этого нового рынка. Кончилось тем, что посредни-

ки после долгого периода адаптации в конечном счете нашли в этом порядке и свою долю выгоды.

Что же произошло? Благодаря осознанию своей способности действовать, благодаря интеллектуальному выбору и эффективной стратегии своих лидеров производители трансформировали человеческую систему, внутри которой они действовали. С этого момента она стала управляться намного более сложным механизмом встреч и информации между продавцами и покупателями, механизмом, который, осуществляя четкость сделок и их концентрацию во времени, ликвидировал возможность шантажа и манипуляции со стороны посредников. Таким образом произошло приближение к идеальному рациональному рынку.

Но эта новая система менее всего имеет отношение к “естественному” миру, она одновременно продукт интеллектуального построения и организационной работы. Чтобы достичь того, чего они достигли, производители заставили посредников — но в то же время и самих себя — подчиняться дисциплине созданного ими в Сен-Поль-де-Лионе регуляционного механизма, который монополизировал и централизовал все сделки. Этот орган должен был по замыслу оставаться нейтральным в своих действиях, он не должен был оказывать влияние ни на политику занятости, ни на политику цен. Зато он мог возникнуть только в результате настойчивых усилий по формированию человеческой среды производителей, мощный профсоюз которых приложил немало усилий для роста их образования и стимулирования деятельности.

Наконец, потребовалось, в свою очередь, вмешательство общественных властей, чтобы легализовать те принуждения, которые налагаются дисциплинарной властью созданного регуляционного органа. И именно здесь очень хорошо видно, что механизм, необходимый для обеспечения действия рационального рынка, нуждается в поддержке государственными регламентациями. Однако последние оказываются не в силах создать рынок. Важность “человечес-

ких” аспектов — а не чисто экономических и не чисто регламентационных — в создании этого рынка доказывается в конечном счете провалами попыток распространения этой модели. Под впечатлением успеха Гурвенека общественные власти решили отрегулировать другие рынки ранних овощей, используя ту же формулу “часового рынка”. И во всех случаях, кроме одного, они потерпели неудачу. Причина проста: они считали, что речь идет о введении экономической модели, то есть модели автоматической. Они оказались неспособными понять важность социальных регуляций, которые лежат в ее основе и которые Гурвенок и его друзья хорошо знали, поскольку им пришлось их организовывать.

Необходимо помнить, что прямое и грубое государственное вмешательство не только не в состоянии создать рыночные отношения, но, напротив, может усугубить ситуацию стагнации и кризиса, что Крозье наглядно демонстрирует на другом примере — примере регулирования государством французского станкостроения. Рассуждение французских технократов, пишет Крозье, было просто: сектор станкостроения — важный сектор, в котором Франция сильно отстала. И поэтому она вынуждена не только импортировать продукцию этой отрасли народного хозяйства, но быть в зависимости от зарубежных поставок в других секторах, опирающихся в своей деятельности на продукцию станкостроения. Выражаясь на технократическом жаргоне, речь шла об очень слабом звене во французском промышленном механизме. А потому, считали технократы, нужно действовать. И они стали действовать: по меньшей мере в течение десяти лет разрабатывался и реализовывался новый план, включающий переструктурирование, инвестирование, кредитование и т.д.

Речь здесь шла не о регламентации, а о прямом вмешательстве общественной власти, которая навязывала себя не только в качестве регулятора, но в качестве банкира и промышленного подрядчика. На бумаге все элементы соединялись таким образом, что обещали успех предприятия. Но

каждый раз и одним и тем же образом план проваливался. Издержки от этого были громадны, и сектор станкостроения деградировал в результате все больше и больше.

Крах мощных усилий французских технократов-реформаторов Крозье объясняет абсолютным игнорированием ими социальных “человеческих” “неэкономических” регуляций, или основ функционирования социальной системы. Реальный социологический анализ показывает, пишет он, что этот сектор пришел в упадок потому, что французские инженеры больше не интересуются механикой. Это не значит, что в культурном отношении французы плохо подготовлены для этой специальности, что они менее изобретательны, чем немцы или итальянцы.

Но система французских инженерных школ была сформирована таким образом, что механика в ней стала второстепенной дисциплиной; в этой области нет никаких шансов получить престижную специальность и сделать блестящую карьеру. Французы оказались здесь в порочном круге: мало новых алчущих знаний новобранцев, и следовательно, недостаточно идет процесс обновления — следовательно, плохие результаты — отсюда недостаточная экономическая и финансовая поддержка — и, следовательно, новое ослабление человеческой ткани, которая становится все менее и менее “несущей” тканью. Но в таком случае любые экономические и финансовые схемы не способны здесь ничего изменить.

Если бы общество решило действовать эффективно в этой области, то следовало бы удержаться от прямого вмешательства и прежде всего постараться серьезно изучить регуляции человеческой системы, которая обуславливает функционирование станкостроения. Исходя из такого знания должны появиться новые возможности и направления действия: восстановление престижа механики в инженерных школах, подъем научных обществ, развитие международного рынка компетенций.

Интересно отметить, что действия во Франции так называемых “технократов”, по описанию, данному им Кро-

зь, очень схожи с действиями наших неолибералов времен начала перестройки, которые поступали в соответствии с такой же прямой “несоциальной” логикой грубого перекраивания “человеческой” ткани общества.

Вообще в своем анализе Крозье постоянно апеллирует к двум категориям французских реформаторов, которых он именует “либералы” и “технократы”, осуждая принципы стратегии трансформации общества, предлагаемые и теми и другими.

Значение термина “технократический” претерпело за последние годы в западной мысли определенную эволюцию. У Крозье этот термин превращается в собирательное понятие, под которым он подразумевает веру в возможность “количественной рационализации” действительности без учета “человеческого жизненного пространства”, “человеческих систем” и человеческих поведений. Эта количественная рационализация может выглядеть по-разному: она может быть стремлением повысить темпы роста производства, уровня жизни или же, опираясь на главный аргумент бюрократической системы — декрет или указ, пытаясь путем предписаний, запретов и правил “рационализировать” поведение индивидов таким образом, чтобы по возможности пресечь их своевольные действия в организациях различного рода. Но во всех случаях игнорируются качественные характеристики, на которых фактически зиждутся человеческие системы. “На бумаге все кажется возможным, но прекрасная количественная гармония разбивается тут же о сложности жизни, суть которой — качественного характера” (150).

Альтернативный технократическому — неолиберальный — проект осуществления реформ, полагающийся на саморегулирующуюся роль рынка, так же далек от реальности, как и первый, поскольку не учитывает (да и просто не видит) качественно иных типов регуляции в системе социальных взаимоотношений, которые не основаны на “чистых” законах рынка и не могут быть реализованы его механизмами.

Современный этап развития европейских и других цивилизованных государств, считает Крозье, — это этап перехода от старого типа мышления о реформах к новому, от старой философии и стратегии трансформаций к новой. Такой переход предполагает последовательное разграничение социальных регуляций и регламентаций — понятий, которые в настоящее время смешиваются в одно, становясь тем камнем преткновения, который мешает преодолению узости мышления как технократически мыслящих реформаторов, так и неолиберальных.

Другое препятствие на пути реформирования общества — приоритетность в мышлении реформаторов “экономического” над “социальным”. Социальная система индустриального общества, по крайней мере в последней стадии своего развития, отмечает Крозье, характеризовалась глубоким разделением между областью экономического и областью социального. Область экономического считалась полностью рациональной и поддающейся квантификации, тогда как область социального рассматривали как своего рода эмоциональную сферу, имеющую дело с различными человеческими ценностями. Именно в таком разделении этих двух — в реальности глубоко переплетенных между собой — сфер и кроется главный источник ошибок и просчетов реформирования.

Вряд ли сегодня можно счесть парадоксом мнение о том, что нельзя успешно реформировать экономику только средствами экономики. Все аберрации и неожиданные обратные эффекты, которые получаются на практике в результате применения даже самых совершенных теоретических макроэкономических схем, связаны с трансформацией и опрокидыванием их социальной действительностью. Именно это имеет в виду Крозье, когда пишет о том, что время технократического, т.е. чисто экономического, реформирования прошло. Главной фигурой, разрабатывающей реформы в наше время, должен стать социолог и социологически грамотный профессионал. Без глубокого социального исследования и учета реакций социальной среды любые экономические трансформации обречены на провал.

Неожиданна, но также обоснована и убедительна мысль Крозье о том, что проблема реформирования общества — это прежде всего проблема изменения самих реформаторов, их мышления. Можно декларировать новые социальные цели, достигнуть которые намеревается реформатор, однако его приверженность старой логике реформирования приводит к тому, что за “фасадной демократией” сохраняется и даже усиливается логика действия традиционной бюрократической модели. Реформаторы часто не понимают, что трансформация административного механизма важнее тех изменений общества, осуществление которых они ставят своей целью. Они не учитывают, что вместо того, чтобы использовать этот механизм для прямого и непосредственного воздействия на общество, нужно, напротив, использовать общество для модернизации и трансформации самого механизма управления.

Критика современного государства и идеологии всеобщего интереса выросла в целом из неолиберального отвержения “сильного государства” 70–80-х годов. Одно из общезначимых открытий тех лет заключается в признании того, что гипертрофированное развитие бюрократических механизмов в “сильном государстве” оказалось препятствием для социально-экономического прогресса развитых капиталистических стран. “Сильное государство, — отмечал, например, известный немецкий теоретик и критик либерализма Р. Дарендорф, — означало не только силу бюрократии, оно означало также распространение мощного аппарата правил и инстанций, которые сковаывают инициативу и обновление” (151).

Однако особенностью становления классического либерализма в Европе было то, что, освобождаясь от феодально-сословных институтов, либерализм Старого Света (в отличие от либерализма Соединенных Штатов) вынужден был делать это осторожно, постепенно, стремясь не допускать обширных и мощных революционных процессов снизу, могущих легко разрушить и привести в хаос работающий социальный механизм (152). Именно в этом проявилось уже

тогда различие между консервативным характером либеральной традиции Европы и “радикальностью” либерального реформизма США. Эту черту осторожных и постепенных вмешательств в функционирующий механизм унаследовал и Крозье, заявивший, что его программа реформ есть прежде всего “стратегия” реформ на дальнюю перспективу, предусматривающая осторожный, продуманный и постепенный интервенционализм.

Однако стремление реально изменить общество, а не потрясти и не взорвать, и есть подлинно либеральная идея. Она соответствует главному смыслу либеральной доктрины — идеологии освобождения, которая не должна отождествляться с идеей ликвидации и разрушения социального.

Для России это означает, что при всей субъективной необходимости и объективной заданности проведения в ней реформ вовсе не обязательно идти путем полного разрушения наработанного потенциала, а можно и нужно следовать более осторожной и щадящей стратегии развития, даже в том случае, когда ставится цель преодоления этатистской традиции и модели ее существования.

Следует остерегаться двух крайностей — крайности революционных переворотов, которые создают только горы обломков и ничего общего с реформированием не имеют, и крайности упования на саморегулирование, самокорректировку социальных подсистем. Организации, которые не изменяются, чахнут; системы же, предоставленные самим себе с расчетом на самоорганизацию, вырождаются иначе — они становятся настолько запутанными и сложными, что исчезает всякая возможность ими управлять. Анархизм и бесконтрольность ничуть не менее, а с точки зрения деградации социальной системы и более опасны, чем пресловутая административно-командная система руководства с ее тоталитарной идеологической подоплекой. Для осуществления реальной и плодотворной трансформации общества необходимо изменить взгляд на саму стратегию преобразования, концептуально осмыслить сам метод сознательного вмешательства в социальный ансамбль.

Глава IV. Проблемы реформирования

1. Основы социального реформирования

В современном российском обществе, совсем недавно вступившем на путь радикального реформирования, центральной задачей теоретического обществоведения и практического социального действия является тщательное продумывание логики реформирования. Это тем более необходимо, что исторические факты периодов модернизации русской действительности свидетельствуют о часто спонтанно-харизматическом, “непрограммируемом” подходе к этому процессу, отчего попытки такого рода приводили к разочарованию, неудовлетворенности результатами преобразований и предопределяли неизбежность возврата к прежним дореформенным образам жизни и правления.

Современная ситуация, к сожалению, до сих пор не выпала из общего хода российского реформаторства. Термин “корректировка реформ” еще совсем недавно воспринимался как синоним препятствования ходу реформ или их прекращения усилиями оппозиции. Упорство некоторой части реформаторов, настаивающей на безоглядном заимствовании западного опыта и “переноса” его на российскую почву, привело к замедлению темпов роста реформ, породило негативные реакции значительной части населения, оказавшейся социально незащищенной именно потому, что были “не продуманы” человеческие, а не чисто экономические или регламентационные аспекты преобразований общества.

Сегодня в связи с этим не грех обратить внимание на идеи тех западных авторов, которые предлагают программу “вдумчивого” реформирования общества.

Проблемы социального изменения действительно дискутируются (и не менее остро, чем у нас) во всех странах Запада, в том числе и в самых развитых демократиях. Основанием этого является универсальность кризиса управления

в мире. Это положение справедливо в силу того, что всюду действуют сходные законы функционирования и развития бюрократических структур и организаций, характерных для разных общественных систем в современном мире.

Многосторонность кризисных проявлений в современном обществе приводит к тому, что проблема реформирования превращается в вопрос жизни и смерти как отдельных институтов, так и общества в целом. Постоянная адаптация организаций всех уровней в бурно изменяющемся мире становится символом нашего времени, императивом высшего равновесия — равновесия со средой. Системы, поведение которых выпадает из этой логики, деградируют или исчезают. Осмыслению и концептуализации новой логики реформирования бюрократических систем, в том числе системы с такими давними и укоренившимися этатистскими традициями, как Франция, посвящены последние работы М.Крозье.

Кризис французского общества, оказавшегося “заблокированным в бюрократическом ошейнике”, по Крозье, — это прежде всего и главным образом кризис традиционных моделей управления, кризис устаревшего ныне типа взаимодействия государства и общества, который вызывает необходимость радикальной переоценки авторитарной и самодовлеющей роли государства в общественной организации. Все это весьма сильно напоминает современную политическую ситуацию в России.

Несмотря на отставание России от стран Запада в области модернизации экономической и социальной жизни общества, неожиданно схожей оказывается не только ситуация в сфере государственного управления (с точки зрения настоятельной потребности его реформирования), но даже сама терминология, в которую облакаются размышления о стратегии реформирования. “Засилье государства”, “командная экономика”, “приватизация”, провал “политики национализации” — вот только отдельные термины из категориального аппарата, который использует французский социолог.

Констатируя факт всеобщей бюрократизации общественной жизни современной Франции, Крозье настаивает на принципиальном пересмотре самого подхода к трансформации социального организма. До сих пор, считает он, французскому обществу был присущ своеобразный “бюрократический ритм развития” (153). Такой тип социального изменения подразумевал преобразование всей социальной структуры в целом и только тогда, когда дисбаланс в ней достигал катастрофических размеров. Подобный характер преобразований предполагался самой логикой бюрократической системы, отличающейся высокой степенью консолидированности всех ее частей.

Гиперцентрализация сферы принятия решений, характерная для бюрократической организации общества, и, как следствие, скованность инициативы индивидов на нижних ступенях иерархической лестницы наряду с затрудненностью доступа к руководящим слоям делают постепенное и перманентное преобразование невозможным. В таких условиях трансформация может происходить только сверху и в виде взрыва всего социального организма. При этом реконструкция общественных отношений приводит к дальнейшему усилению бюрократии и централизации. Возникает “новое бюрократическое равновесие” (154). Чередование длительных периодов стабильности и коротких эпох трансформации в виде взрыва, или “бюрократического кризиса”, и образует особый, “бюрократический ритм развития”.

Неэффективность такого пути реформирования общества приводит Крозье к мысли о необходимости переосмысления самого “способа изменения”. Если “бюрократический ритм развития” был относительно приемлемым для общества с медленной эволюцией, какими фактически были общества XIX века, то он оказывается совершенно неадекватным для современного мира постоянно ускоряющейся трансформации. Теперь, заключает он, нужна другая форма — постепенные, постоянные, небольшие, сознательные и ответственные трансформации.

Сохранение прежней логики модернизации традиционных бюрократических механизмов является главной причиной неудач в проведении реформ таких разных с точки зрения политических программ идеологических направлений, как социалисты и либералы во Франции. И тем, и другим не удалось затронуть сердцевину социальной системы. До сих пор, отмечает Крозье, их самые замечательные усилия не столько заканчивались возрождением и действительной модернизацией общества и, главное, общественной администрации, сколько еще большим расползанием бюрократии с ее рутинной и неэффективностью.

Главная проблема изменения — это не проблема смены политического режима, а организационная проблема. Именно поэтому Крозье выступает против революционных путей трансформации действительности, которые ничего не способны изменить по существу и ведут только к разрушению и непроизводительной растрате социальных ресурсов, отбрасывая общество далеко назад.

Важным стратегическим моментом социального реформирования, по Крозье, является именно проблема ресурсов. При этом он отвергает революционаристский подход пренебрежительного отношения к человеку, в котором видят всего лишь объект для эксперимента по созданию “нового человека” для “нового общества”. Марксисты и либералы, которые, по мнению Крозье, одинаково привержены такой логике рассуждений и действий, не уважают общество такое, как оно есть. Они не хотят понять, что только в этом обществе они могут найти ресурсы для развития.

Если рассматривать стратегию изменения в перспективе трех отправных точек, таких, как “цели — ресурсы — ограничения”, то обнаруживается, что революционное мышление исходит из отношения “цели — ограничения”, совершенно игнорируя фактор ресурсов. Революционеры хотят устранить все препятствия сразу и потому совершенно не имеют никакого желания тратить время на “обучение” человека “новым поведением”, “новым социальным отноше-

ниям”, что, по мысли Крозье, и есть единственно, плодотворный, бережный и продуктивный подход к использованию человеческих ресурсов. Именно такой путь есть путь успешных реформ. Позитивный исход любой реформы есть плод процесса обучения и способность человека к обучению делает такое изменение возможным. В противном же случае ничего, кроме хаоса, сумятицы и распада не получается.

Стратегический подход Крозье преворачивает логику революционеров и либеральных реформаторов. Определяющими, по его замыслу, должны быть не цели, а ресурсы. Что касается размышления об ограничениях, то его не следует отделять от размышления о принуждениях, так как то, что является ресурсом, часто является и ограничением, точно так же, как то, что нам представлялось ограничением, может, напротив, стать ресурсом. Квалификация и энергия персонала, ориентированного на формальный контроль, является решающим средством для поддержания необходимой строгости исполнения сделок, но эти же качества становятся принуждениями, препятствиями при проведении реформы, направленной на дерегламентацию тех секторов деятельности, которые раздавлены быстрым размножением контрольных функций. Проблема состоит не в наказании чрезмерно старательных контролеров, а в ином использовании их способностей. То, что казалось здесь на первый взгляд абсурдным и утопическим, становится совершенно разумным, когда к их поведению приглядишься повнимательнее. Анализ того, что считают ограничением, позволяет открыть в то же время возможные ресурсы. Крайний партикуляризм различных категорий служащих, которые ревниво относятся к своим привилегиям и прерогативам, например, может оказаться таким ресурсом, если будет принято решение о ревальвации тех специальностей, которым они соответствуют, для того, чтобы обеспечить более динамичное управление. Трансформация ограничений в ресурсы для осуществления изменений может, таким образом, стать одним из главных элементов стратегии реформ.

Революционному менталитету французский исследователь противопоставляет “идею зародыша”, “освобождения потенциалов” — единственного, что, по его мнению, совместимо с успешным преобразованием общества.

Для осуществления перемен совсем не обязательно ликвидировать бюрократическую модель, говорит он. Можно ее исправить, сохранив ее преимущества: эгалитарный характер участия, личную независимость, свободу. “Проблема состоит в том, чтобы открыть в современном обществе и его способах действия элементы, позволяющие развить позитивный вклад французской бюрократической модели”. Он предлагает так называемую “косвенную стратегию изменения” (155). Современное французское общество, пишет он, в целом представляет собой негибкую структуру, в которой господствуют бюрократические механизмы. Но наряду с ведущими “узлами блокад”, которые глубоко интегрированы, ригидны и проявляют сильное сопротивление переменам, существуют сектора, легко воспринимающие инновации. Стратегия нового подхода состоит в том, чтобы определить внутри социального ансамбля несколько таких секторов. Они должны быть, с одной стороны, важными узлами социальной регуляции, социального управления, а с другой — не должны занимать центральное, ведущее положение в государственном устройстве, где “узлы блокад” слишком консолидированы и сведут на нет всякое воздействие на них, поглотят новшество или интегрируют, или переработают его таким способом, что новаторская суть окажется выхолощенной.

Зоны же предполагаемой “социальной интервенции”, или “чувствительные точки” системы, как их называет Крозье, должны быть доступными для инноваций, способными на быстрое изменение. Воздействуя на них, можно создать “процесс развития”, дать сильный и результативный импульс к изменению, который со временем должен вовлечь в социальные перемены все структуры общества, включая даже самые закрытые и бюрократически устойчивые. Для того, чтобы бюрократические структуры не могли нейтра-

лизовать результаты трансформаций, воздействие на “чувствительные точки” должно быть постепенным и длительным.

Для утверждения нового способа изменения необходимо развертывание исследований функционирования общественных подсистем. Промышленные капиталовложения никогда не предпринимаются без предварительного глубокого изучения их технико-экономического контекста. Область “человеческих отношений” намного сложнее, знание фундаментальных правил функционирования общества совершенно необходимо для реформы “человеческих систем”; однако, как это ни драматично, изменения здесь чаще всего осуществляются при совершенно поверхностном знании социальной реальности (156). Но исследование социальных отношений в настоящее время важнее любого чисто экономического исследования.

Существенной составной частью предлагаемого способа изменения выступает формирование новой психологии. Чтобы осуществлять социальные перемены, нужно увеличить число лиц, ответственных за них, а главное — нужно, чтобы инициативы шли снизу, а не предписывались директивами сверху. Но именно здесь и возникают психологические затруднения, так как люди в массе своей стремятся избегать социальных напряжений и новых, более трудных социальных ситуаций. Необходимо поэтому научить их “играть в новые, более сложные игры”. Этого можно достичь через пропаганду знаний о человеческих отношениях, через усвоение правил функционирования этих отношений.

Институциональный ансамбль общества нельзя изменить через простой путь регламентаций, пишет Крозье. Важно воздействовать на человека и на организацию, которую люди образуют. Именно через воздействие на людей можно повлиять и на изменение институционального ансамбля в целом.

Однако людей нельзя изменить авторитарным, принудительным образом. В этом отношении всякая фронтальная, лобовая атака на социальную систему обречена на про-

вал. Изменить ее можно, только если заставить измениться людей, функционирующих внутри этой системы, опираясь и делая ставку на их преимущества, сильные стороны, одновременно создавая новые возможности использования их позитивных качеств. Если таким образом преобразовать систему, “правила игры”, то люди сами найдут себе в ней лучшее применение. Если же “игра” и система не подвергнутся трансформации, те же люди воспользуются первой предоставившейся им возможностью, чтобы вновь вернуть все на прежнее место. Важно учитывать и то, что хотя менталитет граждан может быть готов к переменам внутри системы, но люди не прощают резкого и несправедливого изменения своего “статус-кво”, ведущего к долговременному ущербу — существованию в обществе.

Условием успешной трансформации социального организма является социальное экспериментирование. В современных обществах, погрязших в бюрократической рутине и путанице, следует поощрять новые опыты организационного порядка, так как именно они могут породить внутри бюрократической модели новый тип системы. Эксперименты необходимо осуществлять не сверху, через государственное планирование, а через апробирование новых форм организации в отдельных учреждениях — больницах, школах, высших учебных заведениях и т.п. Социальное экспериментирование особенно важно тем, что именно в процессе организационных опытов создаются новые социальные отношения, люди обучаются новым типам социального поведения.

Никакая реформа невозможна, пока не претерпело глубокого изменения общественное мнение. Однако часто случается так, что в стране существуют культурные возможности изменения, но, принимая во внимание сопротивление системы, их нельзя мобилизовать. Единственный реальный путь провести преобразование в таком случае — это экспериментальный путь институционального созидания.

Иницилирующей силой трансформации и в то же время практической ее формой могут служить так называемые

“конструктивные кризисы”, последовательный ряд которых ведет к изменению всего общества. Такие кризисы следует проводить искусственно, причем со временем они уже перестают носить характер кризисов и переносятся людьми все легче и легче, а потому становятся более результативными и плодотворными. В связи с этим должен измениться характер деятельности правящих слоев и государства. “Настоящая роль правительства и всех руководящих слоев в социальном ансамбле, — пишет Крозье, — состоит в провоцировании кризисов в нужный момент, в нужном секторе и в нужной перспективе” (157).

Особую роль в этих процессах призваны сыграть интеллектуалы. В условиях бюрократической системы интеллигенция оказывается единственной реальной силой, которая может создать климат социального критицизма, помочь правительству инициировать “конструктивные кризисы”, преобразовать господствующий в обществе способ мышления, помочь индивиду понять существующие проблемы и поднять его социальную активность. Но при этом необходимо учитывать изменение характера требований, предъявляемых к интеллигенции. Вместо прежнего умозрительного отношения к действительности теперь от нее ждут активной интервенции (деятельное участие в социальном экспериментировании, в разработке конкретных социальных программ и др.). Наш мир нуждается в “новой расе интеллектуалов — в интеллектуалах мира действия и мира коммуникаций. Пришло время строить, созидать, прилагать свои познания к реальному обществу” (158), — утверждает Крозье.

2. Программа преобразования французского общества

Исходя из принципов “стратегического изменения”, Крозье разрабатывает конкретную программу социальных преобразований французского общества, включающую “территориальную реформу”, “раскрытие системы элит”, развитие “духа предприятия” (159).

Под территориальной реформой социолог подразумевает развитие процесса децентрализации власти во французском обществе, где в настоящее время слишком высок престиж парижской администрации по сравнению с провинциальными властями. Крозье предлагает сделать “ставку на провинцию”, “на провинциальные силы обновления”, где имеются неиспользованные резервы для развития общества. Для достижения желаемого результата, по его мнению, необходимо создать открытую конкуренцию за назначение на ответственные посты.

Установка на проведение территориальной реформы у Крозье выступает как одна из составных частей его программы наступления на французскую государственную бюрократию или, как он выражается, на французский “административный феномен”. Последний является центральным и самым прочным “узлом”, блокирующим преобразование всех остальных социальных секторов. Но прямое вмешательство здесь малоэффективно. В то же время его нельзя трансформировать частями; государственная бюрократия способна свести на нет все изолированные реформы. Нужно реформировать в первую очередь не наиболее важные (централизованные) сектора, а те, в которых есть больше шансов преуспеть и тем самым “создать процесс развития”. Так Крозье утверждает в мысли о приоритете в социальных преобразованиях “территориальной реформы”. Если нельзя затронуть “статус-кво” государственной административной системы в целом, то можно изменить соотношение центральной администрации и общества, “сыграв на провинциальных элитах против парижской администрации”. При этом “ставка на провинцию” явится не противопоставлением Парижу, а опорой на “силы обновления”. Территориальная реформа, по терминологии Крозье, должна стать первым “конструктивным кризисом”.

Поскольку административная система в бюрократической организации становится центральным пунктом изменения, то нужно найти в ней такие точки воздействия, кото-

рые вовлекут в процесс трансформации “критическую массу” служащих и таким образом сделают возможным реформирование системы в целом. И потому второй “конструктивный кризис” внутри “административного феномена” следует спровоцировать вокруг системы элит. Чтобы разбить “бюрократические порочные круги”, недостаточно провести территориальную реформу по разделению власти между центром и периферией. Если ограничиться этим, то “конструктивный кризис” начнет регрессировать. Для закрепления результатов региональной реформы необходимо развязать один из главных “узлов блокад” французского общества — “принцип протекции”, одновременно создавая системы таких отношений в обществе, в которых ведущими ценностями станут ответственность и свободное самовыражение каждого члена общества.

В настоящее время административная элита занимает особое место в социальной структуре Франции. В результате специфической организации системы образования и отбора кадров малочисленные группы лиц получают монопольное право назначения на ведущие посты в государственных учреждениях. Особую роль в этом играют “большие школы”: Политехническая школа, Национальная школа администрации и др. Для выпускников этих школ резервируются важнейшие руководящие посты. Дипломы других высших учебных заведений практически не дают возможности их обладателям проникнуть в суперэлиту. Своеобразная система отбора позволяет суперэлите устранить конкуренцию, а малочисленность элитарных групп облегчает установление дружеских контактов между их членами. В результате образуется сеть мощных неформальных связей на основе личных знакомств. Модель руководства, основанная на элитаризме, превращает французский управляющий аппарат в закрытую систему. Для “раскрытия системы элит” необходимо провести реформу “больших школ”.

Система элит является важным узлом регуляции французского социального ансамбля и одновременно заключает

в себе возможности его изменения. Ее положение подобно центральному механизму программирования в биологических системах, или механизмах финансового контроля, в которых 1% капитала контролирует огромную империю. В то же время, несмотря на совершенную внешнюю неуязвимость, она имеет две очень чувствительные точки, на которые можно воздействовать: уже упоминавшиеся “большие школы” и “большие корпуса”. Предлагаемое решение проблемы заключается в том, чтобы усилить конкуренцию при поступлении в “большие школы” и в “большие корпуса”, поскольку они мешают развитию “рынка экспертизы”, свободной конкуренции специалистов. (“Большие корпуса включают такие институты, как Финансовая инспекция, Государственный совет, Счетная палата). Главная задача — сформировать более открытые элиты, ориентированные на развитие.

Если бы можно было абстрагироваться от проблем, которые ставят перед обществом реальные нужды повседневного существования и которые связаны со средствами и с людьми, то единственной важной и решающей для всякого общества инвестицией в будущее является инвестиция в знание. Состояние французской системы образования в целом таково, что бесполезно, считает Крозье, начинать реформы с начальной и средней школы, где оборонный рефлекс старой бюрократической системы быстро восстановит “статус-кво”. В то же время взгляд на систему высшего образования как на ключевую сферу инвестирования создаст предпосылки успеха изменения в других секторах этой области общества. К тому же перспективы развития науки в обществе в целом зависят от системы высшего образования, подчеркивает он.

Опыт показывает, что в таких бюрократизированных обществах, как французское, обеспечить свободу и ответственность в сфере науки и образования может только создание живых автономных институтов. Эти институты должны ввести принцип конкуренции при формировании состава преподавателей, при отборе студентов, при их выпуске, при

проведении научно-исследовательских работ. Создание трех или четырех новых свободных университетов будет достаточным, чтобы перевернуть правила игры. Однако непременным условием для достижения успеха в этом предприятии должен быть относительно короткий срок появления этих институтов, чтобы они могли создать эффект настоящей конкуренции уже существующей системе образования. Однако Крозье подчеркивает, что реализация такой реформы возможна только при поддержке и участии государства — единственного института общества, который может быть заинтересован в проведении реформы и который может ее финансировать.

Следует заметить, что когда Крозье говорит об инвестициях “в процесс трансформации элиты и в элитарность”, то речь идет не об узкокастовой элитарности прошлого, а о стремлении поднять планку среднего уровня людей, открыв им более широкий доступ в область элитарного образования и элитарной культуры. Элита Франции должна стать более открытой и лучше исполнять свою социальную роль повышения культурно-образовательного уровня людей. Высшее образование есть ключ к постиндустриальному обществу, как некогда таким ключом было среднее образование — в эпоху индустриального общества. Именно система элит поэтому является той моделью, с которой инстинктивно “списывает” себя все остальное общество в современном мире. И этот факт необходимо признать, если французское общество хочет ответить на вызов современности — “вызов качества”, что, по сути, тождественно демократизации в современном понимании.

Еще одной ставкой при проведении реформы является, по Крозье, ставка на возрождение “духа предприятия”. При этом он призывает к отказу от классово-капиталистического предприятия: “Отождествление понятия предприятия с социальными категориями капитализма и господствующего класса, а следовательно, с понятиями прибыли, эксплуатации и зависимости, делает предприятие

крайне непривлекательным и даже отталкивающим в глазах французов и мешает понять его общечеловеческую ценность” (160). Экономическое предприятие для общества — это “соль земли”, оно воплощение “пыла созидания, без которого общество склерозируется и чахнет”. Никакая реформа, никакое начинание в социальном теле не могут осуществиться помимо предприятия. Пробудить общество, придать ему тонус — это означает прежде всего освободить “дух предприятия” (161).

Эффективному функционированию предприятий препятствует наличие в них многочисленных промежуточных административных звеньев, которые искажают обмен информацией между “верхом” и “низом” (“эффект пуховика”). Налаживание прямой коммуникации между руководителями и исполнителями возможно путем спрямления иерархической цепи, ликвидации как можно большего числа промежуточных звеньев, сокращения численности администраторов, с одной стороны, и утверждения ценностей инициативы и личной ответственности среди служащих — с другой.

Как можно наблюдать это и в нашей стране, бичом современных предприятий является вовсе не авторитарная, директивная, или, по-нашему, командно-административная власть. Ее уже давно нет, и это осознали и сами руководители, и исполнители. Важно понять, что виновниками такого положения являются не люди, а “природа игры”. А потому, хотя главной целью преобразования являются сокращение административной цепи и увеличение ответственности и самостоятельности работников, этого невозможно достичь посредством механического сокращения административных звеньев и дарования свободы индивидуальному предпринимателю. Решение проблемы — в изменении “природы игры”, а для этого нужны некоторые косвенные действия и средства. В каждом конкретном случае необходимы такие трансформации отношений низших звеньев и высшей администрации, чтобы лишние неработающие промежуточные эшелоны потеряли свое влияние.

Не приносят положительного результата, а, напротив, ухудшают ситуацию призывы к самоуправлению. “Природа игры” остается той же, меняются только лица, занимающие должности, а потому очень быстро восстанавливается прежняя бюрократическая модель (даже в более жестком варианте). В “самоуправляющихся” единицах усиливается произвол, растет тенденция к деспотизму и расточительности, вседозволенности и бесконтрольности. Не у дел оказываются как раз верхние — “нужные” — эшелоны власти, функцией которых является координация действий, работа по согласованию функционирования всего социального ансамбля. Коммуникация между “верхом” и “низом” окончательно нарушается. Создается иллюзия ненужности никакой власти, никакого руководства. Смысл действительно позитивных перемен в том, чтобы восстановить полноценность функций каждой из составных частей цепи — верхние эшелоны должны координировать, согласовывать действия множества рабочих “единиц”, нижние — иметь возможность реализовывать собственные инициативы, творческий потенциал.

В анализе современного кризиса общества Крозье выдвигает на первый план необходимость переосмысления “социальной рефлексии изменения”. Главным здесь становится отказ от “объективного”, формального, “бесчеловечного” взгляда на социальные проблемы, от механической логики руководителя, когда не принимается во внимание множество отклонений и искажений, постоянно вносимых в конкретные процессы “актерами”. Такой отказ поможет сформироваться новой — “неорационалистической” — структуре общества, базирующейся на отношениях между людьми, естественно складывающихся на основе “рационального расчета” каждого отдельного индивида.

Из рассуждений Крозье следует, что разрешение этой проблемы следует искать на “среднем уровне” — мезоуровне — там, где полнее всего ощущаются конкретные стимулы действий индивида в рамках ограничений его индивидуальной свободы со стороны организаций и инсти-

тутов, внутри которых он действует и реализует свой интерес и свою свободу.

Акцент Крозье на проблеме социального контроля как одной из ведущих тем анализа условий современного реформирования общества унаследован им от идей структурного функционализма. Главная цель его программы изменения — воздействовать на функциональные отклонения в работе системы, чтобы создать в ней в конечном счете состояние “нового равновесия”. Понятие дисфункции как “латентной функции” системы, введенное им в программу реформ, полностью соответствует “постулату универсальной функциональности” раннего функционализма (162). Это положение гласит, что всякое событие в системе в каком-то отношении функционально для системы. Именно в этом ключе рассматриваются у Крозье значение “параллельной власти” для бюрократической системы организации и соответствующие меры по трансформации ее функции в системе.

В целом очевидно, что большинство постулатов теории изменения общества М.Крозье имеют не революционный, а эволюционный характер. Однако во французской прессе его называют “революционным и прогрессивным реформистом” (163). Такое положение обязано некоторым историческим особенностям становления процесса реформаторства во Франции. Дело в том, что эта страна отличается весьма поздним конституированием самого явления реформаторства. Идеологически возведенное дальновидными представителями французской буржуазии еще в XVII веке, оно сложилось в постоянное направление стратегии буржуазного государства лишь к середине XX века.

Причины такого запоздания коренятся и в особенности менталитета французской буржуазии, которая долго и упорно держалась за традиции эпохи свободной конкуренции, и в традиционно особой роли государства во Франции (164).

“Охранительный рефлекс” класса буржуазии перед лицом перемен, страх за свои привилегии, вызванный остротой и напряженностью форм классовой борьбы в стране,

усугублял отрицательное отношение правящих кругов к реформаторству вообще. В последние годы в западной политике реформ вообще, и во французской в частности, наступили решительные перемены. Эпизодические приступы вынужденного реформаторства сменились своеобразной стратегией реформ (165).

Отражением этого социального факта и попыткой его теоретического оформления и является теория изменения Крозье, которую он определяет именно как теорию “стратегического изменения”.

Труды Крозье считаются одной из социологических основ теорий “социального экспериментирования”, получивших распространение в 70-80-х годах во Франции (166). Последние являются частью родившегося в эти годы в стране так называемого “неопредпринимательского движения” (167).

Его сторонники выдвигают концепцию новых ценностей, среди которых они называют в первую очередь инициативу, свободу и ответственность. В качестве главной опоры они выдвигают маргинальные группы, а также экспериментальные инициативы на микрорегиональном уровне. Именно они, по теории Крозье, должны послужить источником распространения новых опытов по стране в целом.

Одним из серьезных недостатков реформистской теории Крозье является несколько романтическая надежда на инициативность правящих кругов, которые безо всякой видимой для себя выгоды якобы должны “провоцировать” нужные обществу кризисы и тем самым двигать общество по пути реформ вперед. Понятно, что в силу своего особого социально-исторического и культурно-исторического положения в рамках французской административной системы французская элита имеет особенно мощные рычаги влияния на хозяйство и социальную жизнь страны. Однако не следует преувеличивать ее заинтересованность в радикальном переустройстве общества и подтачивании собственных монопольных позиций в управленческом комплексе. В этом отношении справедливо звучат слова Ст.Хоффмана, кото-

рый пишет: “Драма этого великодушного реформатора и либерала, который не признает элитизма, состоит в том, что стратегия изменения и эксперимента, которую он восхваляет, имеет мало шансов на успех в стране, где у элиты нет никакого желания жертвовать собой, а уделом индивидуальной инициативы и экспериментального коллективного действия остаются лишь случайные маргинальные достижения” (168).

Утопичность трансформации общества на основе изменения сознания его членов и надежд на помощь со стороны руководящих слоев делает его предложения весьма схожими с идеями просветителей XVIII века. По этому поводу французский социолог Ж.Фурастье, например, высказывает в адрес Крозье ироническое пожелание достичь успехов Вольтера в его нелегких начинаниях (169), а А.Турэн называет Крозье “великим моралистом либерального идеала и философии Просвещения, который находится в поисках своего Фридриха или Екатерины” (170).

В целом, однако, теория реформ М.Крозье представляет для нас ныне несомненный интерес уже потому, что сама его стратегия, исходящая из базиса бюрократического общества и строящаяся на основе упорных реформ эволюционного типа, есть то направление реформаторского мышления, которого так не достает современным российским “революционным демократам”.

3. Российский кризис идентичности

Проблема реформирования современных обществ содержит в себе два аспекта. Первый — реформирование обществ как организационных систем. Речь в таком случае должна идти об общих для всего конкретного многообразия культур принципах преобразования — о стратегии реформ. Второй — реформирование уникального социума, социально-культурной ткани, и тогда следует говорить о единичных и особенных тактиках и задачах трансформации.

Как “организационная система” российское общество может быть отнесено к общему типу бюрократических систем с медленным типом эволюции, для которых характерен так называемый “бюрократический ритм” развития.

Основы стратегии реформирования таких сложившихся обществ с достаточно высокой степенью экономического и социально-культурного развития представлены в программе “стратегического изменения” бюрократических систем М.Крозье. Теория выделения ригидных “узлов блокад” и “чувствительных точек” системы, в которых возможны инновации; провоцирование “конструктивных кризисов” в нужное время и в нужном месте для того, чтобы создать процесс развития в стране — эти действия применимы ко всем организационным ансамблям, в т.ч. и к российскому обществу.

Однако проблема стратегии изменения, являясь организационной проблемой, остается чистой теорией без знания того культурно-исторического конкретного контекста, в котором, собственно, и предстоит выделять “узловые” точки системы и делать “главные и второстепенные” ставки в социальной игре. Россия же в этом отношении находится в совершенно уникальном положении. Главная ее социально-культурная проблема заключается в абсолютно неудовлетворительном знании самой себя, в отсутствии на сегодняшний момент социально-культурной самоидентификации, национальной самоидентификации. Более того, специфика, болезненность развития и многие беды нашей страны происходят от того, что такого твердого и крепкого самосознания не было и ранее, в том числе и до считающегося ныне переломным 1917 года.

После революции осмысление сущности русского национального характера и духа только началось, и то в среде русской интеллектуальной эмиграции. Сегодня же, когда мы вновь переживаем очередной “кризис идентичности”, причем острейший, нужда в выработке целостного и прочного самопонимания становится просто-таки задачей наипервейшей важности. Только поняв, “кто мы, что мы и куда мы

идем”, мы сможем верно определить главные “узлы” реформирования нашей социальной системы, главные сферы воздействия, свои сильные и слабые стороны, ригидные, неподдающиеся влиянию структуры и те “опорные”, “якорные” точки, в которых возможно подлинное движение вперед.

Но предварительно следует сказать несколько слов о понятии “кризис идентичности”, потому что это — явление, которое не ново в социальной реальности. Состояние это переживалось многими народами, а потому существуют “общие” для всех стран моменты, и теоретическое знание их облегчает понимание, переживание и преодоление такого кризиса в России.

“Кризис идентичности” — понятие, которое подразумевает утрату прежде существовавших социально-психологических и нравственных ориентиров, потерю психологического равновесия как отдельным человеком, так и крупными национальными общностями.

Существуют проблемы идентификации индивида с семейной, социальной, этническими группами, с религиозными, политическими и национальными сообществами. Нисколько не умаляя важности первых, следует подчеркнуть, что в кризисные эпохи особый интерес вызывает изучение становления и развития политической и особенно национальной идентичностей.

В самом общем виде национальная идентичность складывается на основе национального характера, политической культуры, моделей социализации, воспитания и образования, принятых в данном обществе. Все эти факторы имеют как постоянные составляющие, так и часть, подверженную временным изменениям. В единое целое эти характеристики цементирует государственная программа развития общества, которая принимает вид общественной идеологии или социального мировоззрения, выражающих цели и средства движения данного социума.

Теоретические основы разработки проблемы идентичности были заложены датчанином по происхождению Эри-

ком Эриксоном, который ввел в политическую науку термин “кризис идентичности”. В его концепции “кризис идентичности” — состояние прежде всего социально обусловленное, и оно теснейшим образом сопряжено с потрясениями в жизни общества на поворотах истории, такими, как революции, войны и т.п. события.

В понятии “идентичности” Эриксон различает две взаимосвязанные стороны — “персональную идентичность” (стремление индивида к сохранению психологической самотождественности) и “коммунальную идентичность” (включенность индивидуального бытия в некоторую человеческую общность и разделение с ней господствующих в ней социальных ценностей на определенном этапе социальной истории) (171).

Через рефлекссию и наблюдение, через процессы сравнения себя с другими и других с собой на основе общезначимых ценностей происходит процесс установления тождественности персональной и коммунальной идентичностей, который заканчивается образованием психосоциальной, или психоисторической идентичности как признака полноценного бытия личности (172). Это означает, что в нормальном состоянии индивид испытывает чувство органической принадлежности к своей исторической эпохе и свойственному этой эпохе типу межличностного взаимодействия, гармонии с присущими ей идеями и поступками, с доминирующим в данную эпоху социально-психологическим образом человека. Словом, имеет место принятие социального бытия как “своего” (173).

В переломные моменты истории, когда на смену одному миропорядку приходит другой с новыми общезначимыми ценностями и социальными установками, такая гармония рушится и тогда в состоянии кризиса оказываются не только отдельные личности, но и целые сообщества. Когда прежняя система организации социального опыта оказывается расшатанной, а ценности устаревшими, социальная общность вступает в переходную эпоху — возникает “ваку-

ум идентичности”, который образуется с того момента, когда большая часть сообщества испытывает бессознательное ощущение “сжатия” привычного “образа мира” и все явственнее становится смутное предчувствие грядущих перемен в умонастроениях и социальных представлениях (174). Все эти чувства нам хорошо знакомы, именно их мы переживали еще совсем недавно.

Преодоление кризиса связано с появлением в обществе творческих исторических личностей, которые благодаря обостренной чувствительности и абсорбирующей способности предстают в качестве выразителей общих для всех проблем. Само общество в такие времена нуждается в политическом лидере, который, трансформируя свои личные обостренные переживания в идеи, созвучные умонастроению эпохи, включает его компоненты в новую мировоззренческую парадигму. Идеи эти облекаются либо в провидческую форму новых религиозных или светских учений, либо в политические программы и воспринимаются людьми как спасительные рецепты. Эриксон посвящает специальные исследования некоторым из такого рода личностей, ставшими лидерами крупных по историческим масштабам движений к новой идентичности — М.Лютеру, Т.Джефферсону, М.Ганди. Такой индивид создает элементы консолидации и консенсуса в общественном сознании. Но при этом он изначально обладает концептуальным видением проблемы, сознавая ее комплексную и сложную природу.

Именно таковым было лидерство Мартина Лютера, начавшего свою общественную деятельность с выступления в Виттенберге с 95-ю тезисами, отвергавшими основные догматы католицизма и сформулировавшего главные положения протестантизма. Именно такой была политическая фигура Махатмы Ганди, в основе социальных действий которого лежало его этическое учение о ненасилии и тактика ненасильственной борьбы — сатьяграха — ставшие программой национально-освободительного движения в Индии. Сходной была историческая роль личности В.И.Ленина,

политической деятельности которого предшествовала концептуальная проработка учения К.Маркса и прагматически-политической стратегии и тактики действий, нашедших отражение в работах “Что делать?”, “Государство и революция” и других.

Подтверждение этому мы находим и в нашей недавней истории, в которой функцию сплочения и новаторского действия выполнял сначала М.Горбачев, а в 1991 году Б.Ельцин, когда он получил чрезвычайно высокий процент поддержки на президентских выборах. Однако в последующие годы не была выработана концепция переходного периода и идеологический вакуум сохранялся.

Согласно концепции Эриксона политическим лидером не может быть случайная фигура. Она — результат взаимообусловленного процесса развития истории и личностного фактора. Взгляд на российскую современность в терминах психоистории позволяет понять, насколько странно, например, было бы требовать от М.Горбачева “концепции” декларированной им “перестройки”, ибо он сам и его мировоззрение были отражением того периода нашей эволюции, когда назрел отказ от старых догм и ценностей, но еще не ясны были перспективы и цели развития. Совершенно очевидно, что сейчас возникла острейшая необходимость в выработке идеологических ориентиров, которые призваны и могут заполнить “идеологический вакуум”. Новые идеологические ценности должны быть четко определены и открыто заявлены, поскольку без них невозможно не только для нации, но и для каждой отдельной личности определить свою “жизненную перспективу”. Дело в том, что хотя “кризис идентичности” и представляет собой в некотором роде естественный процесс в развитии общества и индивида, но его следует целенаправленно преодолевать.

“Кризис идентичности” разрешается путем переоценки прежних норм и представлений, а также через ролевое экспериментирование — прикидку на себя будущих социальных ролей. Этот этап получил удачное название “психо-

социального моратория”. Именно в этом состоянии находится наше общество последние несколько лет.

Затяжка с процессом идеологической определенности самым непосредственным образом угрожает безопасности и устойчивости жизненного пространства индивида и всего общества, потому что ни индивид, ни общество не могут долгое время находиться в состоянии дезориентированности, они ищут выходы, которые, как показывает историческое прошлое, далеко не всегда являются благотворными для отдельных народов и мирового сообщества.

Особую опасность в периоды коллективных кризисов представляет формирование и укрепление “негативной идентичности” отдельных людей и целых групп и слоев общества. В случае длительных кризисов индивиды могут отчаяться найти возможности преобразовать элементы отрицательной идентичности в позитивную идентичность. И тогда эта подавленная отрицательная энергия находит выход в поддержке народом психопатических лидеров, социальным основанием существования которых является именно негативная идентичность.

К сходным результатам, но на несколько иной концептуальной основе, пришел в первой половине XX века испанский философ Ортега-и-Гассет в своей книге “Восстание масс”, изданной в 1930 году, которая, однако, была прочитана по-иному после прихода к власти нацистов в Германии. Ортега-и-Гассет описывает состояние масс в особый кризисный, переходный период европейского развития, который характеризовался бурным вторжением новой технологии в европейскую историю, общим повышением уровня материальной жизни и духовных запросов огромной части населения стран Запада, распространением процессов индустриализации и урбанизации и невиданно высокими темпами роста активности людей, их стремлением вмешиваться в общественную жизнь (175).

Разрушение прежней иерархии и взаимодействия социальных страт выбрасывает на поверхность общественной

жизни огромные массы людей, вырванных из своего социального места и оторванных от своего социального статуса. Индивиды оказываются без привычно ориентированных социальных целей, крепких социальных привязанностей и в результате могут стать хорошим материалом для предприимчивых политиков. Это положение усугубляется тем обстоятельством, что массы наследуют состояние разрушения прежней системы, в которой уничтожено даже то, чего сокрушать не следовало бы, не имея ничего, что могло бы служить заменой старым социальным механизмам, худо ли бедно, но обеспечивавшим порядок и стабильность. В такой ситуации массы ждут прихода сильного лидера, который укажет им то, к чему они должны стремиться и чего желать.

Очень близкую к вышеизложенной картину восприятия этого этапа социального кризиса предложил профессор политических наук Йельского университета в США Роберт Даль, который, опираясь на рассуждения испанского философа, сделал вывод о глубокой взаимной зависимости народных масс и лидера. “На вопрос “Кто правит?”, — пишет он, — ответом будет: ни масса, ни лидеры, а оба вместе; лидеры улавливают желания масс и, в свою очередь, пользуются силой, которая обеспечивает им лояльность и послушание этих масс, для того чтобы ослабить или совсем ликвидировать всякое противостояние своему собственному закону” (176).

Таким образом, понятно, что выработка объединительной национальной идеи, которую с необходимостью должна предвзвешивать глубокая и сложная работа по осознанию сущности русского национального духа и национального характера, т.е. осознание национальной идентичности России, имеют ныне огромную политическую и жизненную важность. Без такого самоосознания невозможны ни преодоление “кризиса идентичности”, ни стабильное и сколько-нибудь длительное существование любой нации, государства, страны.

Устойчивая политическая система, например в США, обладает стабильностью постольку, поскольку большинство аме-

риканцев придерживается и сохраняет приверженность тому, что в этой стране называется “демократическим кредо”. Подавляющая часть американцев верит в то, что их система является наиболее совершенным из всех реально существующих приближений к демократическому идеалу. Они полагают, что те недостатки, которые у нее есть, вполне исправимы в рамках самой этой системы, без радикальной трансформации ее основания. Кроме того, рядовые американские граждане в большинстве своем уверены в том, что официальные лица не допускают крупных нарушений законов и что американские управленческие структуры в целом придерживаются декларируемых демократических установок. Последнее к тому же формируется системой образования и закрепляется у взрослой личности, когда она находит подтверждение им в реальном процессе своих социальных действий. В конечном счете “отвергнуть демократическое кредо” для американца равнозначно отказу быть американцем (177).

Для преодоления кризиса идентичности в России нужно выработать свою, выросшую из недр российского характера и сознания идеологию, могущую положить предел бесконечным неадекватным реальности социальным заимствованиям и экспериментам, которые, собственно, и становятся возможными постольку, поскольку у нас до сих пор нет крепкого и твердого понимания самих себя — своей собственной особой своеобразной геополитики, психологии, устройства хозяйственной жизни, политики, т.е. всего того, что можно было бы назвать российским правосознанием, поддерживающим и обосновывающим новую российскую государственность.

Неосознанность и неустойчивость национальных органических и священных традиций, шаткость нравственного характера народа, безмерность и подражательность политического дерзания российской интеллектуально-политической элиты создали совершенно особенный вариант кризиса коллективной идентичности в России, который выражается в форме Смуты.

Особенностью всех российских Смут было то, что они сопровождалась социальной бездеятельностью, попустительством со стороны правящих эшелонов и интеллигенции. Главной функцией последней в хорошо и правильно организованном обществе является постоянная и адекватная реальности работа по осмыслению хода перемен в социальной жизни. При отказе интеллигенции от выполнения этой своей функции во времена российских Смут набирал силу процесс анархического “развязывания”, “разнуздания низов”. Итогом было то, что часть правителей, которые ощущали себя временщиками, пользовалась таким состоянием масс для осуществления имущественного передела.

“Развязанному” индивиду (вспомним, кстати, что к 1985 году самыми модными словечками в жаргоне молодежи стали характеристики “крутой” и “отвязанный”) давалось право на беспорядок, на самовластье, происходило разгосударствление российского правосознания.

Всякая Смута — это брожение, и главное состоит в том, чем оно заканчивается — сможет ли народ перебродить и опомниться (как это было во времена первой Смуты XVII века) или же случится так, что его задавят, “оседлают” политические авантюристы.

При этом важно помнить, что прекращение Смуты вовсе не означает реставрацию какой-либо прежней формы государственности. Возможна и желательна выработка нового творческого типа государственности, который бы оформил органически присущий национальному характеру дух и сознание в адекватную ему государственную форму — национальную государственность.

Как свидетельствует история, “падение” продолжается до тех пор, пока в народе не созревает жажда “восстановления” порядка, с одной стороны, а с другой стороны, пока не появляется лидер или группа лидеров, которые обладают государственным мышлением, т.е. которые способны выработать новую объединительную идею и начать создание государственности нового типа.

Важен также момент созревания и оформления государственно-лояльного слоя интеллигенции, которая является тем посредником, который первым переводит в осознанные категории факты наличного политического бытия, помогая тем самым формированию новой национальной идентичности. Всякое осознание государственно-созидательных параметров этой идентичности есть шаг в сторону становления и укрепления народного правосознания, а значит, и новой государственности.

4. Социально-культурные особенности российского менталитета

Осознание общих видов действий и мышления, свойственных конкретному национальному типу, воплощение общего сознания в идеологии, теснейшим образом связанные с преодолением кризиса и самосохранением общества, невозможны без переосмысления такой философской, политической и социальной категории как государство. Именно оно воплощает глубинную потребность человека в единичных ценностях, в универсальном идеале, оно цементирует, держит совместную социальную жизнь, которая без него распадается. Государство, как заметил Н.Бердяев, существует не для создания на земле рая, а для того, чтобы не дать ей превратиться в ад.

Как об этом говорилось выше, важной качественной вехой в западном государствоведении стало оформление категории “современного государства”. Западный социальный порядок, начиная с того момента — со времени вступления в эпоху капитализма — конституировался, базируясь на таких чертах, как мобильность, агрессивность, конкуренция и индивидуализм.

Совершенно в ином направлении шло образование российского типа государственности, сохранившего почти в полной неприкосновенности такие черты докапиталистических монархическо-патриархальных условий социально-

культурной среды, как единообразие, стабильность, относительная социальная бесконфликтность, отсутствие конкурентности и преобладание общинно-коллективных форм собственности и психологии. Эти характеристики российского бытия создали иной, совершенно отличный от западного, социально-политический фундамент государственности. Для русской политической мысли о государстве характерным стал акцент на этической проблематике во всех политологических вопросах и на всех этапах становления и развития государства.

Корни размежевания западного и российского типов государственности и их философских основ восходят к теоретическому отличию западного варианта абсолютизма от православной монархии. Именно тогда была заложена разность направлений развития государственных форм и их осмысления на Западе и в России. Европейские средневековые абсолютные монархии, выделяя роль короля и его двора, функционировали в тесном взаимодействии с нарождающимися торговыми классами. В результате взаимной заинтересованности выкристаллизовался тесный симбиоз между аппетитами монарха в плане увеличения доходов и встречным стремлением торгового люда к созданию сильного централизованного государства, которое способствовало формированию предпосылок для развития рыночной экономики.

“Обоюдная направленность двух встречных амбиций привела к созданию меркантилизма. Этими амбициями были: жажда власти новых национальных государств и страстное желание прибыли новым средним классом бизнесменов. Правительство и буржуа нуждались друг в друге. При этом ни одна из сторон не могла обойтись без другой”, — пишет по этому поводу современный канадский исследователь теории государства М.Кнутилла (178).

Теоретические обоснования принципов построения православной монархии были иными. Фундамент последней составляло самодержавие, смысл существования которого

во внутренне-социальном плане ограждал власть от особо тесных контактов с торгово-промышленным сословием, с одной стороны, а с другой, предписывал идеал бескорыстного этического служения идее бога. Монарх, имея полную власть, не имел абсолютной власти, так как сам, по определению, должен был служить Богу и народу.

Показателен в этом отношении обряд крестоцелования, сохранявшийся вплоть до 1917 года, содержанием которого было подтверждение царем или князем верности своему верховному слову. Обряд этот, несмотря на свою религиозную форму, имел совершенно светский смысл присягания правителя закону. Однако присутствие церковного символа креста означало сохранение “предстояния перед Богом” как перед высшей совестью, т.е. заключало в себе идею служения верховному началу — этическому, духовному как стрелю в системе “сдержек и противовесов” русского политического сознания.

Принцип наследственности монархии предполагал отчуждение царствующей персоны от таких земных вожделений, как жажда власти, борьба за власть, которая полагалась изначально дарованной ему Богом. Торговое сословие в социально-культурном контексте православного бытия трактовалось уничижительно-пренебрежительным образом. Единственный слой общества, который находился в приближенном ко двору положении, было дворянство, но главной его привилегией была привилегия несения государственной службы, главным образом военной, а позднее и чиновничье-бюрократической.

Если европейская философская мысль о государстве после образования “современных государств” (т.е. централизованных национальных буржуазных государств) в значительной степени “забыла” предшествующую этическую государствоведческую проблематику и сосредоточилась на осознании и конструировании механизмов институциональной эффективности, то русская социально-политическая мысль сохранила этическое вопрошание в полной мере.

Сместились только некоторые акценты и расширилось проблемное поле: к осмыслению взаимоотношений (в этической перспективе) монарха и народа, власти и народа, моральных требований к монарху, прибавились “демократические” проблемы, которые формулировались не в европейском инструментальном ключе достижения максимальной эффективности работы государственных институтов, а в русле дилемм — “кому на Руси жить хорошо?” и когда народу жить лучше: при царе или без, в условиях монархии или анархии, под опекой православной церкви или в условиях атеизма, при введении социалистической собственности или при объявлении на Руси капитализма. Во всех случаях проблема рационализации и эффективности работы социального механизма отходила на второй или третий план, а то и вовсе исчезала из поля зрения вождей политического модернизационного процесса.

Осмысление идеи государственности в России, таким образом, постоянно проистекало в рамках метафизической методологии, сохраняя в прямом или снятом виде религиозно-культурные координаты осознания этой идеи. Даже коммунистическая атеистическая государственность главным своим стержнем предполагала эсхатологически-апокалиптическую мысль о конце буржуазного мира и воцарении светлого безгосударственного будущего на земле.

Значение метафизической идеологии для интерпретации политических событий российской действительности особенно усиливалось в катастрофические периоды. Тогда начинала отчетливо проступать идея провиденциализма — наследия религиозного сознания — идея Божьего промысла, того, что все в мире происходит по Божьему велению. Социально-политические перемены, неудачи и проигрыши рассматривались тогда как наказание, ниспосланное Богом на землю русскую.

Еще одна особенность российского осмысления государственности состоит в приверженности идее сильной власти при выборе формы государственного правления и ли-

дерства. Она восходит к политической идеологии древнерусских летописей, положивших начало прославлению княжеской власти, ее идеализации, пропаганде централизованной власти сильного едиnodержавного князя, а позднее царя и дошедшая до наших дней в оформлении однопартийности руководства советской державой, в постоянном скатывании к “культу личности” в среде высшего руководства страны.

Спецификой выстраивания мыслей о государственности в России явился также аксиологизм. В русской политико-философской мысли государство поднималось на ступень высшей моральной ценности. Совершенно в духе аристотелевской традиции природа государства выводилась из “общительной” природы человека. Государство виделось как высшая из доселе существовавших форм человеческого общения. Причиной, побуждавшей людей к соединению в общества, полагалась не слабость человеческой природы (как в европейских теориях о государстве), а естественное стремление к общению (179).

Помимо ценности общения общежительная природа государства естественным образом делала одной из приоритетных социальных ценностей — ценность “общего блага”. Все идеи о государстве просматривались через призму достижения идеалов справедливости, равенства или даже коммунистического братства. Отголоски этих идей слышатся и сегодня в обосновании проведения современных преобразований, целью которых объявляется не рационализация устройства общественной жизни и эффективности функционирования ее институциональной инфраструктуры, а обретение свободы.

Наконец следует отметить и такую особенность русского самосознания как специфичность трансформации западноевропейских концепций социально-инструментального характера в российском интеллигентском политическом сознании. Даже такая идея как юридическое равенство граждан правового общества в культурном контексте России расширилась до идеи социального равенства, что особенно на-

глядно прослеживалось в идеологии революционеров-народников XIX века и было воспринято в дальнейшем коммунистической идеологией.

Ситуация современного кризиса остро ставит вопрос о необходимости осмысления пути, по которому идет формирование новой российской государственности.

Особенности российского философствования и практики государственности диктуют, с одной стороны, необходимость учета специфики российского менталитета, сохранившего этические установки и приоритеты в структуре государственного идеала, а с другой стороны, важность размышления над способами и возможностями конструирования государства как рациональной организационной системы общества. Последний аспект исследования составляет ведущую канву научных изысканий современной западной государствоведческой мысли. Он представляет главную силу модернизационных преобразований в политическом процессе цивилизованных стран. Своеобразное замечание на этот счет можно найти у русского политического философа-эмигранта профессора права Н.Н.Алексеева: “Одной из характерных особенностей западноевропейского политического мышления как древнего, так и нового, нужно считать веру во всеисцеляющую силу политических учреждений. Классическим выражением этой веры нужно считать известные слова Канта: “Проблема политического устройства разрешима даже для народа дьяволов, так как дело в ней идет не о моральном и духовном усовершенствовании человека, но о создании известного физического механизма, которым люди должны научиться управлять — и проблема хорошего политического строя тем самым разрешена” (180).

Теория реформирования, предложенная М.Крозье, одно из главных условий успешной реализации преобразований кризисного общества видит в переформулировке функций и целей существующих структур, институтов, культурных и национальных ценностей — в превращении дисфункций в функции. При этом он ратует за выявление и

переосмысление тех качеств национального характера, которые остаются устойчивыми на протяжении многих десятилетий. Он предлагает использовать их, выискивая в них положительные стороны, а не пытаясь их радикально изменить или, еще хуже, игнорировать.

Памятуя об этой стороне крозьеровской теории изменения общества, следует обратить внимание на те стороны русского национального характера, которые, оставаясь устойчивыми, в то же время нередко выглядят как недостатки или же кажутся недостаточно прогрессивными. Их сохранность, однако, на протяжении долгого времени обязывает отнестись к ним более внимательно и отыскать в них такие аспекты, которые могли бы стать полезными для современных преобразований российского общества.

Сегодня, таким образом, нам следует задаться вопросом: каковы же могут быть те приоритеты национального развития, которые помогут создать в России государственность нового типа, исходя из и опираясь на культурно-историческую российскую традицию, сохраняя преемственность развития, используя сильные положительные стороны народного духа и помогая тем самым максимально безболезненно войти в новую цивилизованную полосу жизни страны?

Первая и главная “ставка” современной стратегии выхода России из кризиса состоит в стремлении опереться на свои силы, на “веру в своих”. Одна из особенностей исторического пути России — в маятникообразном развитии. Речь идет о том, что в политической истории России волна подражания Западу, презрения к собственным ценностям, опоры на помощь извне (идейную и материальную) сменялись упованием на внутренние силы и ресурсы.

Прекрасную иллюстрацию такого попарно-переменного движения политической истории России дает художественно-ироническая характеристика русского правления в поэме Н.С.Лескова “Левша”, где оно представлено на примере двух царственных братьев — Александра I и Николая I.

Александр I обрисован как утонченный светский кавалер, более всего верящий в идеи европейского Просвещения, преклоняющийся перед достижениями английской науки и техники. “Вы есть первые мастера на всем свете, — говорит он, обращаясь к англичанам, — и мои люди супротив вас ничего не могут”. Николай I, сменивший его на троне, военнизирован, грубоват, но предпочитает строить Россию изнутри, а не искать замену ее традициям и мастерству в кунсткамерах Англии. “Мои русские меня не обманут”, — говорит он устами Н.С.Лескова. Поскольку это художественный образ, который всегда есть обобщение, он достаточно символичен и симптоматичен.

В нашей сегодняшней реальной исторической действительности мы находимся в начале подъема ориентации на внутрироссийские возможности. После попыток бездумного заимствования современной западной модели модернизации мы оказались перед фактом значительного разрушения социальной ткани, ибо вновь предпочли органичности и постепенности развития, продуманной реформе революцию. Таким образом мы вновь оказались перед необходимостью осознания сильных и слабых сторон характера народа, его бытия, перед задачей оценки тех ресурсов национального духа, которые могут стать перспективными для модернизации. Нам предстоит выделить “узловые” точки системы, воздействуя на которые, можно дать импульс процессу развития. Задачи же состоят — в выделении ресурсов (идейных и материальных), на которые надо опираться.

Никакое общество не может достигнуть сколько-нибудь высокой степени развития, не найдя для себя рамок государственности, т.е. не опираясь на какой-либо четко определенный принцип государственного строения.

Принцип государственного устройства органически вырастает из нации, ее характера, образа жизни, геополитических условий. Государство как форма существования нации и организации ее жизни есть в этом смысле всего лишь

воплощение объединительной национальной идеи. Это только так кажется, что можно примерить новую форму государственного устройства. Намного лучше — совершенствовать, т.е. постоянно работать над существующей, устраняя ее недостатки путем постоянных реформ. Тот факт, что всякий принцип государственного устройства органически порождается нацией, ее духом, не только позволяет, но заставляет нас задуматься о тех чертах сознания народа, понимание которых позволит нам уяснить некоторые существенные требования, которые предъявляет народная воля к власти, и те характеристики, которые власть, в свою очередь, должна выделять в национальном характере, которым она должна соответствовать, на которые она должна опираться, “делать ставку”.

Долгая история раскола между народом и властью приводит нас к необходимости определить те характеристики, которые могут и должны объединить власть и народ в России. Одной из черт российского народного менталитета, лежавших до сих пор в основании его государственности, было стремление к нравственному порядку. В России нравственный порядок в шкале ценностей коллективного сознания стоит выше организационного. Это значит, что народная воля хочет видеть в действиях власти справедливость и лишь наряду с ней и на ее основе — законность.

Главная же сущностная черта нравственного порядка в применении к власти есть соблюдение ею ценности “служения”, следование идее служения. Такое восприятие легитимности власти сохранило русское коллективное сознание. Именно это отношение к власти сущностно для русского духа и именно оно подразумевается, когда говорится о русском народе как народе-государственнике.

В этой связи следует отметить, что главное, что легитимировало власть И.Сталина в глазах народа, была та специфическая “кадровая политика” вождя, которая заставляла высшее чиновничество служить “общей идее”, пусть даже из страха, но служить. Именно это составляет основу пози-

тивной оценки сталинской эпохи в народном сознании, определяющей словом “порядок”.

Исторически все российское бунтарство искало основания своей легитимности в “неправедности” царя существующего (“подмена” царя, лжецарствования) и в замене его настоящим, праведным. А поскольку власть царю давалась непосредственно от Бога, то такое восстание означало приближение к восстанию против самого Бога. Это создавало особую психологическую трудность, затаенность вызревания бунта и следующую за сим бесшабашную решимость, которая порождала состояние, когда человек “преступал” недозволенную священную грань, и тогда уж крушил все на своем пути, идя как на плаху. В психологической сложности возмущения против неправедности земного царя, который перестал соответствовать заветам Бога, коренятся истоки метафизики русского бунта. Это было восстание против высшего идеала, т.е. фактически против самого себя, против своей сущности, против мессианских граней самого русского характера.

Внутренняя готовность коллективного сознания русского народа к событиям 1991 года имеет те же основания — народ ощущал неправду и неправедность правителей, потому что высшая власть КПСС из декларированной повсюду идеи служения народу превратилась в привилегию, стала своекорыстной. Именно это последнее обстоятельство более всего возмущало коллективное сознание. Профанируя идею служения, политическая элита подрывала саму возможность доверия властям и таким образом воспроизводила почву для смуты, революции, народного бунта.

Следует помнить об этой сильной стороне русского коллективного сознания, которое готово вручить всю полноту власти тому (или тем), кто сможет воссоздать социальный порядок. С точки зрения стратегии поведения властей это означает, что одной из задач политической элиты является реализация в сфере высшего управляющего слоя общества принципа “служения”. Те профессионалы от политики, ко-

которые поймут эту великую основу русского коллективного сознания и сделают на него “ставку”, получают взамен огромную созидательную государственную силу. И в то же время до тех пор, пока этот принцип русского сознания останется невостребованным, до тех пор в стране будет существовать смута или угроза смуты, до тех пор народ будет предпочитать анархию любому демократическому порядку, до тех пор он будет оставаться никому не подчиненным и неуправляемым, а власть и законы будут “повисать в воздухе”.

Таким образом, первая задача власти — изменить саму концепцию власти, “реформировать реформаторов”. Тесно связана с ней проблема “средостения” бюрократии — стремления ее заполнить собой и своими мертвящими принципами всю живую ткань общества. Русское сознание от века испытывает радикальное недоверие к “исполнителям” законов, т.е. к чиновникам-бюрократам и вообще ко всякого рода начальству, рангом ниже монарха (“законы святы, да исполнители супостаты”).

Сама по себе бюрократия, или чиновничество, необходимы как орудие управления для любой верховной власти. Опасность, однако, возникает, когда она (бюрократия) из орудия управления превращается в господствующую силу. Тогда она губит как верховную власть, так и нацию. Бюрократический и политический слой устранил нацию от связи с государством, одновременно забирая себе функцию представительства государства перед нацией и нации перед государством. Адекватное и своевременное общение верховной власти с нацией нарушается.

В идеологическом плане подрыв бюрократией нравственных и социальных авторитетов (т.е. естественно выделяющихся из общества талантливых людей — представителей разных слоев, которых бюрократия не терпит по самой своей формализованной и безличной сути) является источником развития нигилистических и анархических идей.

Вторая задача должна состоять в заботе государства о социальном строе, об устройении социальной ткани, кото-

рая есть первейшая функция современного западного принципа правления и которая составляет весомую долю в ожиданиях российского народа от действий власти. Именно этого желает народ, произнося слово “порядок”, под которым имеется в виду определенная организованность частей общества. С другой стороны, это есть именно та важная часть государственной работы, на основе которой и строится собственно государство. Ведь если главная функция общества — социальное творчество, “свободный эксперимент”, то главная функция государства — обязывающая, интегрирующая, сплачивающая, устроительная.

Русское народное мирозерцание явно тяготеет к тому, чтобы государство занималось устройением сферы социального, заботилось о поддержании социального строя. И дело здесь вовсе не в “инфантильности” народа, требующего опеки, а глубинной вере его в то, что должен быть общий “лад” жизни, созидание которого может быть вверено тому, что призвано выражать идею общего — государству.

Тот факт, что в современном российском обществе происходит лавинообразный рост различных “маргинальных” слоев и групп, т.е. таких слоев и групп, которые не включены в государственную организацию, выброшены из общества, говорит прежде всего об ослаблении самой устроительной идеи, о самоликвидации государства. В старину умели обращать на государственную службу даже бродяг и разбойников-казачков. Ныне же вполне пригодные для служения государству слои общества превращаются в “маргиналов”. Растущая их доля в обществе — сигнал к тому, что государство исчезает, “звонит”, говорящий о “смерти государства”.

После кризисных катастрофических эпох в истории России каждый раз всплывала идея “собирания Руси”. Это и есть воплощение функции государства связывать воедино нити национальной жизни, создавать “социальную ткань” общества. Ныне это есть работа по организации слоев и социальных групп. Будущее государства сегодня в руках тех, кто проводит эту работу.

Третий ряд задач, близко примыкающий ко второму, касается поддержания в нации живых нравственных идеалов. Многими исследователями народного характера отмечалось, что в русских есть нечто, что выходит за рамки идеала посюстороннего, находящегося в пределах “земного”, “гражданского” идеала. До 1917 года этот идеал хорошо вписывался в концепцию православия. После 1917 года, несмотря на внешнюю материалистическую атрибутику марксизма, коммунизм и связанный с ним созидательный народный дух, несомненно, носил миссионерский оттенок, что по сути есть инобытие религиозного чувствования мира. Неудивительно, что и нынешнее безоглядное устремление к капитализму во многом основывалось на том же подсознательном стремлении русских к достижению “идеального мироустройства” своего общества, его совершенствования.

Как показывает исторический опыт многих стран, в том числе и российский историко-социальный опыт, существенный вклад в решение этой задачи сохранения нравственных идеалов может внести Церковь. Действия Церкви с рассудочной точки зрения сводятся к воспитанию личности. Церковь дает человеку высшее нравственное мирозерцание, указывает цели жизни, права и обязанности личности.

В случае отсутствия религиозного мирозерцания практические правила нравственного поведения в обществе (не убий, не грабь, отстаивание личного достоинства, повиновение и т.д.) держатся либо на инстинкте, либо на соображениях общественной пользы. Но инстинкт — вещь непрочная у человеческого существа, которое по самой своей природе обречено на сомнение и рассуждение, а общественная польза — понятие условное.

Несмотря на 70-летний опыт атеистического мировоспитания православные черты русского сознания сохранились на уровне привычек и некоторых национальных свойств характера. Именно скрытость, неявность православно-религиозных характеристик русского сознания заставляют внимательнее и пристальнее всматриваться в современ-

ные их проявления. Взять хотя бы столь широко “разрекламированную” социальную пассивность русских, их “долготерпимость”. Эта черта нередко подается как некая производная тупости и “нецивилизованности”.

Однако суть этих качеств может быть сущностно-противоположной. Дело в том, что христианско-православное мирозерцание русских исполнено значительной доли скептицизма в отношении возможности достижения совершенства в земных делах. Это связано и с дуалистичностью самой человеческой натуры, и с несовершенством и невозможностью стопроцентного рационального расчета условий и хода общественной жизни, и со сложностью и противоречивостью интересов в многообразном течении жизни. Именно в силу “схватывания” русским коллективным сознанием этих обстоятельств общественно-политическая жизнь не становится культом русского человека. Его идеалы имеют более этическую (и даже мистическую) направленность, которые остаются ныне совершенно невостребованными.

Одной из главных нравственных ценностей здорового общества является идеал “честного труда”, “честного заработка”. Сегодня этот идеал сильно разрушен и девальвирован. Попустительство финансовых махинаций, спекуляции, разгул низменных инстинктов наносят удар по идеалам порядочности, мастеровитости, основательности, самоотдачи, бескорыстия (идеалам, по сути своей, религиозно-нравственным).

Здоровое ядро коллективного сознания в полной мере отдает себе отчет, что без труда нет прочных оснований жизни. Необходимо поэтому вместо стратегии пустых обещаний и заманивания в “рай праздной жизни” создать в обществе условия для “игры на повышение”, стратегии, которая вполне соответствует российской традиции высокой духовности.

Конечно, нельзя отрицать присутствия в природе человека отрицательных сторон. Однако именно на развитие добродетельных сторон в натуре человека, на его воспитание делали ставку все нравственно-ориентированные идео-

логии. Дуалистичность человеческой природы очень резко проявлена в русском человеке. Бунтарско-нигилистический дух, непослушание, “разбойничья рожа” и святость, стремление к покаянию и к труду с полным самоотвержением — таковы лики русского человека.

Получившая у нас сегодня распространение концепция хозяйствования, во многом основанная на теории “экономического человека”, относится к механически-утилитарному, или выражаясь более современным языком — технократическому варианту хозяйствования, целиком и полностью основанному на рациональном расчете и ставящем в качестве главной и единственной своей цели — прибыль ради прибыли. Такой тип хозяйственной “этики”, начисто лишенной каких бы то ни было “идеальных” основ, создает сегодня в России эффект стяжательства или праздно-пренебрежительного отношения к труду. Такая модель не может создать ничего, кроме двухполюсного общества с наживой, роскошью, расточительством и праздностью на одном конце и с выживанием на грани нищеты на другом. Сегодня совершенно очевидно, что основания грядущей этики хозяйствования в России следует искать в другой плоскости.

В социально-философской литературе стало общим местом вспоминать о “протестантском духе” как о центральной имманентной строительной силе западной цивилизации. В связи с этим возникает вполне естественное желание посмотреть на зримые и незримые, виртуальные и действительные аналоги такой духовной составляющей русской жизни.

На первый взгляд кажется в таком случае логичным обратить взоры к православию. Однако трудность состоит в том, что традиция официальной православной культуры оказалась в России весьма основательно прерванной. А потому реально ныне мы можем говорить только о тех “следах” православной культуры, которые остались стержневыми, неизгладимыми звеньями национального духа, национального миропонимания и сознания.

Известно, что “протестантский дух” на Западе сделал возможным распространить на всех членов общества идеал методичной, рациональной, ответственной и самодисциплинированной работы, который в наибольшей степени соответствовал национальному духу европейских народов, и в то же время закладывал основы функционирования западного хозяйства с максимальной отдачей. Густонаселенность, ценность каждого “клочка земли” естественным образом предопределяли концентрацию воли работающего на своеобразной идее капиталистической этики — профессиональном долге перед имуществом. “Идеальный” капиталист, а за ним и каждый отдельный работник считали и считают себя обязанными перед своим имуществом — будь то материальные ценности или повышение квалификации в узкой специальности научной, культурной и прочих сфер деятельности. Высшее благо капиталистической “этики” состоит в увеличении богатства, рассматриваемого как самоцель. “Западная аскеза” предпринимателя выработала, как мы теперь знаем, деловой капиталистический фетишизм, в котором богоугодным делом оказались прибыль и доходность, а бедность порицается. Хотеть быть бедным — это то же, что хотеть быть больным. Смирение с бедностью — в западной шкале ценностей не есть добродетель. Стремление к обогащению почитается делом богоугодным и направленным к вящей славе Господней. Такова в общем виде обмирщвленная этика, главным образом, в протестантском ее варианте.

Православие коренным образом отличается от протестантизма в своем отношении к миру, что проявляется прежде всего в дисциплине аскетического “послушания”, которое зиждется на постоянном “хождении перед Богом”. Монастырским послушанием в России называлось всякое занятие, назначаемое иноку независимо от того, что это будет — ученый труд или же грубая физическая работа. Важно было, чтобы она исполнялась “во имя Господне”, во имя религиозного долга. Подобный стиль работы “не во имя свое”, а во имя высшей идеи был усвоен лучшими силами

русского общества во всех его слоях. Исполнение своей работы как этического долга, несение своего креста, духовное подвижничество с его постоянным самоконтролем, “аскеза духа” могла быть свойственна представителям любой профессии — инженеру, врачу, ученому, политическому деятелю, крестьянину.

Следствием такого духовного предстояния стала формула русского сознания, которая гласит, что перед Господом все равны, а нищета — не порок. Кроме того, постоянные трудности борьбы со стихией, особенно в крестьянстве, обмирщали религиозные ценности в русском сознании совершенно в ином духе, нежели в протестантизме. Они превращали труд крестьянина в своеобразный вариант “послушания”.

Характер крестьянского труда в условиях климата неустойчивого земледелия был связан с постоянной борьбой со стихиями неровных погодных условий; с непредсказуемостью результатов труда, несмотря на все затраченные усилия (в противоположность, например, заработной плате рабочего в условиях городских фабрик и заводов); с жесткой самодисциплиной в организации посевов, выращивании и уборке урожая, в уходе за землей и организации хозяйства. Такой род труда с негарантированным результатом превращал и превращает крестьянский труд в определенном смысле в самоценность, в некое подобие “послушания труду”, самой идее труда, в “светскую аскезу”.

Природный фактор исторически подкреплялся своеобразным российским институтом старчества и пустынночества, которые, по свидетельству Ключевского, часто шли рука об руку с крестьянским трудом. Многие крестьянские общины создавались на местах, освоенных пустынниками и называвшимися “отмоленной” землей. Выработался и укрепился идеал подвижничества как особого рода методического труда, несвоекорыстного, не “во имя свое”, а “во имя Господне” — труда, способного выносить лишения и не требующего немедленного, рассчитанного до копейки, адекватного материального вознаграждения.

Это та область, которая составляет одну из существенных сторон матрицы русского национального гено-типа. Без ее осознания невозможно построение новой позитивной и плодотворной государственности, властных отношений и вообще социального порядка. Два встречных потока общественного “служения” — со стороны народа и со стороны верховной власти — могут и должны создать тот социальный консенсус и ту государственность, которые нужны сегодня России.

5. Форма политического лидерства в переходный период

В заключение хотелось бы вернуться к проблеме выбора формы политического лидерства, выбора, который особенно значим для будущего страны в переходный период.

Далеко не последнюю роль в эпоху неустойчивого развития играет конкретная форма политического лидерства. Именно она может оказаться решающей для выбора направления движения к обществу демократического, авторитарного или тоталитарного типа. Выбор этот определяется как раз в период преодоления социальной системой “кризиса идентичности” и зависит от того, какого типа лидерство — индивидуальное или коллективное — станет удачным решением этого кризиса.

Сегодня, например, перед нами два возможных пути преодоления кризиса — либо через индивидуально-харизматический тип политического властвования, либо через те или иные варианты коллегиального правления. Первый путь несет в себе опасность возврата к тоталитаризму или прихода к власти сильного психопатического лидера. Второй предлагает различные варианты большей или меньшей сплоченности или, наоборот, соревновательности внутри коллегиальной структуры правления.

Первый путь соответствует положениям концепции Эриксона, согласно которой разрешение глубокого социального кризиса возможно благодаря вмешательству в обще-

ственный процесс особого рода личностей — харизматических личностей.

Однако такая постановка проблемы является оправданной только в том случае, когда на политической сцене присутствует одна-единственная и резко выделяющаяся из своего окружения политическая фигура, которая к тому же становится носителем и выразителем чаяний почти всего народа.

Однако путь преодоления “кризиса идентичности” через харизматическое лидерство открывает в себе потенциальную опасность перехода к авторитарным и даже к тоталитарным методам правления, особенно если принять во внимание традицию российской политической культуры последнего времени, состоящую в скатывании к “культу личности” в политическом руководстве.

Учитывая также тот факт, что до сих пор в стране не выработана идеология переходного периода и, таким образом, сохраняется состояние “идеологического вакуума”, которым может воспользоваться сильный лидер одиночка, более благоприятным исходом современного кризиса должен быть путь перехода от личного типа руководства к коллегиальному.

Последнее обстоятельство прогрессивно в плане общесоциальной тенденции замены обществ с абсолютистским характером власти демократическими обществами. Однако здесь возникают определенные сложности преодоления “кризиса” идентичности по сравнению с классической ситуацией, когда обретение новой парадигмы мышления происходит под руководством ярко выраженного харизматического лидера, сложности, которые нам необходимо преодолеть, если мы действительно стремимся к демократическому социальному идеалу. И потому сегодня особенно важно осознать фундаментальные основы и возможные варианты новой демократической модели управления.

В этой связи важно вспомнить по крайней мере о двух политических концепциях управления — о модели “теории элит”, основу которой составляют идеи Г.Моски и В.Паре-

то, и о модели “полиархической демократии” Р.Даля. Согласно первой в управленческом и властном процессе в государстве главенствует руководящий класс, или элита, которая ведет себя как гомогенное и сплоченное социальное образование. Элита при этом определяется через три ведущие и неизменные характеристики — групповое (кастовое) сознание, сплоченность и отношение заговора. Она испытывает воздействие на себе электората, но может вести себя по отношению к нему как достаточно независимая, целостная и самодовлеющая единица, которую влияние общественного мнения не в состоянии расколоть и воздействие которого на себя элита может без большого ущерба нивелировать или свести к минимуму. Как это ни парадоксально, но модель “теории элит”, функционируя в демократическом обществе, фактически наследует “монархическое кредо” управления.

Теория “полиархической демократии” Р.Даля коренным образом переоценивает феномен сплоченности, стабильности и неуязвимости властной элиты в условиях демократии. Р.Даль обращает внимание на феномен мобильности внутри центров власти. Преодолевая взгляд на политического человека как на статиста класса элиты, он подчеркивает значение постоянной конкурентной борьбы между лидерами, которая происходит к тому же под фактическим постоянным контролем народа. Он указывает на динамическую роль фактора плюрализма внутри руководящего меньшинства, которая, собственно, не дает этому меньшинству оставаться единой гомогенной элитой, а превращает ее во множество специализированных и соперничающих между собою элит. В полиархической модели сохраняется логика, общая для всех плюралистических моделей, которые пытались дать реальную основу и подвести базу под концепцию демократии как концепцию сдержек и противовесов — единственных реальных механизмов, могущих сохранить политическое и социальное равновесие между группами и партиями в обществе.

Последнее в управленческой системе устанавливается в результате переговорного процесса между лидерами партий и групп. Однако присущие конкуренции в борьбе за власть конфликты и напряжения делают возможным установление такого постоянно меняющегося равновесия только при условии, что между лидерами партий вырабатывается консенсус в отношении соответствующих норм. Только согласие относительно главных норм и ценностей демократии позволяет ограничивать столкновения между политическими лидерами.

Для нас эти рассуждения представляют особый интерес, поскольку в период кризисной неустойчивости политического бытия системы, следует выбирать между направлением в сторону максимального приближения к “полиархическому типу” функционирования политического сообщества и опусканием до такой точки кризиса, когда харизматический лидер, воспользуясь возросшей негативной идентичностью социума, “переиграет” всю “политическую верхушку” и станет тем национальным героем, который один поведет страну к созданию “новой идентичности”.

Движение в сторону коллегиальной модели руководства подразумевает выполнение по крайней мере двух требований. Первое связано с переоценкой правящими кругами отношения к народу. На место стремления к самоуверенному манипулированию общественным мнением должно прийти подлинное уважение к народу, которым правят. Эта переоценка ценностей элитой имеет вполне прагматическую основу, поскольку в демократической модели управления достижение и сохранение политической власти партиями и их лидерами более чем когда-либо зависит от народа. Чтобы прийти к консенсусу и мирному решению конфликтов, такая система нуждается в постоянной “ротации” лидеров через работу института выборов. Именно с помощью избирательного механизма народ оказывает влияние на управление и сохраняет косвенный контроль над правителями, создавая постоянную угрозу того, что в следующий раз он

может отдать предпочтение другим партиям. Таким образом, в полиархии управляют политические лидеры, но под более или менее внимательным присмотром граждан. Требованиями, предъявляемыми к руководителям в условиях демократического режима, становится умение улаживать конфликты, находить компромиссы, которые должны повлиять на принятие людьми решений и на их поведение. На место правителей монархического типа приходят “ответственные лица”, которые по самой этимологии слова должны уметь держать ответ перед другими, что фактически предполагает наличие диалога между стоящими у кормила власти и народом. Но именно недостаточное развитие такого диалога между двумя сторонами представляется главным препятствием для выработки эффективных путей преодоления кризиса в нашем обществе сегодня.

Второе требование связано с необходимостью выработки и усвоения народом в целом и правящими кругами прежде всего “демократического кредо”. Как это ни удивительно, но власть, объявившая себя демократической, функционирует у нас сегодня согласно с “монархическим кредо”.

К сожалению, российская история показывает, что у нас принять новое управленческое кредо демократического типа оказываются неспособными именно властные структуры. Когда революция совершена, возникает вакуум управленческой модели, кризис управленческой идентичности. В условиях отсутствия новой концептуальной модели и происходит откат к старым методам и способам руководства.

Для успешного проведения реформ необходимо осознание и интериоризация руководством и народом нового демократического кредо управления. В современной политической науке под “демократическим кредо” понимается наличие устойчивых политических убеждений демократической направленности. Существует по крайней мере шесть пунктов, которые включает в себя “демократическое кредо”:

1. Демократия — это наилучшая из существующих форм правления.

2. Управляющие страной лица должны избираться на основе всеобщего избирательного права.

3. Все граждане должны иметь равные возможности влияния на политику управления.

4. Решения принимаются большинством голосов.

5. Меньшинство должно иметь возможность свободно критиковать решения большинства.

6. Те, кто составляет меньшинство, должны иметь свободу действий в своих попытках поддержать мнение меньшинства (181).

Исследуя политическую реальность США, где демократические установки наиболее развиты по сравнению с другими странами, Р.Даль, в частности, отмечает одну существенную особенность американского сознания, которая крайне актуальна для современного российского общества. В политической системе Америки степень согласованности относительно статус-кво демократических норм среди слоя политиков (правлящих и оппозиционных) остается неизмеримо более высокой по сравнению с электоратом в целом. И хотя это обстоятельство не является решающим для сохранения стабильности в политике, оно позволяет четко увидеть контрастность положения дел в этом отношении в нашей стране. Это лишний раз подчеркивает необходимость скорейшего начала честного переговорного процесса между партийными лидерами и поиска компромиссов и точек соприкосновения между различными мнениями. Необходимо выработать общее кредо и на его основе создать консенсус как базу грядущей стабилизации общества на платформе подлинно коллегиального управления, с одной стороны, и реального контакта с народом, с другой стороны.

Общее понижение статуса политики, которое было декларировано новым поколением экономически ориентированных правителей в ответ на социалистическое преувели-

чение ее роли в недавнем прошлом, создает парадоксальную ситуацию сегодня. Отвержение ведущей роли политического как фактора общественного строительства ведет к компенсационному возрастанию функции единоначалия политического лидера. Ситуация острого “кризиса идентичности”, в которой мы ныне находимся, требует определенности выбора между обращением к помощи сильной личности, способной преодолеть этот кризис, и консенсусом на основе коллегиальности правления.

Заключение

Величайший апостол демократии каким был Ж.-Ж. Руссо, а за ним и многие другие, отмечал чрезвычайную трудность осуществления демократической идеи и величайшую легкость ее искажений. Руссо писал, что “демократия, собственно говоря, приходится богам, а не людям”, и что она может быть осуществлена только при особо счастливых и исключительных условиях (182).

Особенность России, русского национального характера состоит, по меткому замечанию Н. Бердяева, в восторженно-романтическом восприятии новых модных западных идей. Так было в свое время с гегельянством, потом с марксизмом. Наша задача состоит сегодня в том, чтобы этого не случилось с идеей демократии, чтобы она не превратилась в предмет политического религиозного фетишизма, на который смотрят как на всемогущую и всеисцеляющую силу. В странах Запада, там где идея демократии исповедуется давно и механизмы ее реализации успешно функционируют, отношение к ней трезво-практическое, если не утилитарно-прагматическое. Ее воспринимают без страха, но и без восторга.

В России же многие, ожидая от демократии сверхъестественного чуда, рассуждали примерно так: “Вот разрушим старый порядок, дадим свободу, и все само собой возникнет — и благосостояние, и изобилие, и правовые отношения”. Сама мысль о том, что с разрушением старых устоев автоматически и чудесно водворится истинная свобода — мысль анархическая, а не демократическая. Практическим результатом такого подхода, как констатировал П.А. Новгородцев, всегда является олигархия или анархия (183).

Работа по созданию демократического устройства общества — процесс длительный, кропотливый, требующий огромных усилий по благоустройству политической территории в области рационализации институционального об-

шественного порядка — области, которой до сих пор уделялось слишком мало внимания.

В последнее время много пишут о специфике русского пути, об отличии российских ценностей от западных и о необходимости включения России в общемировой цивилизационный процесс. Посылки, казалось бы, взаимоисключающие. Однако положение оказывается не столь бедственным, если взглянуть на проблему через призму расхождения в восприятии главных демократических ценностей между двумя крупнейшими регионами демократической цивилизации — Европой и Америкой. Анализируя по заказу международной трехсторонней комиссии проблемы развития демократии в крупнейших странах мира, французский политолог и философ М.Крозье пришел к интересным в этом отношении выводам. Культурно-организационный анализ современных обществ позволяет, пишет он, выделить то, что называется ядром политических представлений народа, которое отличается достаточной устойчивостью и остается практически неизменным на протяжении многих десятилетий несмотря на внешние перемены и появление все новых и новых форм политических действий. Однако при этом кардинально важным моментом является отличие смыслового восприятия одних и тех же вербально одинаковых ценностей для Европы и США (184).

Первая главная ценность, которая не только единодушно разделяется всеми, но в последнее время с возрастающим энтузиазмом открывается современными социальными движениями как экстремистско-радикальными, так и консервативно-религиозными, это — ценность свободы индивида. Несмотря на внешнее расхождение в интерпретациях свободы между столь разными движениями, на уровне ядра политических верований эта концепция оказывается единой. Существует только одно фундаментальное различие — это противоположность между европейской концепцией свободы, которая есть разновидность “свободы-от” (freedom-from), акцентирующей неотчуждаемое право ин-

дивида оставаться невовлеченным во что-либо, от американской концепции свободы, которая представляет собой скорее “свободу-для” (freedom-to), т.е. неотчуждаемое право на инициативу и на лидерство, и на мобилизацию на действие других, если они того пожелают (185).

Второй доминирующей ценностной ориентацией остается стремление к равенству. Однако так же, как и понимание свободы, европейский эгалитаризм весьма отличен от американского. В Европе он представляет собой “стратифицированную разновидность эгалитаризма” (186). Это означает, что люди могут очень придирчиво и щепетильно требовать равенства с равными себе, но в то же время легко сносить и безоговорочно принимать неравенство между слоями и стратами в обществе. Более того, в противоположность американцам, европейцы оказываются весьма шокированными, если кто-либо пренебрегает общепринятыми различиями в обращении к людям разных социальных страт.

Третье место в системе демократических ценностей занимают порядок и эффективность. И хотя разнообразие форм жизни в последние годы, особенно поиски нетрадиционных видов общежития среди молодежи, привели к большей терпимости европейцев в отношении стиля жизни, однако радикальная угроза, исходящая из самой сущности свободы — скатывание к хаосу, вызывает настоятельную потребность граждан любого европейского государства в призывах к порядку, который в случае крайней необходимости оказывается для них приемлемым даже в насильственных формах (187). Длительная традиция политической мысли Европы, центральной категорией которой были проблемы учреждения или сохранения социального порядка, делает вполне объяснимым важность и актуальность этой категории для нормального хода политического процесса и для общественного сознания граждан.

Однако специфика европейского понимания порядка состоит в более социальной и менее юридической его коннотации по сравнению с США. При этом порядок европей-

цами воспринимается на уровне требования того, чтобы вещи и люди были “поставлены на свое место для того, чтобы общество могло работать” (188). Далее, порядок есть способ достижения эффективности, которая, в свою очередь, есть условие хорошего функционирования общества. В отличие от американцев европейцы, таким образом, находят большее удовлетворение в построении хорошо функционирующей схемы (как самооценности) нежели в достижении конкретных результатов, которые порядок может принести. Эффективность для них есть всего лишь демонстрация реализации порядка, а не цель, как это происходит у американцев. Порядок для европейца в этом смысле все еще остается “ношей белого человека”, т.е. имеет весомый оттенок аристократически-этического мировоззрения с его непрактическим кодексом чести и чувством ответственности за все сущее.

Четвертой характеристикой современного демократического мышления Крозье считает “дуализм” (189). В отличие от стран классического Востока у европейцев никогда не было унитарной концепции легитимности. В этом смысле политико-историческая оппозиция Церкви и Государства подготавливала и была предтечей современного политико-социального разделения на “левых” и “правых”.

И хотя большинство политических и социальных теорий исходили и исходят из стремления достичь политического консенсуса, на практике демократия и свобода реализовывались через реальное противостояние оппозиционных партий и течений в политическом процессе. Именно наличие оппозиции всегда воспринималось в Европе как гарантия независимости граждан и реализации их свободного выбора. В противном случае — в случае ликвидации оппозиции — европейцы ощущали бы себя чрезвычайно зависимыми от господствующей власти. Ситуация уничтожения оппозиции всегда отождествлялась с возвратом к патернализму, отступлением к феодализму и в конечном счете ощущалась как угнетение. Единственная возможность урегулирования социального конфликта по-европейски мыслима только через реальный поли-

тический дуализм, что коренным образом отличает европейский менталитет от американского.

Хотя в теоретической политологии США ценность политического дуализма и получила широкое распространение, на практике явное предпочтение там отдается системе юридических “сдержек и противовесов”, а не рискованной игре на реальном конфликте и реальном дуализме, как это происходит в Европе. “Абсолютная власть” в Америке видится как абсолютное зло, которое нуждается в формировании определенных “законодательных противовесов”, но это вовсе не предполагает обязательного допущения на практике реального “раскола” между гражданами. В Европе такое разделение есть, напротив, центральный, кульминационный момент политической игры, и граждане предпочитают даже выносить некоторое злоупотребление правительством своими прерогативами в случае, если общество окажется парализованным в результате слишком далеко зашедшего конфликта между партиями, нежели поступиться принципом дуализма.

Представленная интерпретация комплекса демократических политических верований оказывается неожиданно интересной и полезной для самоосознания места России в мире. Тот факт, что мы долгое время считали себя неевропейской цивилизацией, оказывается поставленным под сомнение. Сравнение европейского и американского понимания основополагающих политических представлений позволяет недвусмысленно заявить, что в этом отношении Россия есть совершенно европейская страна, что российский менталитет в глубинном смысле весьма близок европейскому, значительно отличаясь от американского. То существенное, что разнит в этом смысле Россию и Европу — это меньшая артикулированность названной проблематики и меньшая предметность ее как осознанной реальности, пребывание ее в статусе интуитивного и нерационализированного существования. Но этот укор — уже не коллективному мировосприятию и менталитету, а интеллигенции, которая недостаточно хорошо выполняет свою социальную функцию, свое призвание, свою миссию.

Современная российская констелляция этих четырех факторов, увеличение веса одних и соотносительное сжатие других определяются конкретной политической ситуацией и политической игрой. Так ценность “свободы” заявлена как “возрожденная”, даже в каком-то смысле новая ценность, дарованная народу “перестройкой”. Однако понимание свободы как “свободы от”, а не как “свободы для” пронесено через всю историю российского общества, через раскол, нигилизм, анархизм, коммунизм (свобода от “буржуазного рабства”). Что касается ценности “равенства”, то умонастроения элиты российского общества и его интеллигенции долгое время определялись радикальным понятием христианского равенства всех перед Богом, несущественностью в этом смысле земного устройства жизни с ее иерархией и сословностью. О ценности “порядка”, как неоспоримо предпочитаемой общественным сознанием при выходе из хаоса существования, из социальной смуты говорит сама история России, которая принимала волю великих госдарственников-преобразователей России как необходимую и на определенном этапе достаточно жесткую по форме. Стремление к порядку всегда реактивировалось именно хаосом. В отношении ценности “дуализма” следует сказать, что последний всегда присутствовал в русской истории реально, но никогда не был оформлен политически и конституционно. Легальный дуализм никогда не был легитимным дуализмом. Современная история России есть, несомненно, огромный шанс для реализации идеи дуализма, которая хорошо соответствует амбивалентности российского менталитета и национального характера народа.

Исход “перестройки” в конечном счете определяется именно возможностью воплощения политических ценностей в политическом поведении, ибо политическое изменение никогда не зависит только от наличия политических ценностей. Оно в намного большей степени зависит от возможности обучения народа на основе этих ценностей новым поведением, новым социальным действиям и новым “социальным играм”.

Примечания

Введение

1. См., например: *Блюмкин В.А.* Бюрократизм: социально-нравственные аспекты. М., 1990; *Худокормов А.Г.* Экономические корни бюрократизма. М., 1988; *Бюрократизм и управление.* Сыктывкар, 1990; *Попова С.И.* Политика, экономика, мораль. М., 1989.
2. *Ожиганов Э.Н.* Политическая теория Макса Вебера. Рига, 1986; *Макаренко В.П.* Теория бюрократии М.Вебера и буржуазные концепции организации и управления // *Вопр. философии.* М., 1986. № 3; *Графский В.Г.* Государство и технократия. М., 1981.
3. См., например: *Панарин А.С.* Социальная эсхатология и бюрократическая картина мира // *Бюрократия и общество.* М., 1991. С. 10-27; *Апресян Р.Г.* Этнос властвующей бюрократии // Там же. С. 28-49; *Рыклин М.К.* Сознание и власть: советская модель // Там же. С. 28-49; *Крадин Н.Н.* Бюрократия, административная система и азиатский способ производства // *Вопросы изучения бюрократии.* Владивосток, 1990. С. 3-15; *Хасбулатов Р.И.* Бюрократическое государство. М., 1991.
4. *Bolle de Bal. M.* Problèmes de sociologie du travail. Bruxelles: Ed. d'Inst. de Sociol. Univ. Libre, 1969. P. 29.
5. *Drouard A.* Réflexions sur une chronologie // *Revue française de sociologie.* P., 1982. № 11. P. 62.
6. *Rose M.* Servants of Post-industrial Power. L., 1979. P. 56.

Глава I

7. См., например: *История буржуазной социологии первой половины XX века.* М., 1979. С. 157-161.
8. См., например: *Андреева Г.М.* Социальная психология; *Пациорковский В.В.* Методологические аспекты генезиса концепции социального действия // *Критика современной буржуазной социологии.* М., 1976. Кн. 1. С. 26-35; *Ананьева М.И., Иконникова Г.И.* Новые тенденции современной буржуазной социологии: Крит. анализ. М., 1983.
9. См.: *Crozier M.* Le Phénomène bureaucratique. P. 21.
10. *Ibid.* P. 367.
11. См.: *Crozier M.* On ne change pas la société par décret. P. 16.
12. *Crozier M.* Le Phénomène bureaucratique. P. 277.
13. *Crozier M.* On ne change pas la société par décret. P. 11.
14. *Crozier M.* Les modes de gouvernements ne sont plus adaptés à un monde trop complexe // *Le Monde.* P. 1978. 26 avril. P. 1.
15. *Crozier M.* L'Acteur et le system. P. 5.

16. *Crozier M.* Pour une meilleure gestion du tissu collectif // Où va l'administration française. P., 1974. P. 209.
17. *Crozier M.* La société bloquée. P. 38.
18. *Crozier M.* Pour une meilleure gestion du tissu collectif. P. 213
19. *Crozier M.* On ne change pas la société par décret. P. 10.
20. См.: *Осинов Г.В.* Современная буржуазная социология. М., 1964. С. 342.
21. *Caillé A.* La sociologie de l'intérêt est-t-elle intéressante? // Sociologie du travail. P., 1981. № 3. P. 267.
22. *Crozier M.* Pour une meilleure gestion du tissu collectif. P. 209.
23. *Crozier M.* On ne change pas la société par décret. P. 19.
24. *Crozier M.* La crise des régulations traditionnelles. P. 376.
25. *Crozier M.* On ne change pas la société par décret. P. 289.
26. Ibid. P. 16.
27. Ibid. P. 22.
28. *Crozier M.* La crise des régulations traditionnelles. P. 372.
29. *Crozier M.* Pour une meilleure gestion du tissu collectif. P. 211.
30. *Crozier M., Huntington S., Watanuki J.* The Crisis of Democracy. N. 1. 1975.
31. Ibid. P. 2176.
32. Ibid. P. 4.
33. *Crozier M.* État moderne, État modeste? Stratégie pour un autre changement. P., 1987. P. 8.
34. *Crozier M.* Le Phénomène bureaucratique. P., 1963. P. 277; *Crozier M.* La centralisation // Où va l'administration française. P., 1974. P. 16-18; *Crozier M.* La crise des régulations traditionnelles // La sagesse et le désordre. P., 1980.
35. *Crozier M.* État moderne, État modeste? P. 150.
36. Ibid. P. 69.
37. Ibid. P. 20.
38. Ibid. P. 20.
39. Ibid. P. 77.
40. Ibid. P. 28.
41. *Crozier M.* The Crisis of Democracy. P. 28.
42. Ibid. P. 31.

Глава II

43. *Crozier M.* On ne change pas la société par décret. P. 21.
44. *Crozier M.* Le Phénomène bureaucratique. P., 1963. P. 194.
45. Dictionnaire de politique: Le présent en question. P., 1979. P. 251.
46. См., например: *Jouvenel B. de.* Du pouvoir. Histoire naturelle de sa croissance. P., 1972; *Balandier G.* Le pouvoir sur scènes. P., 1980; *Clastres P.* Society against the state. N.Y., 1977; *Bergeron G.* L'état en fonctionnement. P., 1993; *Mair L.* Primitive government. L., 1977; *Mair L.* Safeguards for democracy. L., 1961.

47. См., например: *Rogers M.F.* Instrumental and Infra-Resources. The Bases of Power // *American Journal of Sociology*. Chicago, 1974. Vol. 79, N 6. P. 1418-1433; *Poitou J.P.* Le pouvoir et l'exercice du pouvoir // *Introduction à la psychologie social*. P., 1973. Vol. 2. P. 45-79; *Wrong D.H.* Some Problems in Defining Social Power // *American Journal of Sociology*. Chicago, 1968. Vol. 73, N 6. P. 673-681; *Etzioni A.* *A Comparative Analyses of Complex Organizations*. N.Y., 1961.
48. См., например: *French J.R.P., Raven B.* The basis of social Power // *Studies in Social Power*. Mich, 1959. P. 150-167; *Cartwright D.* A field Theoretical conception of power // *Ibid*; *Blau P.* *Exchange and Power in Social Life*. N.Y., 1964.
49. *Rogers M.F.* *Instrumental...* P. 1419.
50. *Dahl R.* *The Concept of Power // A Reader in Theory and Research* N.Y., 1969. P. 80.
51. *Clark T.N.* *The Concept of Power // Community Structure and Decision-Making* San. Francisco., 1968. P. 46.
52. *Crozier M., Friedberg E.* *L'Acteur et le système; Crozier M.* *On ne change...*
53. *Crozier M.* *Le phénomène...* P. 194.
54. *Ibid.* P. 201.
55. *Ibid.* P. 202.
56. *Crozier M.* *La Société bloquée.* P. 34.
57. *Ibid.* P. 35.
58. *Ibid.* P. 36.
59. *Ibid.*
60. *Ibid.*
61. *Ibid.*
62. *Ibid.*
63. *Ibid.* P. 37.
64. *Ibid.*
65. *Ibid.*
66. *Ibid.*
67. *Ibid.*
68. *Crozier M.* *On ne change...* P. 52.
69. *Ibid.* P. 40.
70. *Touraine A.* *La rationalité et la politique d'entreprise // L'entreprise et l'économie du XX siècle.* P., 1969. T. 2. P. 556-557.
71. *Piètri M.* *Analise critique; Crozier M.* *On ne change pas la société par décret / Futurible.* P., 1979. N 25. P. 144.
72. *Touraine A.* *La foi de Michel Crozier // L'Expansion.* P., 1979. N 130. P. 273.
73. См.: *История буржуазной социологии XIX-XX веков.* С. 77-78.
74. См.: *Bureaucracy.* *The Blackwell Encyclopedia of Political Thought.* Oxford, 1987. P. 48-50.
75. *Гегель Г.В.* *Философия права.* М., 1990. С. 279-378.

76. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 270.
77. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 270.
78. Там же. С. 272.
79. Там же. С. 271.
80. Там же.
81. Там же. С. 272.
82. Там же.
83. Там же.
84. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 206.
85. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 30.
86. *Lefort Cl.* Élément d'une critique de la bureaucratie. P., 1971. P. 291; *Self P.* Political Theories of Modern Government. L., 1985.
87. *Lefort Cl.* Op. cit. P. 294.
88. *Anicet Le Pors* "L'État efficace". P., 1985. P. 65.
89. *Weber M.* Staatssoziologie. Berlin, 1956. P. 573.
90. Ibid. P. 574.
91. Ibid. P. 586.
92. La Sociologie et les sciences de la société. Sous la dir. *De J.Cazeuneuve*. P., 1975. P. 112.
93. *Rose M.* Servants of post-industrial power. L., 1979. P. 115; *Grémion P.* Le pouvoir périphérique. P., 1976. P. 21; 276.
94. *Reynaud D., Crozier M.* Le phénomène bureaucratique // *Revue fr. de sociologie*. P., 1964. Vol. 5, N 3. P. 340.
95. *Touraine A.* Le rationalisme libéral de Michel Crozier // *Sociologie du travail*. P., 1964. T. 2. P. 188.
96. *Hartmann B.* Bureaucratie: La force tranquille // *Vie française*. P. 1981, N 19. P. 17; *Ronde E/ Les français malades de l'administration* // *Monde dimanche*. P., 1982. 14-15 févr. P. 4.
97. *Crozier M.* Le phénomène... P. 234.
98. Ibid.
99. Ibid. P. 164.
100. *Crozier M.* La crise bureaucratique. P. 114.
101. *Crozier M.* On ne change... P. 26.
102. *Crozier M.* Le phénomène... P. 235-236.
103. Ibid. P. 236.
104. *Crozier M.* De la bureaucratie comme système d'organisation // *Archives européennes de sociologie*. P., 1961. V. 2, N 1. P. 18-52.
105. *Crozier M.* Le phénomène... P. 257.
106. *Crozier M.* La société... P. 93, 94.

107. *Crozier M.* Le phénomène... P. 193.
108. *Ibid.* P. 219.
109. *Crozier M.* On ne change... P. 48.
110. *Crozier M.* Le phénomène... P. 290.
111. *Crozier M.* La société... P. 97.
112. *Crozier M.* On ne change... P. 240.
113. *Crozier M.* La société... P. 82.
114. *Ibid.* P. 87.
115. *Ibid.* P. 107.
116. *Crozier M.* Le phénomène... P. 269.
117. Во французском лексиконе “нотаблями” считаются лица, которые благодаря своему богатству или престижу обладают значительным социальным весом в общественной жизни.
118. *Self P.* Administrative Theories and Politics. L., 1977.
119. *Self P.* Political Theories of Modern Government. L., 1985. P. 142-143.
120. *Meynaud J.* Technocracy. L., 1968.

Глава III

121. *Wolf R.P.* About Philosophy. Mass., 1989. P. 422.
122. См.: *Held D.* States and Societies. Oxford, 1983. P. 1; *Knuttila M.* *Op. cit.* P. 9.
123. *Bénéthon Ph.* Introduction à la politique moderne. P. 1987.
124. См.: *A.Passerin.* La notion de l'État. P., 1966. P. 37.
125. State // Intern. Encyclopedia of Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 15. P. 143.
126. *Knuttila M.* State theories: From liberalism to the challenge of feminism. Toronto, 1987. P. 14.
127. *Гоббс Т.* Сочинения. М., 1991. Т. 2. С. 307.
128. *Comte A.* Cours de philosophie positive. P., 1835. Vol. 2. P. 148-149.
129. *Ibid.* P. 144.
130. *Осипова Е.В.* Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977. С. 193.
131. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985. С. 46-57.
132. *Weber M.* Economy and Society. Berkeley, 1978. P. 941.
133. *Weber M.* The Methodology of the Social Sciences. N.Y., 1949. P. 78.
134. *Mosca G.* The Theory of Ruling Class. Ann Arbor, 1958. P. 53.
135. *Michels R.* Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y. P. 340.
136. *Ibid.* P. 365.
137. *Crozier M.* État moderne, État modeste. P. 1987. P. 164.
138. *Ibid.* P. 303.
139. *Ibid.* P. 164.
140. *Ibid.* P. 164-165.
141. *Crozier M.* On ne change pas la société par décret. P., 1979. P. 31.

142. *Refer W.H.* The Study of Coalitions // International Encyclopedia of the Social Science. Vol. 2. P. 524-529; *Gamson W.A.* Coalition Formation // Ibid. P. 529-534.
143. *Epstein L.D.* Parliamentary government // Ibid. Vol. 11. P. 423; *Parodi J.L.* La science politique. P., 1971; *Braud Ph.* La science politique. P., 1982. P. 65-69.
144. *Crozier M.* L'État... P. 9.
145. Ibid. P. 11.
146. Ibid. P. 123.
147. Ibid. P. 129-130.
148. *Chandler A.* The Visible Hand. Harvard, 1978.
149. *Crozier M.* L'État... P. 130.
150. Ibid. P. 27.
151. *Dahrendorf R.* Fragmente eines neuen Liberalismus. Stuttgart, 1987. S. 115.
152. См.: *Михайлов Б.В.* Современный американский либерализм: идеология и политика. М., 1983. С. 8-19.
153. *Crozier M.* Le phénomène... P. 258.

Глава IV

154. *Crozier M.* La société... P. 149.
155. *Crozier M.* On ne change... P. 226.
156. *Crozier M.* La société... P. 231.
157. Ibid. P. 219.
158. *Crozier M.* On ne change... P. 292.
159. Ibid. P. 228.
160. Ibid. P. 230.
161. Ibid. P. 242.
162. См.: *Юдин Б.Г.* Системные представления в функциональном подходе // Системные исследования. М., 1973. С. 115-126; Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977. С. 21-22.
163. *Hoffmann St., Crozier M.* Stratégie du changement. P. 77; *Touraine A.* La foi de Michel Crozier. P. 273.
164. См.: Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М., 1980. С. 100-110.
165. Там же. С. 14.
166. *Королева Г.И.* "Социальное экспериментирование" во Франции 70-х и начала 80-х годов. М., 1982. С. 15.
167. Там же. С. 11-12.
168. *Hoffmann St., Crozier M.* Stratégie du changement. P. 77.
169. *Fourastié J.* L'initiative individuelle, remède pour combattre le mal français // Le Figaro. P., 1979. 25 juin. P. 26.
170. *Touraine A.* La foi de Michel Crozier // L'Éxpansion. P., 1979. N 130. P. 273.

171. *Erikson E.* Life History and the Historical Moment. N.Y., 1975; Он же. Identity. Youth and Crisis. N.Y., 1968. P. 22.
172. *Erikson E.* Identity. Youth and Crisis. N.Y., 1968. P. 22.
173. *Erikson E.* Insight and Responsibility. N.Y., 1964.
174. *Erikson E.* Identity. Youth and Crisis. N.Y., 1968. P. 31-33.
175. См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Вопр. философии.* 1989. № 3,4.
176. *Dahl R.* Qui gouverne? P., 1971. P. 13.
177. Ibid. P. 343.
178. *Knuttila M.* State theories: From liberalism to the challenge of feminism. Toronto, 1987. P. 14.
179. См., например: *Устрялов Н.В.* Понятие о государстве. Харбин, 1931. С. 14; *Алексеев Н.Н.* Введение в изучение права. Париж, 1931. С. 145.
180. *Алексеев Н.Н.* Идея государства. Очерки по истории политической мысли. Н.-Йорк, 1955. С. 406.
181. *Grigg Pr.* Fundamental Principles of Democracy. P. 282-284. Цит. по: *Dahl R.* Qui gouverne? P., 1971. P. 342.

Заключение

182. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 200-201.
183. *Новгородцев П.А.* Демократия на распутье. М., 1993. С. 540-558.
184. *Crozier M., Huntington S., Watanuki J.* The Crisis of Democracy. N.Y., 1975. P. 43.
185. Ibid. P. 44.
186. Ibid.
187. Ibid. P. 45.
188. Ibid.
189. Ibid.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Кризис современного общества	8
1. <i>Методология понимания общества М.Крозье</i>	8
2. <i>Кризис управляемости современных демократий</i>	18
3. <i>Кризисная ситуация: первые проявления и общие характеристики</i>	23
4. <i>От индустриального общества к постиндустриальному: кризис “технократической рациональности” социального действия</i>	26
Глава II. Бюрократия и бюрократический кризис	35
1. <i>Кризис традиционных отношений власти</i>	35
2. <i>Политический анализ бюрократии</i>	55
3. <i>Социологический анализ бюрократии</i>	65
4. <i>Теория бюрократии М. Крозье</i>	73
Глава III. Роль государства в современных реформах	90
1. <i>Западная политико-философская мысль о государстве</i> ...	90
2. <i>Кризис управляемости современных государств</i>	116
3. <i>Кризис системы принятия решений</i>	120
4. <i>Регуляции и регламентации в государственных преобразованиях</i>	125
Глава IV. Проблемы реформирования	138
1. <i>Основы социального реформирования</i>	138
2. <i>Программа преобразования французского общества</i>	146
3. <i>Российский кризис идентичности</i>	155
4. <i>Социально-культурные особенности российского менталитета</i>	165
5. <i>Форма политического лидерства в переходный период</i>	182
Заключение	189
Примечания	195

Научное издание

СПИРИДОНОВА Валерия Игоревна

Бюрократия и реформа (анализ концепции М.Крозые)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В.К.Кузнецов*

Корректоры: *С.В.Нефедкина, Т.М.Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 07.04.97.

Формат 70х100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 06,34. Уч.-изд. л. 09,23. Тираж 500 экз. Заказ № 019.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В.Прохорова*

Компьютерная верстка: *А.В.Егоров*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119842, Москва, Волхонка, 14